

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Философия. Социология.
Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology.
Art Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

3

2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series

Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, Methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: Representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art studies – Alexander V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включена: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельством о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Politics), professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Politics), professor, head, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor of the Department of Political Sociology, dean, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, head, Department of History of Foreign Philosophy, dean, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art History), professor, Department of Cinema and Modern Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, dean, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts

Markov Alexander V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (deputy chief editor)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art History), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Execute editors:

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor (RSUH)

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor (RSUH)

I.O. Shevchenko, Cand. of Sci. (History), associate professor (RSUH)

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

A.V. Kuchenkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звегинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- А.И. Резниченко*, д-р филос. наук, проф. (РГГУ)
- А.В. Марков*, д-р филол. наук, доц. (РГГУ)
- И.О. Шевченко*, канд. ист. наук, доц. (РГГУ)
- Е.А. Колосова*, канд. социол. наук, доц. (РГГУ)
- А.В. Кученкова*, канд. социол. наук, доц. (РГГУ)
- О.В. Китайцева*, канд. социол. наук, доц. (РГГУ)

Содержание

Философия. История философии

<i>Евгения А. Шестова</i> Феноменология чтения: квази-телесность языка как основание традиции	12
<i>Федор А. Докучаев</i> Преодоление апории времени во «Времени и рассказе» Поля Рикёра. Часть вторая	22
<i>Юнона А. Сергеева</i> Метаморфозы труда: современные интерпретации	35
<i>Евгений М. Дмитриевский</i> Философия как положительная наука: Э.В. Ильенков о предмете философии	46

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Геннадий И. Козырев</i> Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира	55
<i>Дмитрий Н. Свировский</i> Военная интеллигенция: экстремальность службы и культуры пограничников Северного Кавказа	65
<i>Елена Е. Сухова</i> Особенности становления магистратуры в Германии	75
<i>Елена А. Гришина</i> Русский рэп как саморефлексия поколения	86
<i>Галина В. Тартыгашева</i> Основные подходы к понятию «паракультура»	97

Искусствоведение

<i>Мария В. Соколова</i> Усадебные дома стиля «королевы Анны» в поздневикторианской усадебной архитектуре: особенности планировки и фасадного декора	106
<i>Анна А. Суворова</i> Деятельность Жана Дюбюффе и дискурс ар брютта	118
<i>Владимир А. Колотаев</i> Функции проективной идентификации в киноискусстве	131
<i>Маня Лозовская</i> Французская комедия 1970-х годов: формула успеха	144

Contents

Philosophy. History of Philosophy

- Evgeniya A. Shestova*
Phenomenology of reading. The quasi-corporeality
of the language as the basis of tradition 12
- Fedor A. Dokuchaev*
The resolution of the aporia of time in Paul Ricoeur's
"Time and Narrative". Part Two 22
- Yunona A. Sergeeva*
The labor metamorphoses. Modern interpretations 35
- Evgeny M. Dmitrievskii*
A philosophy as a positive science. E.V. Ilienkov
about a subject of philosophy 46

Sociology: theoretical and empirical researches

- Gennady I. Kozyrev*
Subjectivity of the Russian intelligentsia in the defense
of the Russian world 55
- Dmitrii N. Svirovskii*
Military intelligentsia. Extremity of the service and culture
of border guards in the North Caucasus 65
- Elena E. Sukhova*
Features of the formation of magistracy in Germany 75
- Elena A. Grishina*
Russian rap as a self-reflection of the generation 86
- Galina V. Tartygasheva*
The main approaches to the concept of "paraculture" 97

Art Studies

<i>Maria V. Sokolova</i> The manor house style “Queen Anne” in Late Victorian estate architecture. Features of the layout and facade decoration	106
<i>Anna A. Suvorova</i> Jean Dubuffe’ activity and a discourse of Art brute	118
<i>Vladimir A. Kolotaev</i> Functions of projective identification in cinema	131
<i>Manya Lozovskaya</i> French comedy of the 1970s. The formula for success	144

Философия. История философии

УДК 130.121

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-12-21

Феноменология чтения: квази-телесность языка как основание традиции

Евгения А. Шестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; eschestova@gmail.com*

Аннотация. В статье работа языка рассматривается из перспективы феноменологии чтения. Письменный текст и его чтение понимаются как основное средство передачи смысла в ходе специфической коммуникации в пространстве текста.

В качестве отправной точки берется гуссерлевское понимание трансляции смысла как традиции, представленное в «Начале геометрии». В статье указывается на парадоксы, которыми отмечена такая трактовка традиции: 1) как значению придается всевременность с помощью историчного и фактичного языка; 2) как происходит ре-активация смысла, который еще не был доступен нам в опыте, не был произведен активно.

Для разрешения этих парадоксов продуктивным толчком становится концепция телесности языка, предложенная М. Мерло-Понти. Она дает основание для «вчувствования в культуру» и позволяет проследить взаимосвязь между двумя составляющими проблематики традиции, которые Гуссерль рассматривает отдельно: это вопрос о выражении смысла посредством языка и вопрос об intersубъективности. Привлечение измерения телесности и сопутствующих моментов гуссерлевской концепции intersубъективности продуктивно при описании даже тех случаев коммуникации, когда живого присутствия как такового нет.

Ключевые слова: Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, чтение, традиция, коммуникация, телесность

Для цитирования: Шестова Е.А. Феноменология чтения: квази-телесность языка как основание традиции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-12-21

Phenomenology of reading. The quasi-corporeality of the language as the basis of tradition

Evgeniya A. Shestova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; eschestova@gmail.com*

Abstract. The paper considers a language functioning from the prospective of phenomenological analysis of the reading. It identifies the written text and its reading as the main means for conveying meaning through the peculiar communication within the text space.

The starting point of the research is Husserl's interpretation of the tradition (as the meaning translation) explained in "Origin of Geometry". The article mentions the implicit paradoxes of Husserl's interpretation: 1) how the meaning becomes 'omnitemporal' through its expression in the historical and actual language; 2) how the re-activation of meaning, which was not yet intelligible to us in experience, was not actively carried out.

An idea of the corporeality gestural language proposed by M. Merleau-Ponty could be efficient to resolve those paradoxes. That idea grounds the concept of the "cultural empathy" and allows to trace the relationship between the two components of the tradition issue, taken by Husserl separately: the question of the language expression of the meaning, and the issue of intersubjectivity. Involving the measurement of corporeality and related aspects of the Husserl's concept of intersubjectivity is productive in describing even those cases of communication when there is no living presence as such.

Keywords: E. Husserl, M. Merleau-Ponty, reading, tradition, communication, corporeality

For citation: Shestova, E.A. (2019), "Phenomenology of reading. The quasi-corporeality of the language as the basis of tradition", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-12-21

В этой статье мы хотели бы исследовать, как работает язык, из перспективы феноменологии чтения. Нашей отправной точкой будет вопрос о письменном тексте и его чтении как о способе реализовать традицию в самом широком смысле этого слова: передать смысл в ситуации, когда нет прямого взаимодействия человека с человеком, нет «присутствия вживе». В то же время мы рассматриваем традицию в ее осуществлении как длящийся процесс передачи смыслов внутри человеческого сообщества. Иными словами, для нас чтение будет все же коммуникацией, но коммуникацией особого рода.

При этом мы хотели бы избежать двух крайностей. С одной стороны, чтение – это не просто некоторая разновидность диалога, в котором разговор ведется не голосом, а посредством знаков. Неверно будет понимать «коммуникацию» в чтении как беседу со стоящим за текстом реальным автором – в том числе и потому, что автор не предполагает беседу с каждым из читателей лично. И здесь мы, конечно, учитываем критику в адрес Гуссерля, которую высказывает в «Голосе и феномене» Деррида, говоря о фоноцентричности феноменологического понятия языка и о том, что гарантом смысла для нас выступает присутствие – в разных смыслах этого слова¹. С другой стороны, мы не хотели бы следовать уже найденным структуралистскими и постструктуралистскими путями и говорить о смерти автора и читателя, о самостановящемся и в значительной степени анонимном измерении языка или текста.

В статье мы будем использовать приставку «квази-» – собственно, она встречается уже в заглавии, – чтобы обозначить, что мы говорим не об авторе и читателе как конкретных людях. В то же время автор и читатель для нас – не просто эффекты, порождаемые текстом. Мы считаем (и попытаемся описать это), что акт чтения включает в себя коммуникацию с автором как структурный момент этого акта, что автор получает неотъемлемое квази-присутствие в тексте, которое не стоит сводить к иллюзии.

Двигаясь в рамках феноменологической традиции, в своем рассмотрении мы будем отталкиваться от гуссерлевского «Начала геометрии» – текста, который скорее обозначает проблему, чем разрешает ее. Мы полагаем, что продуктивную феноменологическую разработку темы чтения/традиции как коммуникации дает Морис Мерло-Понти, и поэтому мы будем во многом опираться на его работы о феноменологическом анализе языка: неоконченную книгу «Проза мира» и доклад 1951 г. «О феноменологии языка» из сборника «Знаки».

¹ См., например: «“Кажущаяся трансценденция” голоса, таким образом, происходит из того факта, что означаемое, которое всегда идеально по своей сущности, “выражаемая” *Bedeutung*, непосредственно присутствует в акте выражения <...> Живой акт, жизнедающий акт, *Lebendigkeit*, который оживляет тело означающего и трансформирует его в наполненное значением выражение, в душу языка, как будто не отделяет себя от себя, от своего собственного самоприсутствия» [Деррида 1999, с. 103–104].

*Выражение и интерсубъективность.
«Вчувствование в культуру»*

В «Начале геометрии» Гуссерль задается вопросом о том, как сочетается единство традиции и ее историческая реализация; «всевременность» идеальных сущностей и их существование в ходе истории. При этом упор он делает на первую часть этих оппозиций: его интересует *начало* традиции (как одной традиции, имеющей единый – не исторический, а сущностный – исток) и сохранение этого начала. И уже тут Гуссерль предлагает столь же понятный, сколь и парадоксальный ход: выведение смысла из сферы психологической в сферу идеальности и всевременности происходит через его закрепление в языке, который дает читателю возможность реактивировать смысл.

Точнее сказать, Гуссерль обозначает парадокс, и даже не один, а два, связанных друг с другом. Парадокс первый: как нечто идеальное, то есть по замыслу своему всевременное, закрепляется и передается благодаря историческому, фактическому, меняющемуся языку? Гуссерль, как правило, пытается обойти эту проблему, указав на необходимость «прояснения» языка. Но не было еще ни одной традиции, в которой удалось бы избежать возобновляемого вновь и вновь спора о терминах.

Парадокс второй: парадокс ре-активации. Находясь в рамках традиции, мы должны реактивировать смысл, который сами не произвели активно. Гуссерль сравнивает работу традиции с работой памяти, сопоставляя «понимание вослед другому пониманию» (*nachverstehen*) с повторным воспоминанием (*wiedererinnern*), припоминанием [Гуссерль 1996, с. 220]. Получается, что традиция требует от нас вспомнить то, чего лично мы еще никогда не пережили, но этот опыт пережил некто до нас (автор). Посредством языка нам передается прежде всего не сам этот опыт (который я еще только должен пережить как свой), но возможность этого опыта. Автор, таким образом, выступает своего рода «гарантом возможности» опыта – или по крайней мере притязает на это.

Гуссерль делает важное замечание: языковое понимание создает «общающееся сообщество» (*Mitteilungsgemeinschaft*) как «вчувствующееся и языковое сообщество» [Гуссерль 1996, с. 220]. Ключевое выражение здесь, на наш взгляд: «вчувствующееся сообщество». Именно оно, полагаем мы, может позволить свести воедино проблематику выражения смысла и интерсубъективности.

Вчувствование (*Einfühlung*) – один из ключевых терминов Пятой Картезианской медитации Гуссерля. Благодаря вчувствованию мы идентифицируем среди множества предметов мира людей. Их действия, их живая телесность подобны моему собственному

телу и моим телесным действиям, поэтому, проводя аналогию, я понимаю другого как подобного мне, как *alter ego*. Так я понимаю себя как первое и одно из множества схожих существ (как минимум нас двое, пара – *ego* и *alter ego*), а следовательно, осознаю не просто фактическое, но трансцендентальное существование человеческого сообщества и общую человеческую причастность к нему. Возможно, говорит Гуссерль мимоходом, и вчувствование

...в определенные образования психической сферы более высокого порядка. Они тоже проявляют себя телесно и в телесном поведении во внешнем мире, например во внешнем выражении поведения гневающегося, радующегося и т. п. вполне понятным образом, исходя из моего собственного поведения при сходных обстоятельствах [Гуссерль 2010, с. 154].

Такие выражения Гуссерль в «Логических исследованиях» называл «знаками-признаками», чтобы исключить выражение эмоций из сферы собственно языковой коммуникации. Выражение эмоций явно связано с телесностью, но не позволяет нам выйти к выражению смысла. Очевидно, под «вчувствующимся сообществом» как несущей основой традиции в «Начале геометрии» подразумевается нечто иное, связанное именно с языком как способом передачи смысла. Но как язык становится основой вчувствования? Работает ли он так же, как телесность, провоцируя создание аналогии?

Упомянув о «вчувствовании» в культурное сообщество один раз в «Начале геометрии» и один раз в «Картезианских медитациях»², Гуссерль тем не менее раз за разом описывает понимание, традицию и передачу смысла как происходящие словно бы без какого бы то ни было взаимодействия людей, непосредственного или опосредованного. И напротив – при анализе интерсубъективного измерения все связанные с Другим смыслы возникают при контакте с ним как с живым телом – а существование языка Гуссерль просто не учитывает. Это можно объяснить методическими целями: гуссерлевский аналитический подход нацелен на выделение того или иного опыта в его «чистоте», что часто требует дополнительной методической редукции.

Нам, однако, кажется, что изоляция друг от друга этих двух проблем упускает довольно большую часть работы языка. Мы считаем, что расширенный концепт «вчувствования» позволит объединить

² «Мне и разделяющим мою культуру она доступна только в виде *опыта чужого* в некотором *вчувствовании* в чужое объединение людей в культуре и в культуру этого объединения» [Гуссерль 2010, с. 172].

две эти проблемные области и посмотреть на язык в его коммуникативной функции: при этом не сводя коммуникацию только к случайным обстоятельствам.

Квази-телесность языка как среда вчувствования

Автор, который предлагает нам феноменологическую трактовку работы языка через «телесность», – это Морис Мерло-Понти, и мы хотим из этой перспективы рассмотреть выделенные у Гуссерля парадоксы традиции: парадокс соотношения всевременности и историчности идеальных смыслообразований и парадокс ре-активации. Каковы, на наш взгляд, важные тезисы Мерло-Понти.

Во-первых, он понимает язык не как инструмент выражения, но как среду, в которой происходят «смыслообразование и смыслооседание», – язык, собственно, и есть главная человеческая традиция, основа всех традиций. Более того, невозможно провести границу между уровнем языковым и смысловым: языковая среда – это среда явления смыслов, которые не могут явиться без языка, но в то же время не могут быть и сведены к языковым единицам или структурам, поскольку несут возможность смыслового сдвига. В смыслообразовании – мы еще вернемся к этому – всегда есть момент негативности по отношению к уже существующим смыслам.

Во-вторых, Мерло-Понти изначально рассматривает язык в его коммуникативной функции – в широком смысле слова. Выражение всегда уже подразумевает его возможное восприятие, даже если – как книга – не адресовано кому-то конкретному. В письме профессору Марсиаю Геру в 1952 г. Мерло-Понти прямо говорит о «коммуникации в литературе», в которой автор не просто передает свои мысли: «коммуникация пробуждает эти значения в моем разуме, используя приманки и всякого рода обходные пути» [Merleau-Ponty 1969, p. IV]. Эти обходные пути пробуждения значений и представляются нам наиболее интересными.

Третий важный момент: Мерло-Понти не проводит границу между языком и другими способами выражения. Язык он рассматривает как внешний уровень телесности, как специфический жест живого тела. Так понятие «вчувствования» как «культурного вчувствования» обретает свой смысл: я могу вчувствоваться не только в живое тело другого, но и в его «языковое тело», увидев в нем своеобразную квази-телесность. «Речь есть жест, а ее значение – это мир», – пишет Мерло-Понти уже в «Феноменологии восприятия» [Мерло-Понти 1999, с. 241].

Если на этих основаниях пересмотреть гуссерлевскую концепцию языка и ее ключевые моменты – значение, интенцию придания значения, исполнение этой интенции, – то можно яснее, как мне кажется, увидеть и феноменологически описать процесс передачи значения, в том числе и в рамках традиции (поскольку «языковой жест» не требует обязательного живого присутствия другого).

В одной из глав «Прозы мира», которая называется «Наука и опыт выражения», Мерло-Понти говорит, что введенное им в «Феноменологии восприятия» различие речи проговоренной и речи говорящей существует и при чтении – причем в роли «речи говорящей» выступает здесь книга. Я провожу аналогию между собой и автором книги на основании того, что мы пользуемся одним языком, но эта языковая аналогия позволяет мне сделать то, чего не позволяет аналогия живой телесности: отчасти встать на место другого. Для Гуссерля одна из важнейших характеристик «живого тела» – невозможность того, что два тела займут одно и то же место в пространстве: если я нахожусь «здесь», то другой всегда находится где-то «там». Однако «телесность» языка отличается от телесности обычного тела. Мерло-Понти использует для его описания христианский термин «прославленное тело» (заимствуя его у Фомы Аквинского) [Merleau-Ponty 1969, p. 21]. И такого рода тела как раз могут находиться одновременно в одном месте, пересекаясь в языковом «пространстве». Автор встраивается в мой мир, но тем самым – за счет постепенного сдвига значений – и я оказываюсь встроен в его мир.

Здесь важен момент переплетения активности и пассивности, который отмечает Мерло-Понти: «я получаю и отдаю в одном и том же жесте» [Merleau-Ponty 1969, p. 18]. Чтобы понять другого, я должен отчасти отказаться от своей позиции: не полагать другого как своего *alter ego*, но самому стать *alter ego* этого – воображаемого – другого. «Они [слова] благодаря нам, а мы благодаря им, становимся речью, разом голосом и эхом» [Merleau-Ponty 1969, p. 17]. Я должен впустить автора в себя, чтобы позволить ему изменить мою языковую телесность. Среда языка – это среда «общей» телесности, в которой различие «Я – другой» не будет бинарным, а взаимодействие происходит во многом как трансформация этого диффузного Я.

Знаки при этом не передают единичные смыслы, а скорее служат точками триангуляции в подвижном языковом пространстве, где соответствующим образом смещаются и переопределяются смыслы. Покрытию (*Deckung*)³ [Гуссерль 1996, с. 219], совпадению

³ Показательно, что Гуссерль использует это слово, которое, как подчеркивает переводчик М. Маяцкий, имеет «значение обеспечения (как,

«значения слова» и «значения смыслопроизводящего акта», о котором Гуссерль пишет как об очевидности смысла, предшествует обнаружение сдвига, зазора между существующим у меня смыслом и тем, который я пытаюсь понять. Таким образом, понимание вослед другому пониманию происходит как изменение собственно-го, уже имеющегося понимания и на основании этого понимания. Ре-активация – это не просто повторение прошедшего прошлого, закрепленного в языке, не просто совпадение «прошлого» и «настоящего» значения.

Интенция как притязание на смысл

Что вообще открывает возможность этой ре-активации, активного понимания вослед чужому пониманию? В «Начале геометрии» Гуссерль делает еще одно интересное и несколько темное замечание: что вместе с высказыванием должен передаваться и метод, способность, так сказать, «дешифровать» утверждение – с тем, чтобы вернуться к акту смыслообразования [Гуссерль 1996, с. 227]. Метод может передаваться в случае традиции геометрии или даже философии, но что делать, например, с литературой? Мы полагаем, что в наиболее общей форме этот «метод» заложен в самой структуре языка. Именно это описывает Мерло-Понти в своем докладе «О феноменологии языка» 1951 г.: возвращаясь к терминологии раннего Гуссерля, он дает детальный анализ того, как происходит смещение смысла.

В этом докладе Мерло-Понти описывает структуру слова-жеста так: слово и его значение соотносятся друг с другом так же, как жест и цель, на которую он направлен, и потому значение – это прежде всего то, что «вызывает у меня намерения» [Мерло-Понти 2001, с. 101]. То, в данном случае, до чего я пытаюсь дотянуться и что пытаюсь закрепить с помощью слова.

То есть слово передает не значение, а интенцию придания значения. Речь не о том, чтобы известить об имевшем место акте придания значения, а о том, что написанное слово провоцирует читателя на акт придания значения. Значение не вложено в слово как некое содержимое, а намечено в нем как цель – как нехватка, которую читатель должен восполнить. Соответственно, слово имеет как бы два смысловых аспекта: «положительный», который позволяет ему существовать в языковой среде и занимать там определенное место, и «отрицательный» – обозначение зазора между «сказанным

например, покрытие векселя, чека, потребностей)» [Гуссерль 1996, с. 219]. Мы получаем значение не как наличное, а как обещанное, как притязание, которое мы еще должны исполнить.

словом» и «говорящим словом», между готовым смыслом и значением смыслопридающего акта. Положительный аспект смысла направляет понимание читателя, очерчивает границы «нехватки», отрицательный – требует произвести значение самостоятельно. И это значение-цель – уже данное, но еще не достигнутое, обещанное, но данное в направленности на него, имеет особую темпоральность. Оно относится не к прошлому (был акт придания значения, который прошел и закреплён в слове) и не к настоящему (значение всегда актуально или исполняется сейчас) – а к будущему. Мерло-Понти предлагает для описания этой темпоральности французский грамматический термин *futur antérieur* [Merleau-Ponty 1988, p. 71] – перфект в будущем, действие, которое будет завершено к какому-то моменту в будущем. Так он описывает, с одной стороны, отнесенность исполнения смысла в будущее, с другой – существующее во всяком смысле обещание завершенности.

* * *

Таким образом, дополнение феноменологии выражения феноменологией чтения позволяет внимательнее исследовать функционирование традиции и предложить разрешение намеченных Гуссерлем парадоксов. Привлечение измерения телесности и сопутствующих моментов гуссерлевской концепции интерсубъективности продуктивно при описании даже тех случаев коммуникации, когда живого присутствия как такового нет. Это позволяет описать механизм движения традиции: что в ней дает возможность трансляции значений, какого толка эта трансляция и какова темпоральность основного акта «традирования», акта ре-активации.

Рассмотрение языка как уровня телесности, идея выражения-жеста позволяет определить специфику коммуникативного измерения, в котором и происходит работа понимания. В нем понятие «вчувствования» описывает ту двойственность пассивно-активного понимания, которая отличает коммуникацию от предполагаемой передачи значений, и показывает, почему эта двойственность работает даже тогда, когда у нас нет непосредственного общения с живым другим. В чтении мы встречаемся с языковой квази-телесностью автора, а точнее должны быть готовы поставить под вопрос себя и свое понимание и вступить в работу со смыслами в пространстве пронцаемой языковой телесности.

Идеальность смысла закрепляется в историчном языке, но не сковывается им, не захватывается фактичностью полностью, поскольку всегда сохраняется зазор между смыслом и языком (как речью говорящей и речью проговоренной). Смысл не может явиться иначе, как в языке, но сама структура слов языка при феноменологическом рассмотрении обнаруживает свою двойственность.

Слово закрепляет не значение, а интенцию придания значения, оно требует от читателя исполнения этой интенции.

Соответственно, и традиция – это не просто передача смысла из прошлого в будущее, а ре-активация – это не повторение прошлого в настоящем, это попытка исполнить притязание на смысл, воплотить обещанное будущее. Поэтому смысл не закреплен за настоящим, он обещан прошлым и направлен в будущее.

Литература

- Деррида 1999 – *Деррида Ж.* Голос и феномен // Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб., 1999. С. 9–137.
 Гуссерль 1996 – *Гуссерль Э.* Начало геометрии. М., 1996. С. 210–245.
 Гуссерль 2010 – *Гуссерль Э.* Картезианские медитации. М., 2010.
 Merleau-Ponty 1969 – *Merleau-Ponty M.* La prose du monde. Paris, 1969.
 Мерло-Понти 1999 – *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
 Мерло-Понти 2001 – *Мерло-Понти М.* О феноменологии языка // Мерло-Понти М. Знаки. М., 2001. С. 44–94.
 Merleau-Ponty 1988 – *Merleau-Ponty M.* Notes de cours sur L'origine de geometrie de Husserl. Paris, 1988.

References

- Derrida, J. (1999), "Speech and phenomena", in: Derrida J., *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya* [Speech and phenomenon and other works on the theory of the sign of Husserl], pp. 9–137, St. Petersburg, Russia.
 Husserl, E. (1996), *Nachala geometrii* [Origin of the Geometry]. Moscow, Russia.
 Husserl, E. (2010), *Kartezianskie meditazii* [Cartesian meditations]. Moscow, Russia.
 Merleau-Ponty, M. (1969), *La prose du monde*. Paris, Fr.
 Merleau-Ponty, M. (1999), *Phenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Saint-Petersburg, Russia.
 Merleau-Ponty, M. (2001), *O fenomenologii yazyka* [On the phenomenology of language], in: Merleau-Ponty M. *Znaki* [Signs], Moscow, Russia.
 Merleau-Ponty, M. (1988), *Notes de cours sur L'origine de geometrie de Husserl*. Paris, Fr.

Информация об авторе

Евгения А. Шестова, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; eschestowa@gmail.com.

Information about the author

Evgeniya A. Shestova, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; eschestowa@gmail.com.

Преодоление апории времени во «Времени и рассказе» Поля Рикёра

Часть вторая

Федор А. Докучаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, dokuchaev.f@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается решение апории времени в третьем томе «Времени и рассказа» Поля Рикёра. Рассматривается постановка проблемы – феноменологическая традиция не может непротиворечиво описать конституирование объективного времени исходя из времени сознания. Поэтика нарратива, с точки зрения Поля Рикёра, отвечает на этот вопрос. Настоящая статья посвящена критике нарративного решения проблемы времени. Выдвигается понятие «аналитической феноменологии», противопоставленной герменевтической феноменологии Рикёра. Проводится сравнение между «аналитической феноменологией» и критическим анализом Поля Рикёра идеалистической интерпретации феноменологии Гуссерля. Демонстрируется различие герменевтики и феноменологии, проводимое Полем Рикёром. Критикуется основной тезис его феноменологической герменевтики – тезис о необходимой «высказываемости» (*dicibilité*) всякого возможного опыта. В зависимости от принятия различных теорий языка этот тезис открывает путь для бесчисленных интерпретаций. Защищается позиция, согласно которой некоторые феномены опыта не могут быть проговорены в языке и выражаются в нем лишь косвенно, посредством нарушений речи и молчания. Характерным примером такого феномена является событие. Показывается, что для его анализа феноменологическая герменевтика Поля Рикёра оказывается недостаточна. В качестве альтернативного подхода к понятию события предлагается феноменология Жана-Люка Мариона.

Ключевые слова: проблема времени, феноменологическая герменевтика, темпоральность, нарратив, событие

Для цитирования: Докучаев Ф.А. Преодоление апории времени во «Времени и рассказе» Поля Рикёра. Часть вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 22–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-22-34

The resolution of the aporia of time in Paul Ricoeur's "Time and Narrative"

Part Two

Fedor A. Dokuchaev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; dokuchaev.f@gmail.com*

Abstract. A resolution of the aporia of time in the third volume of *Time and Narrative* by Paul Ricoeur is considered in the article. It also considers the statement of an issue that the phenomenological tradition fails to describe consistently the constitution of the objective time on the basis of the time of consciousness. From Ricoeur's point of view, the poetics of the narrative can resolve the issue. This paper is focused on the criticizing its resolution through the narrative. The notion of "analytical phenomenology" is introduced here. An analytical phenomenology is compared with Paul Ricoeur's critical examination of idealistic interpretation of the Husserl's phenomenology. The difference between phenomenology and hermeneutics, proved by Ricoeur, is investigated too. The author passes criticism upon general thesis of Paul Ricoeur's phenomenological hermeneutics that any experience is designed to be expressed in language (*dicibilité*). Depending on the adoption of various theories of language, this thesis opens the way for countless interpretations. It is argued that some phenomena of the experience are not available to language expressions; they can be recognized only in linguistic haltings as moments of silence. A typical example of such a phenomenon is an event. Phenomenological hermeneutics of Paul Ricoeur fails to analyse it. As an alternative approach to the concept of the event, the phenomenology of Jean-Luc Marion is proposed..

Keywords: problem of time, phenomenological hermeneutics, temporality, narrative, event

For citation: Dokuchaev, F.A. (2019), "The resolution of the aporia of time in Paul Ricoeur's 'Time and Narrative'. Part Two", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 22–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-22-34

Введение

Эта статья является продолжением текста, опубликованного в журнале «Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение» [Докучаев 2019]. В нем мы постарались вкратце обрисовать нарративный подход Поля Рикёра к решению проблемы времени. Французский философ полагал, что попытка теорети-

ческого описания времени как сущности связана с неразрешимыми проблемами, апориями. Из трех выделенных им апорий мы сосредоточились на невозможности совместить время мира и время сознания – разрыв, который был обозначен уже в «Исповеди» Августина. Согласно Рикёру, попытки Гуссерля и Хайдеггера вывести время мира из изначальной структуры опыта или *Dasein*, тоже не увенчались успехом. Эти два образа времени так и остались концептуально несопоставимы. Вместо попытки создать новую теорию времени, французский философ предлагает обратиться к различным формам нарратива, в котором, согласно Рикёру, время и обретает свою форму. Свой подход он называет феноменологической герменевтикой – и вместо аналитики опыта предлагает заниматься его интерпретацией.

Мы закончили нашу предыдущую статью на трех вопросах: не теряет ли Рикёр аналитический характер феноменологии, встраивая ее в свой герменевтический подход? Можно ли в исследовании темпоральности ограничиваться лишь областью вербального? И наконец, не теряется ли проблематичность аналитики времени, как только ее переносят на уровень рассказа?

Все эти вопросы тесно связаны с еще одним, более глобальным вопросом – может ли феноменология все еще опираться на опыт как на пространство своей дисциплины или ее работа, неизбежно осложняемая возникающими затруднениями, должна переместиться в другую сферу? Должна ли она отойти от созерцания опыта и рефлексии над ним и перейти к работе со всегда означенным опытом, всегда опосредованным языком?

В последнем случае подход Рикёра преодолевает не только поставленные феноменологией проблемы, но и саму феноменологию как метод, предлагая нам решение, невозможное в рамках этой дисциплины.

Проект феноменологической герменевтики

Итак, наше исследование приводит нас к необходимости рассмотрения отношения Рикёра к феноменологии как к дисциплине. Переводчик «Идей I» Гуссерля и автор обширного введения к этой книге, Рикёр не мог оставаться безразличным к феноменологии – она во многом составляла основу его мышления. Вопрос, однако, заключается в том, какую из феноменологий он выбирает как точку опоры. Напомним, что у одного Гуссерля можно насчитать как минимум три различных варианта феноменологии: феноменологию как дескриптивную психологию «Логических исследований», феноменологию как трансцендентальную дисциплину «Идей I»

и «Картезианских медитаций», и генетическую феноменологию «Кризиса европейских наук». Другим важным автором для Поля Рикёра был Мартин Хайдеггер, отталкиваясь от мысли которого Рикёр предложил свой вариант соединения феноменологии и герменевтики [Рикёр 2008].

Однако для разработки этого подхода Поль Рикёр обращается именно к Гуссерлю, его позиция отражена в сборнике «От текста к действию. Эссе о герменевтике» [Ricoeur 1986a]. Первый раздел этой работы посвящен той разновидности феноменологии, которую Рикёр называет герменевтической – и которую он использует как собственный метод. Герменевтика, как пишет Рикёр в предисловии, «никогда не прекращала “спорить” с гуссерлианской феноменологией; она проистекает из нее (в двух смыслах): с одной стороны, как из места, где она появилась, а с другой, как из места, которая она покинула» [Ricoeur 1986a, p. 7]. Граница между собственным проектом Рикёра и феноменологиями Гуссерля и Хайдеггера проводится в статье «Феноменология и герменевтика» [Ricoeur 1986b]. Важно, что эта статья, впервые опубликованная в 1975 г., была включена французским философом в его программный сборник статей 1986 г., а значит, оставалась для него актуальной и до и после публикации «Времени и рассказа».

Поль Рикёр подчеркивает, что его герменевтика противостоит не феноменологии как целому, но лишь одной из ее интерпретаций – а именно идеалистической интерпретации Гуссерля. В качестве отправной точки для своей критики Рикёр берет «Послесловие» к «Идеям I» Гуссерля¹, которые вместе с «Картезианскими медитациями», по мнению Рикёра, представляют самую разработанную версию гуссерлианского идеализма. Вместе с тем он утверждает, что феноменология и герменевтика взаимозависимы – одна, согласно французскому мыслителю, предполагает другую².

Здесь мы можем скорректировать наш вопрос, разделив его на две части:

- 1) тождественна ли идеалистическая интерпретация феноменологии нашей «аналитической феноменологии»;
- 2) в каком смысле, согласно Рикёру, феноменология нуждается в герменевтике.

¹ Впервые это послесловие было опубликовано в 1930 г. в «Ежегоднике по философии и феноменологическим исследованиям/Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung».

² Более подробное рассмотрение корректности интерпретации Рикёром работ Гуссерля и Хайдеггера можно найти в книге Инги Рёмер [Römer 2010], краткая рецензия см.: [Iyer 2013].

Сперва уточним понятие «аналитической феноменологии». Здесь мы опираемся на работы В.И. Молчанова, который выделяет различие как основу опыта, а иерархию различий обозначает как результат анализа [Молчанов 2015, с. 21].

Кажется, что герменевтика уже показала, что всякое познание начинается с протосуждения, историчности познающего субъекта, выбора объекта познания, наконец. Разве здесь мы не попадаем сразу в пространство интерпретации? Мы полагаем, что такое понимание неоправданно расширяет понятие «интерпретации», помещая в его область совершенно разные акты сознания.

Базовым смысловым различием является различие фона и объекта. Уже после совершения этого первичного различия появляется возможность встроить объект в различные смысловые измерения (историческое, экзистенциальное, метафизическое). Только здесь мы переходим к интерпретации, определению смысла различенного объекта и его коммуницированию. Аналитическая феноменология не стремится дать объяснение феноменам сознания, прояснить их смысл как культурных, исторических или иных объектов. Она стремится предложить как можно более ясные различия актов и феноменов сознания, прояснить опыт, а не интерпретировать его. Для этого приходится вырабатывать собственный язык, высказывания на котором сами по себе могут быть предметом интерпретации, но сам факт наличия которого указывает на недостаточность уже существовавших нарративных форм и языков описания. Всякое различие должно иметь возможность проверки посредством повторного обращения к опыту. В случае интерпретаций, как отмечал сам Поль Рикёр, неизбежен конфликт.

Итак, аналитическая феноменология разделяет интерпретацию и анализ опыта. Своим рабочим инструментом она выбирает анализ, а проверку собственных различий осуществляет за счет обращения к опыту.

В отличие от этого, герменевтическая феноменология Поля Рикёра признает язык неизбежным посредником анализа опыта, а интерпретацию выбирает своим основным инструментом. Как мы увидим, связь опыта и языка в концепции французского философа невероятно тесна.

Критика идеалистической феноменологии

Как мы уже обозначили, главным оппонентом Поля Рикёра является гуссерлианский идеализм. Вот как он описывает основные тезисы этого подхода:

1. Гуссерль полагает, что «идеал научности, “последнее основание”, находится на другом уровне по отношению к фактическим наукам» [Ricoeur 1986б, р. 41]. Всякая наука вторична по отношению к феноменологическому идеалу научности. Таким образом, между феноменологией как фундаментальным проектом и опытными данными естественных наук образуется разрыв.

2. Для Гуссерля приоритетной является наполненная интенция. Принципиальный способ обоснования всякого суждения – приведение к очевидности. Оно осуществляется за счет обращения к «пространству опыта» [Ricoeur 1986б, р. 42].

3. Местом наполненной интенции является субъективность. Только имманентное несомненно. Трансцендентное – мир, другое Я – является всегда сомнительным, требует обоснования.

4. Субъективность, возведенная на трансцендентальный уровень, не является эмпирическим сознанием, объектом психологии. Их отделяет, однако, только редукция – и параллелизм психологического и трансцендентального сознания несомненен. Разница заключается в установке, онтологическом индексе.

5. Осознанность, лежащая в основе работы рефлексии, имеет собственные этические последствия: рефлексия является актом непосредственной ответственности за себя (*de soi*) [Ricoeur 1986б, р. 44].

На каждый из этих тезисов находится контр-тезис со стороны герменевтики.

1. Идеал научности, понимаемый в гуссерлианском идеализме как идеал последнего обоснования, сталкивается со своей фундаментальной ограниченностью в онтологической обусловленности понимания. Поскольку всякое понимание уже обусловлено, никакое не может претендовать на первичность и фундаментальность.

2. Требование Гуссерля вернуться к созерцанию (*intuition*) противоречит необходимости для каждого понимания быть опосредованным интерпретацией [Ricoeur 1986б, р. 46]. Ведь интерпретация является универсальным концептом – наравне с «пониманием» и «принадлежностью».

3. Что субъективность является местом последнего обоснования, что только имманентность является несомненной, а всякое трансцендентное сомнительным – это утверждение попадает под вопрос вместе с радикальной феноменологической критикой *Cogito* [Ricoeur 1986б, р. 49]. Поль Рикёр полагает, что начинает эту критику Мартин Хайдеггер, но в эту же линию критику *cogito* он включает критику идеологий и психоанализ – все они разрушают идею несомненности «Я».

4. Продолжает эту критику сама герменевтика. Ведь взять за герменевтическую основу теорию текста – значит радикально

поставить под вопрос примат субъективности. Текст свободен от интенции автора – понять текст значит развернуть «мир», который он открывает и раскрывает [Ricoeur 1986б, р. 52]. Этот подход выгодно отличается от подхода идеалистической феноменологии, пребывающей в постоянной опасности быть сведенной до трансцендентального субъективизма. В теории текста вопрос об интенции автора становится подчиненным по отношению вопросу о сущности текста.

5. Против идеалистического тезиса о предельной ответственности рефлексирующего субъекта, герменевтика предлагает воспринимать субъективность как последнюю, а не первую категорию теории познания. Субъективность должна быть потеряна как начало, если она должна быть заново открыта в более скромной роли, чем роль радикального начала [Ricoeur 1986б, р. 53].

Понимать *себя* значит понимать *себя перед* текстом, научить воспринимать – делать чуждое собственным. Я перестаю быть повелителем текста, чтобы позволить ему быть самим собой: «я меняю свое *Я, господина* над собой, на *себя, ученика* текста» [Ricoeur 1986б, р. 54]. Я *дистанцируется* от самого себя, обретает способность *отозваться* на «воображаемые вариации», порождаемые поэзией и художественной литературой.

Следует заметить, что отход от требования «очевидности» опыта как предельного основания, принципа всех принципов, является очень характерным для современной феноменологии. В качестве примера можно указать на конструктивную феноменологию Александра Шнелля³, проект которого Г. Чернавин даже сравнивает с «догматической метафизикой» [Чернавин 2019, с. 192]. А.В. Ямпольская отмечает уклон в метафизику в анализе работ Кандинского у Мишеля Анри и Анри Мальдине [Ямпольская 2018]. Однако в этих подходах авторы все же пытаются выйти за пределы опыта через опыт, а не провозглашают язык необходимым посредником для работы с пространством опыта.

В результате проведенного сравнения мы можем сделать следующие выводы. «Аналитическая феноменология» схожа с «идеалистической» в расценивании опыта как основного ресурса феноменологической работы. Приведение к очевидности и фиксация очевидно усмотренного различия в понятиях также является целью «аналитической феноменологии». Однако в рамках «аналитической феноменологии» совсем не обязательна концентрация на субъекте. Строго говоря, различия могут оставаться актуальными для совершенно разных сред.

³ См.: [Чернавин 2019, с. 175–196].

Взаимосвязь герменевтики и феноменологии

Критика гуссерлевского идеализма с точки зрения герменевтики не является для Рикёра конечной целью. Французский философ хочет разработать позитивный метод феноменологической герменевтики [Ricoeur 19866, p. 55], показав, что феноменология является неотъемлемой частью герменевтики – и наоборот. Свои соображения он также излагает в тезисной форме.

1. Самая фундаментальная феноменологическая предпосылка, присутствующая во всякой герменевтике, состоит в том, что *любой вопрос о сущем является вопросом о смысле этого «сущего»*. Выбор в пользу смысла есть наиболее общая предпосылка всякой герменевтики. Остается однако вопрос, может ли смысл быть невербальным? Рикёр продолжает – необходимо допустить, что опыт всегда имеет принципиальную *высказываемость* (dicibilité). Переносить опыт в язык, значит не творить нечто новое, но заставлять его стать самим собой.

2. Другая параллель между герменевтикой и феноменологией – дистанцирование смысла и эпохе. Феноменология начинается в тот момент, когда мы, недовольные простым проживанием или переживанием опыта, приостанавливаем переживание, чтобы его означить. «Переживанию» (vécu) феноменологии в герменевтике соответствует сознание, открытое к исторической действительности. Герменевтика начинается в тот момент, когда мы, не желая принадлежать лишь к переданной нам традиции, разрываем это отношение принадлежности, чтобы его обозначить.

3. Герменевтика разделяет с феноменологией тезис о производном характере обозначений лингвистического порядка. Рикёр признает нелингвистическим опытом опыт восприятия предмета искусства – игры, будь то игра в футбол или игра в театральном смысле слова. Исторический и эстетический опыт предшествует высказываемости языка (Sprachlichkeit). В феноменологии лингвистический уровень вторичен по отношению к уровню нозматического анализа, а конституирование полной нозмы предшествует именованию, предикации, синтаксическим связям и тому подобному.

4. Гуссерлеанская феноменология приходит от анализа темпорального характера сознания к анализу исторического опыта – и здесь она уже не может обойтись без герменевтики.

На основании этих схожих черт Рикёр пытается показать, что феноменологические интуиции заложены в самой герменевтике. Но и феноменология для него с необходимостью герменевтична, ее метод – *Auslegung*, экзегеза, экспликация опыта. Поль Рикёр

обращается к текстам Гуссерля для прояснения своей позиции. Во-первых, в первом томе «Логических исследований» анализ актов обозначения совпадает с анализом полисемии слов, которой занимается герменевтика. Во-вторых, хотя высказывания и проясняются за счет возвращения к интуиции, интерпретация уже заложена в ней самой. Во втором томе «Логических исследований» схватывание общего и схватывание частого имеют общий корень – проинтерпретированное ощущение. В-третьих, экзегеза актуальна и для познания другого Я – к этой проблеме Гуссерль обращается в Картезианских медитациях. Собственное и чужое, полагает Рикёр, конституируется в рамках *одной и той же* интерпретации – потому нет смысла искать первоопыт, предшествующий каждому проинтерпретированному опыту. Он является лишь интенциональной границей, к которой отсылает вопрошание, направленное к началам знания (*die Rückfrage*).

При этом феноменология Гуссерля, по Рикёру, еще не является герменевтикой – она опирается на самообъясняющий, очевидный опыт. Однако этот идеализм не может выстоять под натиском герменевтической критики – феноменология и герменевтика взаимно предполагают друг друга только тогда, когда мы преодолеваем гуссерлианский идеализм.

Проблема «высказываемости» опыта

Как мы уже отмечали ранее, проект Поля Рикёра опирается на один очень важный термин – «высказываемость опыта» (*dicibilité, Sprachlichkeit*). Необходимое условие всякого опыта – возможность быть проговоренным. Опыт не является законченным без подобной возможности: «Переноса опыт в язык (*le porter à language*), мы, артикулируя и развивая его, даем ему стать самим собой» [Ricoeur 1986б, р. 56]. Отметим существенную трудность, которая возникает при трактовке этого фрагмента.

Термин *dicibilité* совершенно меняет свой смысл в зависимости от теории языка, к которой мы прибегаем. Возьмем теорию языка раннего Витгенштейна – языковые выражения моделирует мир, поскольку логическая структура мира и языка одинаковы. В этом смысле всякий опыт скажем постольку, поскольку он обладает специфической логической структурой. Тем не менее есть и регион опыта, о котором язык молчит – например, опыт мистического. Тезис Рикёра в этом контексте значил бы, что несказуемого опыта в принципе нет – поскольку, например, логическая структура одинаково пронизывает все регионы опыта. В этом смысле язык может выразить любой опыт.

Теперь обратимся к теории языка позднего Витгенштейна – теории языковых игр. Язык предстает как часть человеческой деятельности, набор инструментов, а не единое явление. Он уже не отражает опыт, а, скорее, облегчает наше обращение с ним. Классический пример – ритуал. Участники ритуала описывают свои действия в специфической терминологии не потому, что придерживаются определенных тезисов о структуре мира, но потому, что такие описания позволяют облегчать проведение ритуала. Только специфические модификации языка – например в теоретической практике – позволяют видеть в нем модель реальности и соответствующим образом его употреблять. В этом ракурсе тезис о сказуемости всего возможного опыта говорит о том, что язык может быть *приспособлен как инструмент* ко всему пространству опыта. Но значит ли это, что язык тем самым выражает опыт? Вовсе нет. Опыт, невербальный контекст высказывания остается определяющим для языковой игры.

В наиболее острой форме вопрос можно поставить так: делают ли описания языка опыт доступным, или же сами описания становятся понятны только исходя из невербализуемых структур опыта?

В заключении нашей статьи мы постараемся показать, что значительные проблемы возникают при попытке применить тезис о «высказываемости» опыта применимо к его темпоральной структуре.

Трудности применения концепции «высказываемости опыта» к опыту времени

Мы лишь наметим два пути критики «высказываемости» темпорального опыта. Во-первых, продемонстрируем феномены, на которые язык лишь *указывает*, их не *проговаривая*, а во-вторых, продемонстрируем концептуальные основания несоразмерности языка и темпорального феномена. В данном случае мы сосредоточимся на понятии события.

Как обнаруживается неисчерпаемость события? В его неопишемости. Следует различать инцидент, о котором говорит Рикёр во введении к первому тому «Времени и рассказа» [Ricoeur 1983, p. 7], и событие. Инцидент – часть реальности рассказа, то, что запускает действие, то что содержится в его структуре и является частью построения интриги; он действительно принадлежит нарративному порядку. Событие, послужившее основой для «инцидента», может обрасти множеством толкований, но само остаться непроговоренным, невыраженным в языке. Мы остановимся на одном примере косвенного говорения о невыразимых событиях: встрече с Богом.

Отношение языка и божественного замечательно обрисовано в Книге Иова. Теряющий все радости жизни Иов становится объектом для поучений мудрецов, но все их слова не удовлетворяют его: «Но я к Вседержителю хотел бы говорить и желал бы состязаться с Богом» (13:3). Речь Бога, однако, далека от оправдательной – по сути, он лишь заново утверждает свой статус, не сообщает Иову ничего нового, что тот упоминает в ответе: «знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено» (42:2). Тем не менее происходит какая-то перемена: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (42:5–6). Эта перемена, это второе ключевое событие в жизни Иова, его возрождение, отмечено несовпадением слова и реальности встречи, убедительности дискурса и убедительности события. Божественное здесь отмечено как недоступное, трансцендентное, данное – через эффект своего явления, а не через описание и рассказ.

Неисчерпаемость события имеет и другое значение. Как отмечает в своей работе «О преизбытке» Жан-Люк Марион, событие можно понимать как феномен, не обладающий количеством, а точнее не вписывающийся в количественную категорию рассудка в кантианской философии [Marion 2015, p. 40]. Каждый феномен, схватываемый как объект, согласно Канту, должен обладать определенной количественной характеристикой – так что он заранее воспринимается как агрегат, совокупность своих частей. Важнейшей особенностью такого феномена, как указывает Марион, является то, что его можно предвидеть в его количественности, что в нем не остается ничего непредвиденного. В стабильном кантианском объекте познания от нас ускользает само время. Ведь событие как раз и является тем, что предвидеть нельзя, что не состоит из набора предсказуемых частей, «неповторимое, превосходящее всякую причину и делающее невозможное возможным» [Marion 2015, p. 47]. Для нас здесь важно то, что для Канта язык строится как раз на схеме понятий рассудка: «помимо же созерцания существует лишь один способ познания, а именно познание через понятия; следовательно, познание всякого, по крайней мере человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное»⁴. Событие в этой оптике предстает принципиально неписуемым – именно потому, что оно так близко

⁴ *Кант И.* Критика чистого разума: В 2 ч. Ч. 1 // Соч. на нем. и рус. языках. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2006. С. 157–159. Отметим, однако, что понятия рассудка не сводятся к вербальному уровню. Подробнее про отношения языка и рассудка в кантианской философии см.: [Смирнов 2018].

самому времени, которое остается очевидной составляющей опыта, даже если на вопрос «что такое время?» мы снова и снова отвечаем: «не знаю».

Литература

- Докучаев 2019 – Докучаев Ф. Преодоление апории времени во «Времени и рассказе» Поля Рикёра. Ч. 1 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 20–31.
- Рикёр 2008 – Рикёр П. Существование и герменевтика // Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008. С. 39–66.
- Ricoeur 1986a – Ricoeur P. Du texte à l'action : Essai d'hérméneutique. Paris : Édition Seuil, 1986. 416 p.
- Ricoeur 1986b – Ricoeur P. Phénoménologie et hérméneutique // Du texte à l'action : Essai d'hérméneutique. Paris : Édition Seuil, 1986. P. 39–136.
- Молчанов 2015 – Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015. 277 с.
- Römer 2010 – Römer I. Das Zeitdenken bei Husserl, Heidegger und Ricoeur. Heidelberg, London, New York: Springer, 2010. 546 p.
- Iyer 2013 – Iyer A.A. Inga Römer: Das Zeitdenken bei Husserl, Heidegger und Ricoeur // Husserl Studies. Vol. 29. No. 2, 2013. P. 163–170.
- Чернавин 2019 – Чернавин Г. Конструктивная феноменология Александра Шнелля // Феноменология времени. М.: Группа компаний «РИПОЛ Классик»/«Панглосс», 2019. С. 175–196.
- Ямпольская 2018 – Ямпольская А.В. Искусство феноменологии. М.: Рипол-Классик, 2018. 342 с.
- Ricoeur 1983 – Ricoeur P. Le temps et le récit. T. 1. Paris: Édition du Seuil, 1983. 324 p.
- Marion 2015 – Marion J-L. De surcroît. Paris, Presses Universitaires de France, 2015. 172 p.
- Смирнов 2018 – Смирнов М.А. Философия Канта и «лингвистическое кантианство» // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 32–45.

References

- Dokuchaev, F.A. (2019), “The resolution of the aporia of time in Paul Ricoeur’s Time and Narrative. Part One”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 20–30.
- Ricoeur, P. (2008), “Existence and Hermeneutics”, in Ricoeur, P., *The Conflict of Interpretations*, Akademicheskii proekt, Moscow, pp. 39–66.
- Ricoeur, P. (1986), *Du texte à l'action : Essai d'hérméneutique*. Édition Seuil, Paris.
- Ricoeur, P. (1986), Phénoménologie et hérméneutique, in Ricoeur, P., *Du texte à l'action : Essai d'hérméneutique*. Édition Seuil, Paris, pp. 39–136.
- Molchanov, V.I. (2015), *The phenomenon of space and the origin of time*, Akademicheskii proekt, Moscow.

- Römer, I. (2010), *Das Zeitdenken bei Husserl, Heidegger und Ricoeur*. Springer, Heidelberg, London, New York.
- Iyer, A.A. (2013), Inga Römer: Das Zeitdenken bei Husserl, Heidegger und Ricoeur. *Husserl Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 163–170.
- Chernavin, G. (2019), “Constructive phenomenology of Alexander Schnell”, in *Phenomenology of time*, Gruppa kompanii “RIPOL Klassik”/“Pangloss”, Moscow, pp. 175–196.
- Yampol’skaya, A.V. (2018), *The art of phenomenology*. Ripol-Classic, Moscow.
- Ricoeur, P. (1983), *Le temps et le récit*, vol. 1. Édition du Seuil, Paris.
- Marion, J-L. (1983), *De surcroît*, Presses Universitaires de France, Paris.
- Smirnov, M.A. (2018), “Philosophy of Kant and ‘Linguistic Kantianism’”, *Kantian Journal*, vol. 37, no. 2, pp. 32–45.

Информация об авторе

Федор А. Докучаев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; dokuchaev.f@gmail.com

Information about the author

Fedor A. Dokuchaev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dokuchaev.f@gmail.com

Метаморфозы труда: современные интерпретации

Юнона А. Сергеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, junona1987@mail.ru*

Аннотация. В центре внимания статьи находится не абстрактное понятие труда, а конкретный человеческий труд, отождествляемый с профессиональной деятельностью, работой, нацеленной на поддержание достойного уровня жизни и самореализацию. Отношение к труду, его роль в жизни человека и общества постоянно претерпевают значительные изменения, заставляют индивидов меняться и подстраиваться под новые условия труда, осваивать совершенно новые профессии и навыки. Наряду с метаморфозами труда в конце XX в., вызванными постиндустриальными тенденциями, современные исследователи в условиях усиления процессов глобализации, технического прогресса и поляризации доходов в начале XXI в. фиксируют беспрецедентные изменения в сфере трудовых отношений и социальные явления, позволившие даже говорить о «конце труда» в его традиционном понимании (М.Н. Макарова).

Среди них в данной статье рассматриваются возникновение нового класса, называемого *прекариатом*, и *прекаризация* трудовых отношений (Г. Стэндинг), понятие *общества двух-третьей*, феномен *бестолковых работ* (Д. Грэбер) и *дауншифтинга* как одной из возможных реакций общества на бесполезный и времязатратный труд, выражающейся в добровольном отказе от карьеры. Одним из возможных способов преодоления некоторых обозначенных в статье проблем, поддержанным многими современными учеными, является введение безусловного базового (основного) дохода.

Ключевые слова: труд, прекариат и прекаризация, бестолковые работы, дауншифтинг, безусловный базовый доход

Для цитирования: Сергеева Ю.А. Метаморфозы труда: современные интерпретации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 35–45. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-35-45

The labor metamorphoses. Modern interpretations

Yunona A. Sergeeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, junona1987@mail.ru*

Abstract. The focus of the article is not an abstract concept of labour, but the precise human labor, identified with professional occupation, the work aimed at maintaining a decent standard of living and personal fulfillment. Attitude to labor, its role in the human life and society are constantly undergoing changes, forcing individuals to vary and to adapt to new working conditions, learning new professions and skills. In addition to the labor metamorphoses in the end of 20th century, connected with trends of post-industrial society, contemporary researchers, facing strengthening of globalization processes, technological progress and further income polarization in early 21st century, fix unprecedented changes in regard to labor relations and new social phenomena which allow even to talk about the «end of labor» in its traditional sense (M.N. Makarova).

Among them the article considers the rise of a new class called precariat and the precarization of labor relations (G. Standing), the concept of two-thirds society, the phenomenon of meaningless jobs (D. Gruber) and downshifting, which, being a voluntary refusal of the career may be one of possible society reactions to useless, time-consuming labor. One of the potential ways to solve some issues mentioned in the article and supported by a great number of scientists, is the introduction of an unconditional basic income.

Keywords: labor, precariat and precarization, meaningless jobs, downshifting, unconditional basic income

For citation: Sergeeva, Yu.A. “The labor metamorphoses. Modern interpretations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art studies” Series*. 2019; Vol. 3, pp. 35–45. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-35-45

Введение

Одной из ключевых повседневных практик человека является труд, от которого в той или иной степени человеческая жизнь зависела веками и посредством которого человек стремился управлять своей судьбой, улучшать свою жизнь, быть «кузнецом своего счастья». Несмотря на это, значение и роль труда в жизни человека и общества не статичны, но постоянно переосмысливаются и претерпевают изменения. Даже самый поверхностный анализ истории понятия иллюстрирует изменчивость и непостоянство в отношении человека и общества к труду (от восприятия труда

в эпоху Средневековья в качестве наказания и проклятия человека, совершившего «грехопадение», к утверждению его в качестве главного основания человеческого достоинства и помощника в деле «спасения души» и до феномена *отчуждения труда* от человека и его обезличивания с началом индустриальной эпохи и массового производства товаров в XIX–XX вв.) Поэтому, несмотря на высокую степень изученности данной темы, необходимость в переосмыслении и интерпретации новейших тенденций, явлений и проблем, встающих на пути сегодняшнего работающего и трудящегося человека, остается перманентной.

Прекариат и прекаризация трудовых отношений

Наряду с классическими подходами в отношении деления общества на группы, такими как классовый подход (разделение на классы по признаку владения средствами производства), слоевое разделение (в зависимости от образования, уровня дохода и самоидентификации индивида) и сословная стратификация (наследование своей принадлежности к той или иной группе) в современных постиндустриальных обществах в условиях перманентного экономического кризиса расслоение общества все чаще осуществляется по признаку экономической стабильности или нестабильности. Современные исследователи возводят формирование нового класса, называемого *прекариатом* (от precarious – опасный, нестабильный, и proletariat), агломератом очень разных групп трудоспособного населения, таких как: частично или временно занятые, безработные, самозанятые, фрилансеры, мигранты, студенты или молодые люди, недавно получившие образование и все те, кто занят неформально и не имеет стабильного положения на рынке труда и сопутствующего ему социального обеспечения.

Британский экономист Г. Стэндинг в книге «Прекариат: новый опасный класс» [Стэндинг 2014] призывает политиков к проведению серьезных социальных реформ в отношении обеспечения жизненной безопасности, на которую эти люди имеют право, поскольку прекариат не является ни жертвой, ни злодеем, ни героем: он состоит из совершенно обычных людей. Он считает важными шагами на пути решения данной проблемы пересмотр понятий «свободы, равенства и братства» с точки зрения прекариата, для которого они превратились не только в пустой, но и циничный звук, и обеспечение экономической безопасности с помощью ввода безусловного базового (основного) дохода (БОД), полагая, что такой шаг положительно отразится на экономическом росте. Именно Гай Стэндинг является со-основателем Всемирной сети

базового дохода¹, одной из первых организаций (создана в 1986 г.), выступающих за введение БОД². В случае пренебрежения политиками проблемой прекариата Стэндинг предупреждает о возможных всплесках жестокости, социальных взрывах, протестных акциях и росте ультраправых настроений в обществе. «Мы живем в эру хронической неуверенности и растущего неравенства. Нам нужны новые механизмы распределения доходов»³.

К сожалению, несмотря на широкое обсуждение идеи БОД как в развитых, так и в развивающихся странах и проведение экспериментальных социальных проектов в таких странах как Финляндия, Германия, Нидерланды, Кения и др., на сегодняшний день большинство даже самых экономически развитых стран отказывается финансировать такие проекты. Сегодня мы видим постепенное осуществление прогнозов Стэндинга: при росте занятости населения наблюдается значительное сокращение размера заработной платы в ряде европейских стран и стагнация в других⁴, налицо беспрецедентная поляризация доходов высших и остальных слоев общества за последние 30 лет⁵. При этом налицо рост протестных движений и агрессии во многих европейских странах, причем именно слои населения, не имеющие стабильной занятости, зачастую составляют основу таких движений.

Усугубляет положение дел процесс прекаризации трудовых отношений, означающий возможность работодателя расторгнуть в любое время трудовые отношения с работником в силу их дерегуляции, а также неполноценные ущемленные правовые

¹ Бельгийский философ Филипп Ван Парийс является основателем организации Всемирной сети базового дохода (BIEN) и активным сторонником концепции БОД.

² *Кольсон Т.* Экономист за Безусловный базовый доход: дайте гражданам БОД, чтобы противостоять «неофашистской волне популизма» [Электронный ресурс]: Международный новостной портал «Бизнес Инсайдер». URL: <https://www.businessinsider.com/free-money-universal-basic-income-guy-standing-economist-neofascism-populism-brexit-2017-1?r=UK> (дата обращения 5 сентября 2019 г.).

³ Ibid.

⁴ Отчет OECD на основании данных 2007–2017 годов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/employment/rising-employment-overshadowed-by-unprecedented-wage-stagnation.htm> (дата обращения 7 апреля 2019 г.).

⁵ *Cingano, F.* (2014), “Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth” [Электронный ресурс]: OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 163, OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jxrxncwvxv6j-en> (дата обращения 21 апреля 2019 г.).

и социальные гарантии занятости. Постоянный быстрый рост неравенства доходов вместе с прекаризацией трудовых отношений приводит к размыванию «среднего класса», по мнению социологов З.Т. Голенковой и Ю.В. Голиусовой. В статье «Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества» эти авторы приводят данные немецкого социолога К. Дера о том, что «каждый третий работающий по найму в Германии находится в состоянии подвешенного или текучего прекариата». Там же они приводят статистику, согласно которой 61% немцев считает, что уже нет середины: общество разделилось на низшие и высшие слои [Голенкова, Голиусова 2013, с. 5–15].

Не менее актуальна данная проблема и для нашей страны, где по-прежнему большая доля трудоспособного населения не имеет официального трудоустройства или же имеет, но официальная зарплата, с которой идут все отчисления и взносы, по которой рассчитываются больничные и отпускные и которая отражается в справке о доходах (необходимой для множества насущных целей, таких как, например, получение кредита в банке или визы для зарубежной поездки и т. д.), устанавливается в минимальном размере, а остальная часть является «серой» и соответственно ничем не гарантированной. В такую группу населения в России может попасть любой работник, независимо от уровня образования, возраста или пола.

«Конец труда»

К схожим выводам приходит российский социолог и философ М.Н. Макарова в статье с говорящим за себя названием: «“Конец труда”: миф и реальность постиндустриализма» [Макарова 2007, с. 42–52]. В постиндустриальную эпоху постоянно увеличивается армия «заменяемой рабочей силы» из разных категорий работников, которые не способны адаптироваться к постоянным изменениям и оказались в неопределенности и нищете. Общество полной экономической занятости изживает себя вследствие технологического развития экономики. В среде немецких экономистов, политиков и журналистов пользуется популярностью термин *Zwei-Drittel-Gesellschaft*, то есть *общество двух-третей*, означающий, что в современном европейском обществе уже достаточно двух третей рабочей силы для удовлетворения рыночного спроса (с тенденцией в сторону общества одной трети)⁶. Не вошедшие

⁶ Например, об обществе двух третей говорит немецкий социолог и культуролог, профессор Андреас Реквитц (Andreas Reckwitz) в интервью

«в долю» становятся экономически бесполезными и социально излишними.

Человеческий труд повсеместно вытесняется машинным, развиваются нейронные сети, работающие по принципу человеческого мозга, что позволяет даже рутинную офисную или юридическую работу отдавать искусственному интеллекту. Сегодня уже никто не может быть уверен в собственной незаменимости. В такой атмосфере страха люди занимают работой все свое время, создавая иллюзию своей исключительной нужности. Все чаще в бизнес-среде можно встретить у работников такие черты, как маниакальный контроль (control freak)⁷, т. е. стремление контролировать каждую мелочь, создавая себе ампула незаменимого и обладающего уникальной компетенцией работника. Часто такой уход «с головой» в работу может быть просто реакцией на страх потерять условно-стабильное положение в обществе. Прекрасной иллюстрацией такой тенденции является анекдот, который вычитала в газете молодая девушка, героиня культового фильма Акиры Куросавы «Жить»: Почему вы никогда не брали отпуск? Неужели вы так нужны вашей фирме? Нет, вы просто боитесь узнать, что фирма может обойтись без вас.

Феномен бестолковых работ⁸

Помимо очевидной функции труда в организации практической стороны жизни человека не менее важную роль труда в процессе социализации и наделении жизни индивида смыслом,

немецкой газете «Die Zeit» [Электронный ресурс]: ZEIT Nr. 41/2017. URL: <https://www.zeit.de/2017/41/mittelschicht-kultur-individualisierung-andreas-reckwitz/komplettansicht> (дата обращения 10 октября 2019 г.).

⁷ Неформальное название психологической акцентуации, связанной с навязчивым стремлением управлять всем, что происходит вокруг. Получило распространение в английском языке в конце 1960-х гг.

⁸ Это авторский перевод оригинального названия книги (“Bullshit jobs”), которая не переведена на русский целиком, но имеется попытка перевода первой главы с рабочим названием «дерьмовые работы». Дословный перевод не просто грубоват, но, что более важно, он не передает смысл, вкладываемый автором, а также широкую коннотацию английского слова “bullshit”: ахинея, абсурд, чепуха, чушь, туфта, бессмыслица и вздор. Не вызывает сомнений, что Д. Грэбер, говоря о бессмысленных, пустых и бесполезных для общества работах, имеет в виду не буквальный перевод английского слова. Еще больше возможных коннотаций данного слова можно найти в эссе американского философа Г. Франкфурта: «О брехне» (“On bullshit”).

обозначает Т.Ю. Сидорина во многих работах в области социальной философии.

...Человек получает удовлетворение от реализации своих способностей, осуществления возможностей, достижения целей; когда он осознает, что его деятельность небесполезна, что его жизнь не прошла даром, что он оставил свой след на земле. Он также удовлетворен, если плоды его деятельности нужны и полезны не только ему, но и другим [Сидорина 2013].

Несмотря на то что в среде экономически стабильной группы работников, официально трудоустроенных и получающих достойную оплату труда, на первый взгляд отсутствуют какие-либо проблемы, американский антрополог Д. Грэбер фиксирует феномен создания *бестолковых работ* в своей одноименной книге, выделяя несколько основных критериев бестолковости:

- если убрать такое бестолковое рабочее место, то в мире ничего не изменится;
- бестолковая работа настолько бессмысленна, что даже сам человек, ею занимающийся, не находит оправдания ее существованию;
- обычно бестолковая работа сопровождается притворством или обманом, то есть работнику приходится делать вид, что в его работе есть смысл, даже если он сам в это не верит.

Среди опрошенных Грэбером работников, признавшихся в бессмысленности собственной работы, было множество государственных чиновников, лоббистов и финансовых консультантов, корпоративных юристов низшего и среднего звена, даже топ-менеджеров. Таким образом, формулируется его рабочее определение бестолковой работы:

...это оплачиваемая (зачастую очень хорошо) работа, которая настолько бестолковая, бесполезная или пагубная, что даже сам работник не может объяснить ее существование, хотя ему ввиду условий найма приходится притворяться, что это не так [Graeber 2018, p. 9–10].

Грэбер различает «паршивую» и бестолковую работу. Например, работа уборщика может считаться нереспектабельной в обществе, быть малооплачиваемой, и работники в этой сфере могут сталкиваться с пренебрежением, но она при этом небестолковая, просто потому что туалеты и все вокруг нас нуждается в уборке. В то же время, например, почтальоны, несмотря на то что они традиционно делают полезную работу, вынуждены доставлять сегодня тонны макулатуры в виде рекламных проспектов, подписок,

газет и т. д., отправляющихся на помойку еще до своего прочтения, что делает работу по доставке такой корреспонденции невероятно удручающей. Таким образом, происходит бюрократизация и «бестолковывание» работы в самых разных областях. Конечно, немногие согласились бы поменять пусть и бесполезную, но комфортную и хорошо оплачиваемую должность менеджера или консультанта на работу землекопа или дворника, но и та, и другая работа угнетает, пусть и по-разному. И неочевидно, какая из них угнетает больше: малооплачиваемая, но честная и полезная для общества, или респектабельная, но совершенно бесполезная и бессмысленная. Бестолковые работы сродни армейским наказаниям в виде переливания воды из одной емкости в другую или подстригания травы ножницами – такая работа доставляет муки и унижает человека.

Грэбер проводит параллель с политикой полной занятости, существовавшей в Советском Союзе, когда в стране создавались рабочие места для всех, независимо от того, была ли в них необходимость:

...точно так же как социалистические режимы создали миллионы фиктивных рабочих мест для пролетариев, капиталистические режимы создали миллионы ненастоящих должностей для «белых воротничков», тратящих большую часть своего времени на обновление профилей в Facebook [Graeber 2018, p. 17–18].

В 1980-е гг. большинство корпораций было занято оптимизацией работы простых рабочих, «синих воротничков», руководители проводили научные исследования для того, чтобы повысить эффективность труда. Выработанные в ходе исследований методы применялись к нижней части пирамиды корпораций, сами же менеджеры к себе их не применяли. В результате массовых увольнений и оптимизации труда низов было создано огромное количество бессмысленных административных и управленческих должностей, кормящихся от дел рук простых рабочих. Сэкономленные на сокращениях деньги в частном секторе парадоксально перераспределились на наем большого числа офисных работников, в связи с чем усложнилась иерархическая система и уровень бюрократии приблизился к показателям в государственном секторе. Поскольку нет экономического смысла в увеличении «бестолковых работ», то в такой тенденции Грэбер видит политические мотивы.

Как и Стэндинг, Грэбер предлагает в качестве потенциального решения проблемы введение БОД, который обусловит снижение уровня бюрократизации и бестолкового времяпрепровождения в офисе. В результате общество смогло бы сделать шаг в сторону общества досуга, сократив продолжительность рабочей недели.

Дауншифтинг

Еще одним социальным явлением, свидетельствующем об изменениях не только сущности труда, но и отношения обществ к нему, является дауншифтинг. Дословно данный термин обозначает «переключение автомобиля на более низкую передачу» и имеет много общего с такими образами жизни как опрощение (simple living) или минимализм. «Одной из отличительных черт дауншифтинга является не просто “движение вниз”⁹, а “скатывание” с уже завоеванных достаточно высоких позиций» [Бутонова 2012].

Эта тенденция сознательного отказа от карьеры во многих развитых странах (в первую очередь в США, Великобритании, Австралии и Франции) набирает реальные обороты: «согласно исследованиям, проведенным в 2003 г. Australia institute, 23% австралийцев в возрасте от 30 до 59 лет сознательно пошли на понижение своего материального уровня жизни» [Breakspear, Hamilton 2004]. Все больше людей готовы отказаться от полной занятости с ее преимуществами в виде стабильного, часто высокого дохода и карьерных перспектив в пользу сокращения уровня дохода с последующим высвобождением времени, которое расходуется на отдых, творчество, семью, поиск собственного «я», политику, социальные проекты, самореализацию и созерцание. В нашей стране процент дауншифтеров еще не так велик, но все больше людей задумываются и решаются на подобные изменения в своей жизни, о чем свидетельствует, например, появление одноименных интернет-сообществ в социальных сетях.

Сама возможность «переключиться на пониженную передачу», замедлить ритм жизни в большой степени сложилась благодаря положительным плодам европейской цивилизации, таким как сравнительно высокий и доступный уровень медицины, доступность образования, которое можно все чаще получить онлайн, не выходя из дома, включенность в мировую интернет-сеть, что позволяет следить за любыми информационными потоками, не отставать и быть «в тренде» независимо от того, живет ли индивид в мегаполисе, или в деревне. Но с другой стороны, вызывает огромный интерес возможность формирования внутри капиталистической системы инакомыслящего мировоззрения, не принимающего и противостоящего общепризнанным ценностям.

⁹ Еще один возможный перевод английского термина downshifting.

Заключение

В отношении трансформации труда и отношения к нему человека исследователи наблюдают противоречивые процессы. С одной стороны, идет сокращение рабочих мест, замещение человеческого труда машинным, для производства всего необходимого становится достаточно двух третей общества и т. д. Как следствие, некоторые ученые возвещают «конец труда» в его классическом смысле, а другие предостерегают об угрозе прекаризации трудовых отношений. С другой стороны, учеными фиксируется создание все новых бестолковых корпоративных позиций, занимая которые, работники испытывают ощущение бессмысленности своей деятельности, но отказаться от нее не могут в силу отсутствия альтернативы.

В начале XX в. повсюду слышались прогнозы относительно того, что прогресс технологий освободит человека, существенно сократив его нагрузку. Несмотря на это человечество сегодня занято как никогда прежде, причем зачастую совершенно бесполезным трудом, отказаться от которого у нас нет возможности. Психологический эффект, оказываемый вынужденным бестолковым времяпрепровождением, глубоко разрушителен как для индивида, так и для всего общества. Одной из возможных реакций человека, занятого *бестолковым* и при этом хорошо оплачиваемым трудом, является *даунишифтинг* как осозанный отказ от такой работы в пользу свободного времени, которое расходуется на другие сферы жизни индивида.

Литература

- Бутонова 2012 – *Бутонова Н.В.* Досуговые практики в современной культуре [Электронный ресурс] // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 1. С. 201–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosugovye-praktiki-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения 25 августа 2019 г.).
- Голенкова, Голиусова 2013 – *Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В.* Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.
- Макарова 2007 – *Макарова М.Н.* «Конец труда»: миф и реальность постиндустриализма [Электронный ресурс]: Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1. С. 42–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konets-truda-mif-i-realnost-postindustrializma> (дата обращения 13 апреля 2019 г.).
- Сидорина 2013 – *Сидорина Т.Ю.* Вопрос о труде и смысле жизни [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 3–14. URL: http://vphil.ru/index.php?id=850&option=com_content&task=view (дата обращения 21 апреля 2019 г.).

- Стэндинг 2014 – *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Breakspear, Hamilton 2004 – *Breakspear C., Hamilton C.* Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia // *The Australian Institute Journal: Discussion paper.* 2004. no. 62, February, ANU, Canberra, Australia [Online], available at: https://www.tai.org.au/sites/default/files/DP62_8.pdf (Accessed 20 Aug 2019).
- Graeber 2018 – *Graeber D.* Bullshit jobs. New York: Simon & Schuster, 2018. 340 p.

References

- Butonova, N.V. (2012), “Leisure practices in modern culture”, *Pushkin LSU Bulletin* [Online], no. 1, pp. 201–210, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosugovye-praktiki-v-sovremennoy-kulture> (Accessed on 25 Aug 2019).
- Golenkova, Z.T. and Goleusova Y.V. (2013), “New social groups in contemporary stratification systems of global society”, *Social science and social practice*, no. 3, pp. 5–15.
- Makarova, M.N. (2007), “End of labor. Myth and reality of post-industrialism” [Online], *Economic Sociology*, vol. 8, no. 1, pp. 42–52, available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/konets-truda-mif-i-realnost-postindustrializma> (Accessed on 13 Apr 2019).
- Sidorina, T.Yu. (2013), “Question about the labor and meaning of life” [Online], *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 3–14, available at: http://vphil.ru/index.php?id=850&option=com_content&task=view (Accessed 21 Apr 2019).
- Standing, G. (2014), *Precariat: novy opasny klass* [The precariat: the new dangerous class], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Breakspear, C. and Hamilton C. (2004), “Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia”, [Online], *The Australian Institute Journal*, Discussion paper, no. 62, February, ANU, Canberra, Australia, available at: https://www.tai.org.au/sites/default/files/DP62_8.pdf (Accessed 20 Aug 2019).
- Graeber, D. (2018), *Bullshit jobs*, Simon & Schuster, New York, USA.

Информация об авторе

Юнона А. Сергеева, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; junona1987@mail.ru

Information about the author

Yunona A. Sergeeva, post-graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; junona1987@mail.ru

Философия как положительная наука: Э.В. Ильенков о предмете философии

Евгений М. Дмитриевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, evg.dm@mail.ru*

Аннотация. Важнейшим критерием определения философии как науки является наличие определенного предмета исследования и соответствующего метода. Советский философ Э.В. Ильенков дал свое понимание предмета философии как логики человеческого мышления, отражающей диалектику сущности и закономерности бытия и выраженной в наиболее общих категориях и понятиях. С одной стороны, его взгляд на философию отличался от позитивистского, считающего философию «наукой наук». С другой стороны, он критиковал господствующий в СССР взгляд на философию как науку, изучающую непосредственно мир в целом, наиболее общие законы природы, общества и мышления. Философия, с точки зрения Ильенкова, исследует мышление не как совокупность процессов, протекающих в мозгу отдельного индивида, а как всеобщие логические формы общественной практики, развивающейся исторически. Ильенков отрицал понимание философии как абстрактной схемы, стоящей над другими науками и регулирующей их деятельность (в виде парадигмы Куна и т. п.). По мнению Ильенкова, философия является положительной наукой, и только совместно с другими науками она вырабатывает научное мировоззрение. Диалектика свойственна каждой науке, и философия должна помочь ученым выработать правильное, диалектическое понимание своего предмета.

Ключевые слова: материалистическая диалектика, логика мышления, категория, общественная практика, мировоззрение, метод

Для цитирования: Дмитриевский Е.М. Философия как положительная наука: Э.В. Ильенков о предмете философии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 46–54. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-46-54

A philosophy as a positive science. E.V. Ilyenkov about a subject of philosophy

Evgeny M. Dmitrievskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, evg.dm@mail.ru*

Abstract. The most important criterion of definition of philosophy as a science is the existence of a certain subject of research and of an appropriate method. The Soviet philosopher E.V. Ilyenkov proposed understanding of the subject of philosophy as the logic of human thinking reflecting dialectics of the essence and laws of being, and expressed in the most general categories and concepts. On the one hand, his view of philosophy differed from the positivist concept of philosophy as the “science of sciences”. On the other hand, he criticized the prevailing view of philosophy in the USSR as a science that studies directly the world as a whole, i.e. the most general laws of nature, society and thinking. Philosophy, from the point of view of Ilyenkov, explores thinking not as combination of processes occurring in the brain of an individual, but as universal logical forms of social practice, that develops historically. Ilyenkov denied conceptualization of philosophy as abstract scheme installed above other sciences and regulating their activities (in the form of Kuhn’s paradigm, etc.). According to Ilyenkov, philosophy is a positive science, and only in collaboration with other sciences it develops a scientific worldview. Dialectics is intrinsic to every science, and philosophy should allow scientists to produce a correct, dialectical understanding of their subject.

Keywords: materialist dialectics, logic of thinking, category, social practice, worldview, method

For citation: Dmitrievskii, E.M. “A philosophy as a positive science. E.V. Ilyenkov about a subject of philosophy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*. 2019, no. 3, pp. 46–54. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-46-54

Введение

Как и для всякой науки, для философии чрезвычайно важно определить свой собственный предмет. Правда, здесь сразу же могут возникнуть сомнения, а является ли вообще философия наукой? Ведь на чрезвычайно пестрой палитре философских учений ее понимание выкрашено чуть ли не в противоположные цвета: от «метанауки», лежащей в основании других наук, до определенного рода литературы или даже образа жизни. Выдающийся советский философ Э.В. Ильенков попытался дать положительный ответ

на поставленный вопрос. По своим взглядам он был сторонником материалистической диалектики, марксистом, однако его позиция зачастую не укладывалась в прокрустово ложе догматизированного диамата. И, как правило, выступавшей за пределы сего «ложа» и требующей усекновения оказывалась «голова», мышление, логика. Вся жизнь Ильенкова проходила в интеллектуальных баталиях с официальным догматизмом за творческое понимание марксизма. Также интересно проследить взгляды Ильенкова на предмет философии, поскольку не так давно были опубликованы его ранние рукописи, часть из которых как раз и посвящена этой теме. Уже здесь он отстаивает понимание философии как науки, имеющей своим предметом логику человеческого мышления, выраженную в категориях.

О предмете философии

В рукописи «Философская тетрадь» Ильенков анализирует различные точки зрения на предмет философии, сложившиеся к середине 1950-х годов в СССР. Во-первых, он выделяет «агностическую» позицию (она не столько отрицает предмет философии, сколько настаивает на его неопределенности). Во-вторых, это по сути официальная версия диамата, согласно которой предметом философии является «мир в целом» (природа, общество, мышление), понятый в его наиболее общих формах. В-третьих, это так называемая «гносеологическая» позиция, рассматривающая в качестве предмета философии отношение познающего мышления к материальному бытию. Этой точки зрения придерживался и сам Ильенков. Сближая вторую позицию (широтой охвата) с первой и противопоставляя им третью, он отмечал, что «предметом м[арксистско]-л[енинской] философии являются закономерности действительно-познающего мышления, что, след[овательно], философия есть то же самое, что гносеология, теория познания, логика, диалектика...» [Ильенков, Коровиков 2016, с. 183].

Ильенков не отрицал, что философия связана с познанием бытия (природы и общества). Он только указывал, что это слишком абстрактная формулировка, и, взятая непосредственно, не только ложна в отношении философии, но и опасна для остальных наук. В данном случае философия становится «наукой наук», диктующей остальным наукам общую канву и принципы деятельности, что, по его мнению, очень характерно для позитивистской установки. Так, родоначальник неопозитивизма М. Шлик отмечал, что хоть философия и не является наукой, но тем не менее может быть названа «царицей наук», поскольку она объясняет все научные

предложения: «философская деятельность по наделению смыслом есть, таким образом, альфа и омега всего научного знания» [Грязнов 1993, с. 31]. С этой точки зрения ни одна наука принципиально не может познать свой объект до конца, поскольку всегда будет некий «остаток», постижимый чисто умозрительно (зачастую в разряд рационально «непознаваемых» попадала научная методология). Отсюда же вырастает взгляд на философию как некую синтезирующую систему, объединяющую под своим началом положительные науки, добиваясь тем самым их единства. Причем данная позиция была также характерна для официального диамата. С точки же зрения Ильенкова философия стала положительной наукой, только отказавшись от притязаний на непосредственное познание мира в целом, которое потому всегда и получалось чисто умозрительным. Но это был не одномоментный акт, и своего завершения он достиг в марксизме (материалистической диалектике). Говоря о развитии философии, Ильенков писал, что «прогресс состоял в том, что положит[ельные] науки отпочковывали из-под эгиды философии один круг вопросов за другим. Пока наконец у философии не остался лишь один четко стоящий перед нею и находящийся целиком в ее компетенции – это вопрос об отношении мышления и бытия...» [Ильенков, Коровиков 2016, с. 179].

С данной точки зрения философия становится положительной наукой, именно отказавшись от чистого умозрения по поводу предельных оснований бытия и мышления, направив свой взор на реальное развитие категорий мышления человечества в рамках преобразования бытия. Сущность философии определяет не мыслящий субъект (философ), а специфический «объект»: объективное развитие логики человеческого мышления, выраженное в категориях. Но для этого мышление необходимо понять не «субъективно», с точки зрения абстрактного мыслящего индивида, созерцающего «суть бытия», а «объективно», как всеобщую логику реального процесса целесообразной общественной деятельности, многократно реализующей себя в разнообразных формах взаимодействия индивидов, практически изменяющих природу для своих нужд. Дело не в том, чтобы от созерцания бытия перейти к умозрительному анализу сознания (познания, мышления), а в том, чтобы перейти от созерцательного подхода к деятельностному. Категории мышления, даже самые абстрактные, вырабатываются не умозрением (так они в лучшем случае выявляются), а исторической общественной практикой.

Стоит отметить, что во многих ранних работах Ильенкова чувствуется более сильный привкус «гносеологизма», чем в последующих его трудах. При этом в «Космологии духа», также написанной в ранний период, Ильенков выдвигает ключевой для всего своего

творчества тезис о понимании сознания (мышления) как атрибута субстанции. Это важнейшее положение Спинозы практически не упоминается в других ранних рукописях, даже посвященных мышлению. Но именно «Космология духа» может быть названа чуть ли не единственным «онтологическим» произведением Ильенкова. Здесь он в гораздо большей степени связывает мышление с материей мозга, чем в последующих своих работах. Впрочем, вряд ли можно говорить, что Ильенков в ранних работах разделил некоей условной гранью «онтологию» и «гносеологию» («логику»), с упором на последнюю. Тем более учитывая, что «Космология духа» стоит как бы особняком от других работ Ильенкова. Уже в раннем периоде творчества Ильенков выступал против понимания «онтологии», «логики» и «гносеологии» как отдельных дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет. Это все диалектически тождественные моменты одного целого, и увязывает их в противоречивое единство общественная практика.

Материалистическая диалектика разрывает связь «бытие – мышление» и вставляет в качестве важнейшего опосредующего элемента общественную практику: «бытие – практика – мышление» [Ильенков, Коровиков 2016, с. 177]. Это отход от созерцательного понимания сознания (мышления) и переход к так называемой «деятельностной теории мышления», которую позже разовьет известный советский психолог А.Н. Леонтьев (бывший личным другом Ильенкова). Последующие психологические исследования Ильенкова, в том числе участие в знаменитом «Загорском эксперименте» со слепоглухонемыми, возникли на этом фундаменте. Понимаемое так мышление (сознание) представляет собой логическую форму исторически развивающейся общественной практики. Все категории мышления, выявленные философией за более чем двухтысячелетнюю историю развития, представляют собой не результат умозрения (а тем более придумывания) отдельных философов, но вполне определенные, многократно используемые человечеством формы общественной практики, отраженные в категориях и понятиях общественного сознания. Философия в ее историческом развитии и есть наиболее «чистая» форма отображения системы категорий общественного сознания.

С точки зрения марксизма каждый процесс развития природы и общества диалектичен. Поэтому Ильенков писал: «Диалектика не является *монополией философии*, она присутствует в любом научном знании. Именно потому, что законы диалектики всеобщы, их и изучает (вскрывает) любая наука в любом своем объекте, и тем самым вскрывается истина объекта» [Ильенков 2017, с. 253]. Но это не значит, что философия должна брать в качестве своего предмета непосредственно «мир в целом». Каждая наука

старается объективно отобразить свой предмет. Философия же выявляет те наиболее общие категории, которые как раз характерны для научного мышления. Научные понятия и категории объективно отображают (отражают) реальный предмет или процесс природы, а философия исследует наиболее общие из этих понятий и категорий. Логика научного мышления, его категории, отображающие процесс научного познания (а в более широком смысле слова – общественной практики), и есть предмет философии с точки зрения Ильенкова.

Исследуя логику научного мышления, философия опосредованно, через другие позитивные науки, исследует «мир в целом». «Философия рассматривает, анализирует и обобщает достижения конкретных наук и вырабатывает систему закономерностей, которые вскрываются только всей совокупностью наук, и которые не могут быть выработаны внутри одной какой-либо науки. В этом, видимо, и состоит специфика предмета философского мышления в отличие от отдельных наук» [Ильенков, Коровиков 2016, с. 173]. Уже здесь отчетливо проявляется тезис о тождестве логики, диалектики и гносеологии, на который так часто ссылался Ильенков в своих последующих работах. В то же время указанное тождество есть диалектическое тождество, т. е. содержит в себе различие и даже противоречие: «Различие “логических” и “реальных” связей заключается единственно в том, что в природе они осуществляются без помощи сознания, а в человеческой голове – сознательно. “Два ряда законов” – объективно-диалектических и субъективных (“логических”) – тождественны по содержанию, различны по форме проявления» [Ильенков 2017, с. 353]. При этом отличие сознания от бытия (особенно с точки зрения отдельного индивида, обладающего и сознанием, и телом) вообще выпадает из рамок философии как науки. Это предмет совсем других наук – психологии, нейрофизиологии и т. п. Впрочем, некоторые современные философы данное отличие, в виде психофизической проблемы (которую Ильенков позже называл «псевдопроблемой» для философии), и объявили «подлинной философией». Здесь «философия» предстает в качестве теоретического основания практически применяемой нейрофизиологии, психологии и т. п., что является ложным не только для философии, но и указанных наук, которые не нуждаются в стоящей над ними и диктующей им «философии».

Мировоззрение и метод

Философия, понимаемая как «наука наук», становится неким фундаментальным мировоззрением, которое должно установить жесткие рамки для науки. Интересно отметить, что подобный взгляд на философию был близок диамату в интерпретации известного советского марксиста А.М. Деборина: «Деборинская школа абсолютизировала момент относительной нормативности общих закономерностей диалектики и пыталась построить систему неизменных приемов теорет[ического] мышления, оставаясь в кругу чисто спекулятивного их рассмотрения...» [Ильенков, Коровиков 2016, с. 199]. Здесь философия предстает не только в роли догматизированного мировоззрения, но и напрямую зависящего от него метода. Так понимаемая «философия» дает нечто похожее на «парадигму» Т. Куна. Впрочем, куновская модель отличается от догматизированного диамата тем, что, во-первых, Кун признает смену парадигм (диамат же не готов был уступить свое место кому-то еще). Во-вторых, ученые, работающие в рамках «нормальной науки», как правило, придерживаются парадигмальных принципов неосознанно, подчас даже и не интересуясь ими, в то время как казенный диамат навязывался ученым сверху. Кун шел к мировоззренческому аспекту от метода (образцов, моделей), как и Ильенков. Но в результате введенного принципа «несоизмеримости» Кун установил между парадигмами практически непроходимые рационально границы, тем самым догматизировав мировоззренческий аспект. Поэтому и переход от одной парадигмы к другой, по его мнению, оказывался иррациональным, как «известные демонстрации с переклочением зрительного гештальта» [Кун 1977, с. 151]. Ильенков же придерживался принципа «диалектического снятия», когда предшествующая «парадигма» входит ограниченным моментом в новую.

Для Ильенкова мировоззрение человека формирует не философия или любая другая наука в отдельности, но только вся совокупность наук, где философия занимает свое законное место. Претензия какой-либо одной из наук на положение всеобщего мировоззрения не только необоснованно ограничивает компетенцию остальных наук, но и неизбежно начинает тормозить их развитие при попытке выйти за рамки «парадигмы». Объективная диалектика природы выявляется не философией, но всеми науками в их совокупности. Философия же может помочь другим наукам выработать свой собственный метод, соответствующий своему объекту. Поэтому философию диалектического материализма нередко определяют как форму научной методологии. Но научный метод при этом нужно понимать не как «мировую

схематику», а как предпосылки исследования в виде высокоразвитого диалектического мышления. И философия принимает в этом активное участие, поскольку исследует развитие и взаимосвязь категории научного мышления, тем самым и выявляя основы научного метода. Ильенков отмечал: «Мнение о том, что метод непосредственно является и мировоззрением, по-моему, глубоко ошибочно. Метод становится мировоззрением только в форме его развертывания в положит[ельном] материале, в системе полож[ительных] знаний о мире, а не в форме развертывания своих абстрактных определений как Большой логики» [Ильенков, Коровиков 2016, с. 215]. Поэтому всегда существует тонкая грань, отделяющая философию от общей (и научной) методологии. Философия может, и должна, исследовать категории мышления в их взаимодействии, вооружать ими познающий разум исследователя, но при этом не навязывать их в виде абстрактных структур безусловного метода. Практика применения метода отличается от теоретического исследования его категорий.

Заключение

Уже в своих ранних работах Ильенков подчеркивал, что философия является наукой, имеющей свой четко обозначенный предмет. Он крайне критически относился, с одной стороны, к догматизму казенного диамата, а с другой – к тем концепциям, которые не отвечают требованиям материалистической диалектики, вроде неопозитивизма, неокантианства и т. п. При этом саму материалистическую диалектику он понимал не как жесткую абстрактную схему бытия, навязываемую наукам определенной философской системой, но как те закономерности бытия (природы, общества) и сознания, которые выявляются всей совокупностью наук, в том числе и философией, исследующей его (бытия) наиболее общие категории, отраженные общественным сознанием в ходе научно-практической деятельности. Как отмечал Ильенков: «Исследование логических категорий как форм, в которых и посредством которых совершается научно-теоретическое познание явлений природы и общества, идущее в философии параллельно и на основе процесса формирования и развития самих этих категорий, которое происходит всегда и везде в ходе конкретного научно-теоретического познания мира человеком и выступает в истории философии как ее объективное содержание, как подлинный ее предмет» [Ильенков 2017, с. 246].

Литература

- Грязнов 1993 – Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. 181 с.
- Ильенков 2017 – *Ильенков Э. От абстрактного к конкретному: Крутой маршрут: 1950–1960* / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
- Ильенков, Коровиков – *Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)* / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 272 с.
- Кун 1977 – *Кун Т. Структура научных революций / С вводной статьей и дополнениями 1969 г.* М.: Прогресс, 1977. 300 с.

References

- Griaznov, A.F. (1993), *Analiticheskaya filosofya: izbrannye teksty* [Analytical philosophy: Selected texts], MSU, Moscow, Russia.
- Ilienkov, E. (2017), *Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoy marshrut. 1950–1960* [From the abstract to the concrete. Steep ascent. 1950–1960], «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», Moscow, Russia.
- Ilienkov E., Korovikov V. (2016), *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passions according to theses about a philosophy subject (1954–1955)], «Kanon+», ROOI «Rehabilitation», Moscow, Russia.
- Kuhn T. (1977), *Struktura nauchnyh revolutsiy. S vvodnoy statioy i dopolneniiami 1969g* [The structure of scientific revolutions. With an introductory article and additions of 1969], Progress, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгений М. Дмитриевский, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Миусская пл., д. 6; evg.dm@mail.ru

Information about the author

Evgeny M. Dmitrievskii, post-graduate student. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; evg.dm@mail.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.35

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-55-64

Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира

Геннадий И. Козырев

*Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева,
Москва, Россия; genkozyr@mail.ru*

Аннотация. В статье поднимается вопрос об уровне субъектности русской интеллигенции, ее способности и готовности отстаивать интересы русского мира. Анализируются условия и факторы, способствовавшие снижению субъектности русской интеллигенции. В качестве одного из таких факторов рассматривается политика «распыления» русской интеллигенции – использование ее в качестве донора для развития национальных окраин Советского Союза во времена СССР. Поднимается вопрос об антирусской сущности капитализма в современной России и причинах русофобии правящего класса. Анализируются механизмы и цели дискриминации русской культуры. Ставится вопрос о возвращении графы «национальность» в паспортные данные. Делаются прогнозы возможного развития проблемы субъектности русской интеллигенции.

Ключевые слова: субъектность русской интеллигенции, русский мир, дискриминация русской культуры, русофобия, менталитет русского народа

Для цитирования: Козырев Г.И. Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 55–64. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-55-64

© Козырев Г.И., 2019

Subjectivity of the Russian intelligentsia in the defense of the Russian world

Gennady I. Kozyrev

*D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia,
Moscow, Russia; genkozyr@mail.ru*

Abstracts. The article raises the question of the subjectivity level of the Russian intelligentsia, and its ability and willingness to assert interests of the Russian world. The conditions and factors contributing to the reduction of the subjectivity of the Russian intelligentsia are analyzed. As one of such factors, the policy of “dispersion” of the Russian intelligentsia is considered – its use as a donor for the development of the national outskirts of the Soviet Union during the USSR. The question is raised about the anti-Russian essence of capitalism in modern Russia and the reasons for the ruling class Russophobia. The author analyzes the mechanisms and objectives of discrimination of Russian culture. He brings up a question of returning the paragraph “nationality” in the passport data. Forecasts are made of eventual development of the subjectivity of the Russian intelligentsia.

Keywords: subjectivity of the Russian intelligentsia, Russian world, discrimination of Russian culture, Russophobia, mentality of the Russian people

For citation: Kozyrev, G.I. (2019), “Subjectivity of the Russian intelligentsia in the defense of the Russian world”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art history” Series*, no. 3, pp. 55–64. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-55-64

Введение

Известный русский писатель Юрий Поляков в книге «Желание быть русским» поднял давно назревшую и весьма деликатную тему о роли и судьбе русского интеллигента в современной России. В частности, он говорит о том, что в последние годы ему как-то неловко публично признаваться, что он русский, в то время как телеведущий Владимир Соловьев в очередной раз в прямом эфире с гордостью напоминает миллионам телезрителей о том, что он еврей. При этом вышло так, что в организованной Соловьевым дискуссии Поляков оказался русским в единственном числе.

Еще дальше пошла представительница другой нации – руководитель телеканала Матч-TV грузинка Тина Канделаки, заявившая в открытом эфире, что Россия уже давно не страна русских. Что никакой русской нации в России уже давно нет – она ассимилировалась, как многие нации в США. Если следовать этой логике, то нет

и русской интеллигенции. После такого заявления невольно возникает ассоциация с заявлениями западных приверженцев однополюсной любви, которые пытаются доказать всему миру, что традиционной любви и семье уже не существует.

В контексте подобных высказываний обостряется проблема недостаточной субъектности русской интеллигенции в вопросе защиты русского мира.

Распыление русской интеллигенции

Ленинская политика по национальному вопросу предполагала развитие всех национальных культур, создание условий по их поддержке в первую очередь в сфере духовной жизни. Уже «с января 1919 г. стали создаваться национальные органы просвещения при губернских и уездных отделах. Например, в Саратовской губернии в 1920 г. работали татаро-персидская, мордовская, польская, чувашская и другие секции, в Симбирской губернии – мусульманская, чувашская, мордовская, украинская, еврейская, польская, литовская, латышская, эстонская секции». Только в РСФСР было создано 44 подобных подразделения [Мирошниченко 2013]. Одновременно было обращено огромное внимание на развитие культуры малочисленных народов, в результате чего в 1920–1930-е гг. более 50 из них впервые обрели письменность.

Вплоть до распада СССР национальные школы в союзных республиках докомплектовывались молодыми педагогами, преимущественно из Центральной России, которых направляли туда после окончания педучилища или вуза по распределению. Живя в Таджикистане, я много раз встречал молодых девушек, которые не по своей воле оказались в глухом кишлаке, окруженные другой культурой. Некоторые из них выходили замуж за местных ребят, рожали детей, пополняя ряды национальных кадров.

Аналогичная ситуация складывалась и с промышленными предприятиями, в результате чего в том же Таджикистане приходилось завозить не только инженеров и техников, но и рядовых рабочих. Во-первых, это было связано с недостаточной квалификацией местных трудовых ресурсов, во-вторых, с тем, что на сугубо женские профессии, например ткачих, местные мужчины своих женщин не пускали. Но на должности руководителя цеха, предприятия, учебного заведения в подавляющем большинстве случаев назначались представители титульной нации. Таким образом, демонстрировалось – кто в доме хозяин.

После распада СССР на территориях постсоветского пространства осталось более 25 млн русских, которые столкнулись

с русофобией, что послужило основой для массового оттока: с 1991 по 2000 г. в Россию вернулись более 6,5 млн русских. Но около 2 млн из них вынуждены были вернуться назад или уехать в другие страны из-за невразумительной и ошибочной миграционной политики в отношении соотечественников, которая была навязана стране правящим в то время классом. С точки зрения здравого смысла или элементарного гуманизма понять такую изуверскую политику невозможно.

Между тем и в России есть примеры не только поддержки, но и спасения соотечественников. Так, в 1998 г. из воюющей Югославии была организована и проведена репатриация адыгов на их историческую родину с последующим их комфортным обустройством¹. Глава Чечни Рамзан Кадыров организовал и провел ряд сложных и весьма затратных операций по возвращению на родину своих соотечественников – женщин и детей, увезенных когда-то их мужьями на Ближний Восток в ряды ИГИЛ (организацию, запрещенную в России). Но я не слышал, чтобы кто-то пытался спасти русских, которых в 1990 г. тысячами убивали и насиловали местные националисты на моей малой родине в Таджикистане².

И здесь вопрос не столько к центральной власти, которая чувствовала себя в 1990 г. весьма неуверенно и готова была предать и продать кого угодно, а к самим русским, и прежде всего к интеллигенции. Почему они не озаботились судьбой своих соотечественников, как адыги или чеченцы? Почему в открытом бою русский солдат демонстрирует массовый и индивидуальный героизм, которым восхищаются другие народы, а в повседневности он пасует перед кучкой охамевших от безнаказанности чиновников? Почему он терпит власть, проводящую русофобскую политику? В повседневной жизни, порой, кстати и некстати употребляется лозунг «Русские своих не сдают!». Но в связи с вышесказанным, он звучит как-то неубедительно, а то и цинично. Очевидно, что-то сломалось в менталитете русской интеллигенции, которая в советское время рассматривалась властями как донор и расходный материал для создания и развития интеллигенции других наций и национальных меньшинств.

¹ Югославские адыги: возвращение на родину: История вопроса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shapsugiya.ru/index.php?newsid=1709> (дата обращения 12.02.2019).

² Геноцид русских в 90-е [Электронный ресурс]. URL: <https://wowavostok.livejournal.com/8986762.html> (дата обращения 12.02.2019).

Диспропорция в подготовке кадров

В советский период за счет центральной, в основном русскоязычной России ускоренными темпами готовились национальные кадры, в том числе и интеллигенция союзных республик и национальных автономий. При этом местные всегда имели приоритет перед приезжими. Когда я учился в техникуме в Таджикистане, один из педагогов нам, русскоязычным, объяснял, почему при поступлении в вуз или техникум таджик должен иметь приоритет перед русским. По его мнению, после окончания учебного заведения его можно послать работать в глухой кишлак, а русский не поедет. И в этом была своя логика.

Кроме того, во многих ведущих вузах страны имелись квоты для подготовки национальных кадров. И это тоже вроде разумно. Но уже в 1973 г. среди научных работников СССР самый низкий удельный вес имели русские и белорусы. Так, на 100 научных работников среди русских было 9,7 аспиранта, среди белорусов – 13,4, среди киргизов – 23,8, среди туркмен – 26,2 [Лачин 2013].

По итогам переписи населения 1979 г. среди наций, имевших самые низкие показатели по обеспеченности занятого населения специалистами высшей квалификации, оказались русские, белорусы и народы Прибалтики, имевшие до революции самые высокие показатели грамотности. А наивысшие показатели оказались у народов Закавказья и Средней Азии, до революции имевших крайне низкие показатели грамотности. Даже в самой России (тогда РСФСР) по числу лиц с высшим образованием среди занятого населения русские оказались на 16-м месте у горожан и на 19-м месте – у сельских жителей, уступая в полтора-два раза даже бесписьменным в недавнем прошлом бурятам, якутам, чукчам [Лачин 2013].

Согласно последней в СССР Всесоюзной переписи населения, в 1989 г. наивысший процент лиц с высшим образованием имела Грузия – 15,1% от числа жителей республики, на втором месте оказалась Армения – 13,8%, далее Эстония – 11,7%, Латвия – 11,5%, и Россия – 11,3%. Если же взять долю всех граждан с высшим, средним и неполным средним образованием, то в лидерах оказалась Армения – 90,1%, на втором месте Азербайджан – 87,8%, далее Грузия – 87,7%, Узбекистан – 86,7%, Туркменистан – 86,4%. Россия в этом перечне оказалась на 11-м месте – 80,6%³.

И такая антирусская политика в области образования продолжается и в современной России. Недавно в одной из передач по ТВ

³ Какие республики СССР были самыми привилегированными [Электронный ресурс]. URL: <https://russian7.ru/post/kakie-respubliki-sssr-byli-samyimi-pri/> (дата обращения 18.02.2019).

показали начальную школу в горном селении Дагестана, в которой обучаются всего три ученика. Но почему-то в Центральной России, в Сибири и на Дальнем Востоке сельские школы, в которых обучаются 60 и более человек, считаются нерентабельными, и их закрывают, обрекая целые поселения на вымирание. С 2000 по 2015 г. в России закрыли более 24 тыс. школ. В результате в Амурской области за этот период количество школьников, получивших аттестаты, снизилось в 2 раза, а учителей – в 3 раза. А количество населения сократилось на 130 тыс. человек⁴.

Антирусская сущность капитализма в современной России

В результате предательства высшей партийной и управленческой элиты, в том числе и части интеллигенции, в 1990-е гг. власть в стране захватили ставленники олигархического капитализма. Новый правящий класс и по своему этническому составу, и по суммарной доле захваченного капитала, и по проводимой политике оказался антирусским. Так, если русская бизнес-элита, представляющая 80,9% населения страны, владеет суммарным капиталом в 165 млрд долл., то еврейская бизнес-элита, представляющая 0,11% населения страны, владеет суммарным капиталом в 122,3 млрд долл. На третьем месте по суммарному капиталу в России находятся бизнесмены-украинцы, на четвертом – узбеки, на пятом – армяне. В целом же доля русских, хоть и самая большая среди владельцев капитала, почти в два раза меньше их доли в населении страны [Шибутов 2014]. А неравенство во владении капиталом – это и неравенство возможностей.

Также остро стоит проблема этнического патриотизма русской управленческой и бизнес-элиты, или отсутствия у нее, по определению Ю. Полякова, «этнической совести». Пытаться сравнивать современную бизнес-элилу с Третьяковыми, Морозовыми, Строгановыми нет ни малейших оснований. Во-первых, потому, что приобретенные ею капиталы, как правило, имеют не вполне законное происхождение, а во-вторых, созданная правящим классом политическая и экономическая структура не гарантирует сохранность любой – «законной» или «незаконной» – собственности. Поэтому русская и нерусская управленческая и бизнес-элита стремится

⁴ Сколько школ было закрыто в России за последние 15 лет? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2470998-skolko-shkol-bylo-zakryto-v-rossii-za-poslednie-15-let.html> (дата обращения 14.02.2019).

вывести за границу и спрятать «нажитые непосильным трудом» в России капиталы. А там геополитические противники России требуют от космополитической российской «элиты» доказать свою антироссийскую и антирусскую позицию.

Дискриминация русской культуры

Одним из вопросов, поднятых Ю. Поляковым, непосредственно касающихся интеллигенции, был вопрос «Почему русский народ, являясь государствообразующим, не является эфиробразующим в своем Отечестве»? Почему презрение к стране, к российской государственности, и явная русофобия стали своего рода маркерами премиальной литературы? Почему творчество писателей и других деятелей культуры «русского направления» искусственно замалчивается или вытесняется на периферию общественного сознания? Почему на детских и взрослых телепередачах «Голос» и др. подавляющее количество песен звучат на английском языке?

Сейчас на телеканалах часто показывают фильм-сказку «Последний богатырь». При этом всячески рекламируют его как «русскую» и чуть ли не «народную», но две песни (а их всего две), звучащие по ходу фильма, озвучены на английском языке. Получается какой-то абсурд – сказка русская, а песни английские. Но кому-то это надо, чтобы у ребенка возникал диссонанс в выборе языка общения, а по сути – в менталитете. Невозможно представить, чтобы Арина Родионовна рассказывала бы маленькому Александру Пушкину русские народные сказки, в которых герои сказок пели бы на модном тогда в России французском языке.

15 февраля 2019 г. несколько сотен активистов вышли на митинг на Пушкинской площади, протестуя против закрытия единственного в своем роде русского культурного центра столицы. Официальная причина закрытия – неуплата коммунальных платежей. Многочисленные обращения к президенту, правительству РФ и представителям бизнеса с просьбой о помощи оказались без ответа. Ранее аналогичным образом в Москве были закрыты несколько русских организаций. Но на очередной «Ельцин-центр», создаваемый уже в Москве, в государственных структурах миллиардные субсидии нашлись [Шибутов 2014].

О русофобии правящего класса

Если следовать логике экономического детерминизма, то у кого деньги – у того и власть, и наоборот. Если около трети суммарного капитала в России сосредоточил этнос, составляю-

щий 0,11% населения страны, то и во власти он имеет такие же непропорционально большие возможности. В этой связи возникает вопрос об этническом составе правительства РФ и Госдумы, а также об отмененной 1997 г. в российских паспортах графе о национальной принадлежности. По мнению экспертов, графа о национальной принадлежности могла бы свидетельствовать о том, что этнический состав правящего класса не представляет в процентном соотношении самый многочисленный народ страны. Поэтому более 50% россиян желают, чтобы в их паспортах была графа о национальной принадлежности⁵.

Россия является федеративным государством, в котором есть национальные республики и, следовательно, нации, которые в рамках своих республик и автономий и на федеральном уровне защищают свою национальную идентичность. А у русского народа нет республики или области с самоназванием «русская». Кроме того, его лишили возможности самоидентифицировать себя в паспорте, а также возможности знать национальный состав Госдумы и правительства РФ.

О менталитете русского народа

В основе формирования русского этноса лежала соседская община, которая предполагала равные условия проживания различных этнических групп. Такие объективно справедливые условия сосуществования способствовали объединению многочисленных славянских и иных племен в единый русский этнос. Присоединяя другие народы, русские предлагали им равные, а то и более льготные условия проживания в едином государстве. Царский двор с целью обеспечения лояльности национальных окраин потворствовал местечковому национализму. Подобная политика ограничения прав русского народа проводилась и в советское время. Проводится она и сейчас. Одним из ее итогов являются события на Украине.

Но ментальные преимущества других этнических групп обернулись трагедией для самого русского народа. Объективно равные условия для всех народов не учитывают субъективный фактор. Небольшие этнические группы, сплоченные на основе кровнородственных отношений, имеют преимущество над большим, но недостаточно сплоченным этносом. А интеллигенция,

⁵ Каждый второй россиянин – за то, чтобы в паспорте была строка «национальность» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26135.4/3025757/> (дата обращения 20.02.2019).

управленческая и бизнес-элита в национальных регионах более этнопатриотична и ответственна за будущее своих народов, чем элита русских областей. Об этом феномене говорил еще Платон на примере Спарты.

Современная Россия все в большей мере напоминает античную Спарту, в которой русскому народу отведена участь илотов. Но это представляет экзистенциальную опасность для всех народов страны. Если не решать эту проблему, то можно спрогнозировать три возможных варианта развития событий:

1. В случае внешней агрессии обескровленный и униженный русский народ не в состоянии будет защитить общее отечество, как он это делал прежде. И оно распадется на отдельные национальные вотчины.
2. Протест против доминирования в государственном управлении, бизнесе и культурной сфере этнических меньшинств трансформируется в русский национализм, и в России повторится сценарий Германии 1930-х гг. или классовый конфликт октября 1917 г. [Буланова 2017].
3. Русская идентичность будет окончательно подавлена, нивелирована, и несдерживаемые русской жертвенностью другие этносы начнут выяснять – кто из них главней и круче, что также приведет к распаду единого государства с самыми трагическими последствиями для всех народов России.

Заключение

В связи с возвращением в состав России Крыма и антирусской истерией на Украине на международной арене русофобия становится модной и для кого-то выгодной темой. На волне патриотизма президент РФ и его окружение заговорили о «русском мире» и необходимости его расширения и защиты. Эта тема стала обсуждаться и в СМИ. Но потом как будто кто-то окликнул зарвавшихся «холопов», и тема сошла на нет. Чтобы решить проблему, необходимо выявить истоки русофобской политики в самой России. Поэтому прежде всего российская интеллигенция не должна оставаться в стороне от этой назревшей и перезревшей проблемы. Ее решение в интересах всех народов, проживающих в России.

Литература

- Мирошниченко 2013 – *Мирошниченко В.В.* Основные этапы развития национального образования в советский период // Актуальные задачи педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). Чита: Изд-во «Молодой ученый», 2013. С. 10–12 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/67/3446/> (дата обращения 18.02.2019).
- Лачин 2013 – *Лачин Н.* Неравноправное положение русских в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1169796/> (дата обращения 30.04.2013).
- Шибутов 2014 – *Шибутов М.* Кому на Руси жить хорошо? [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/10/27/reachethnic/> (дата обращения 14.02.2019).
- Буланова 2017 – *Буланова М.Б.* П. Сорокин: уроки революции как «социального бедствия человечества» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение», 2017. № 4 (10). С. 50–56.

References

- Bulanova, M.B. (2017), “P. Sorokin: lessons of the revolution as a ‘social disaster of mankind’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art history” Series*, no. 4, pp. 50–56.
- Lachin, N. (2013), *Neravnopravnoe polozhenie russkikh v SSSR* [Unequal position of Russians in the USSR] [Online], available at: <http://newsland.com/news/detail/id/1169796/> (Accessed 30 April 2013).
- Miroshnichenko, V.V. (2013), “The main stages of the development of national education in the Soviet period”, *Current issues of pedagogy. Proceedings of the 3d Intern. scientific conf.* (Chita, February 2013). Young Scientist Publishers, Chita, Russia, pp. 10–12 [Online], available at: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/67/3446/> (Accessed 18 February 2019).
- Shibutov, M. (2014), *Komu na Rusi zhit' khorosho?* [Who Lives Well in Russia?] [Online], available at: <https://lenta.ru/articles/2014/10/27/reachethnic/> (Accessed 14 February 2019).

Информация об авторе

Геннадий И. Козырев, доктор социологических наук, профессор, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия; 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 9; genkozyr@mail.ru

Information about the author

Gennady I. Kozzyrev, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian Mendeleev University of Chemical Technology, Moscow, Russia; bld. 9, Miusskaya Sq., 125047, Moscow, Russia; genkozyr@mail.ru

Военная интеллигенция:
экстремальность службы и культуры пограничников
Северного Кавказа

Дмитрий Н. Свировский
*Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия, son-ktv@mail.ru*

Аннотация. Автор исследовал пограничников как социально-профессиональную группу военной интеллигенции, которая обладает особой культурой. Культура пограничников порождена профессиональными качествами и действиями по вооруженной охране и защите Государственной границы РФ. Особенности этой культуры дают основания определять и исследовать ее как субкультуру, свойственную данной группе. На основе анализа работ по социологии субкультур, погранологии и психологии экстремальных ситуаций разработана методология исследования и обосновано основное содержание субкультуры пограничников. Она включает терминальную ценность «жизнь» и терминальную норму «институционализированное насилие», инструментальные ценности смелости, боеспособности, дисциплины, оперативности и других и проявление этих качеств в действиях как нормы повседневной службы. Методика исследования включает 12-тибалльные шкалы экспертных оценок экстремальности фактов, профессиональных качеств, ценностей и норм служебной деятельности. Субкультура пограничников оценивается по уровню экстремальности, который выражен в максимальных величинах «экстремальный» и «гиперэкстремальный». Она выступает предпосылкой и фактором адекватных действий пограничников, источником профессиональных качеств.

Ключевые слова: пограничник, военная интеллигенция, экстремальная, терминальная, инструментальная, институализированное насилие, жизнь, ценности, нормы, субкультура, эксперты

Для цитирования: Свировский Д.Н. Военная интеллигенция: экстремальность службы и культуры пограничников Северного Кавказа // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 65–74. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-65-74

Military intelligentsia. Extremity of the service and culture of border guards in the North Caucasus

Dmitrii N. Swirovskii

Adygeistate University, Maykop, Russia; son-kmv@mail.ru

Abstract. The author has investigated the border guards as a socio-professional group of military intelligentsia, which is endowed with a special culture. The border guard culture is generated by professional qualities and actions of armed protection and safeguarding the State border of the Russian Federation. The author believes the features of that culture give grounds to define and explore it as the form of subculture inherent in the group. The research methodology is developed and the main content of the border guard subculture is substantiated following an analysis of the investigations in the subculture sociology, the border science and extreme situation psychology. It includes the terminal value of “life” and the terminal norm of “institutionalized violence”, the instrumental values of courage, fighting capacity, discipline, efficiency and others. It also contains the manifestation of those qualities in actions as the daily service norms. The research methodology includes 12-point scales of expert assessments of the facts extremity, professional qualities, values and standards of performance. Guard subculture is estimated at the extremity level which reaches a maximum as “extreme” and “hyperextreme”. It is a prerequisite and a factor of adequate actions of border guards, a source of professional qualities.

Keywords: border guard, military intelligentsia, extreme, terminal, instrumental, institutionalized violence, life, values, norms, subculture, experts

For citation: Swirovskii, D.N. (2019), “Military intelligentsia. Extremity of the service and culture of border guards in the North Caucasus”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art history” Series*, no. 3, pp. 65–74. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-65-74

Постановка проблемы

В состав российской интеллигенции наряду с учеными и инженерами, писателями и художниками, врачами и учителями входят и профессиональные военные. К настоящему времени они все в большей части имеют высшее образование, их служба предполагает способности к творческому и вместе с тем оперативному мышлению. Эти качества присущи и пограничникам, несущим службу по охране и защите государственной границы РФ. Автор статьи

считает, что они обладают собственной субкультурой, как и многие другие социальные группы.

Общепризнан факт экстремального характера воинской службы. Признается экстремальность и деятельности пограничников [Черныш 2007]. Однако исследователи, на наш взгляд, не придают должного значения наличию у них специфической субкультуры и экстремальности ее ценностей и норм.

В немногочисленных психологических исследованиях [Банников 2002; Гросс 2012; Кугно 2012] раскрыт и обоснован экстремальный характер деятельности как военнослужащих, так и пограничников. В 1990–2000-е гг. у российских социологов [Человек 1990] и психологов [Александровский, Лобастов, Спивак, Щукин 1991; Магомед-Эминов 2008; Столяренко 2011] возрос интерес к проблемам личности и группы в экстремальной ситуации. Полученные результаты дают основание для изучения проблематики экстремальности служебной деятельности пограничников как социокультурного явления.

Субкультура пограничников и ее экстремальный характер

Автор настоящей статьи полагает, что основное содержание субкультуры пограничников – это экстремальный характер ценностей и норм, обусловленный воинской службой в мирное время. Пограничники постоянно находятся в состоянии боевой готовности и в любой момент могут вступить и реально вступали в боевые столкновения с нарушителями. С другой стороны, культура социально-профессиональной группы включает, прежде всего, терминальные и инструментальные ценности и нормы, сформированные деятельностью ее членов. В результате складывается специфическая культура группы – субкультура, пронизанная экстремальностью своих оснований, – профессиональных качеств и действий членов группы, и экстремальностью своих элементов – норм и ценностей. Наиболее ярко это проявилось у участников боевых действий 1990–2000 гг. на Северном Кавказе.

Методологической основой работы послужили исследования отечественных ученых по трем направлениям гуманитарных наук. Первое из них охватывает социологию культуры и многообразии субкультур, ценностей и норм [Власова 2013; Динамика 1996; Подвойский 2016; Попов 2011; Щепанская 2003]. Оно дает возможность трактовать понятие субкультуры как отражение множественности равноценных культур социальных групп современного общества.

Второе направление – погранология (А.Я. Анцупов, В.Р. Володин, Г.П. Герейханов, Ю.Г. Ковалевич, В.А. Колотуша, В.Ф. Молчановский и др.). Одна из ее центральных проблем – обоснование легитимности силового принуждения охраны и защиты Государственной границы РФ. Пограничные отношения и действия, наряду с убеждением, в значительной и порой в решающей степени построены на силовом принуждении и на угрозе его применения. Оно необходимо и легитимно, его цель – сохранять устойчивость межгосударственных пограничных отношений.

Третье направление – это исследования личности и групп в экстремальных ситуациях. Экстремальность трактуется как особая временно сложившаяся целостность внешне-внутренней системы – «человек в экстремальной ситуации», а социальное действие – как интегральный системный результат деятельности личности и группы.

Пограничники защищают жизнь, законно применяя вооруженное насилие. Каждый из них должен обезвредить преступников и тем самым противостоять угрозе собственной жизни, за которой стоит жизнь его товарищей и жизнь мирных граждан приграничья, безопасность работы различных организаций и органов власти. Это значит, что за жизнью каждого из солдат и офицеров стоит жизнь коллектива заставы, жизнь народа, жизнь Российского государства. Именно в таком социальном контексте, в контексте «социологии жизни» [Тощенко 2016] проходит пограничная служба. Поэтому терминальной, базовой ценностью пограничника является личная и социальная жизнь – ее утверждение, в том числе и ценой собственной жизни, ранения, здоровья, а терминальной социальной нормой – институционализированное вооруженное насилие. Как для интеллигенции главным делом – терминальной ценностью – является богатство духовной жизни народа и общества, так терминальная ценность пограничника – это сама жизнь. Как интеллигенция обладает талантами и способностями, которые выступают инструментальными ценностями, так инструментальными ценностями служебной жизни и деятельности пограничников выступают смелость и оперативность, компетентность и боеспособность, боевая и техническая подготовка. Как для интеллигенции нормальным является создание литературных произведений и выполнение научных исследований, внедрение новых технологий и обучение знаниям и навыкам и пр., выступающими ее инструментальными нормами, так инструментальными нормами пограничников являются владение вооружением и военной техникой, постоянная готовность к выполнению боевых задач, взаимодействие с другими пограничниками и т. п.

Опираясь на исследования и определения отечественных ученых [Власова 2013; Подвойский 2016], можно следующим образом определить субкультуру пограничников. Она представляет собой суверенную целостную автономную культуру, выросшую из культуры Российской армии и общества, наследующую ценности и нормы армейской и народной культуры, утверждающую жизнь и ее защиту и в своеобразном виде обладающую ими для выполнения государственной цели – охраны границы РФ.

В статью вошли материалы авторского исследования профессиональных качеств и служебной деятельности, норм и ценностей пограничников, проходивших службу в Особом Кавказском пограничном округе в 1990–2000-х гг. Метод исследования – социологическая экспертиза путем очного и заочного письменного опроса; опрошено 42 эксперта, в качестве которых выступили бывшие пограничники, ранее проходившие службу в этот период на границе, сроком от 1,5 до 26 лет. Автор опирается и на обобщенный многолетний прошлый опыт собственных наблюдений, непосредственного участия в охране и защите государственной границы РФ.

Экстремальность субкультуры пограничников измерена на шкале «пограничник в экстремальной ситуации» [Магомед-Эминов 2008; Столяренко 2011] и представлена в пяти группах (уровнях): обыденный (очень низкий), трудный (низкий), параэкстремальный (средний), экстремальный (высокий), гиперэкстремальный (очень высокий).

Степень экстремальности ценностей и норм субкультуры пограничников

Высокий уровень экстремальности служебной деятельности и профессиональных качеств пограничников выражен в большой частоте боевых столкновений с нарушителями границы, в которых участвовали эксперты. Самые острые факты пограничной службы на Кавказе – боевые столкновения – являются, по оценкам экспертов, преимущественно *гиперэкстремальными* и в несколько меньшей степени – *экстремальными*: 7 экспертов указали, что в течение года вместе со своим подразделением они вступали в бой 15 и более раз; 15 экспертов указали 10–14 таких случаев, 18 экспертов отметили 5–9 боевых столкновений, т. е. параэкстремальный уровень, и только двое отметили менее 5 случаев за год, т. е. относятся к уровню «трудный». Никто из экспертов не указал на отсутствие вооруженных столкновений. С таким сложившимся уровнем экстремальности пограничной службы соотносятся все остальные элементы служебной деятельности с точки зрения того,

в какой степени оценки профессиональных качеств, подготовки, отдыха достигают высокого или низкого уровня и с этой точки зрения получают свою оценку экстремальности.

В экстремальных действиях во время боевых столкновений эксперты оценивали профессиональные качества пограничника – смелость, боеспособность, психологическую готовность к боевым действиям, взаимодействие между пограничниками. Экспертные оценки сосредоточены преимущественно на уровне *экстремальный* (от 2/5 до 1/2 ответивших). Некоторая часть оценок приходится на уровень *гиперэкстремальный*. На уровнях *параэкстремальный* и *трудный* оценок немногим больше, особенно у качества «психологическая готовность к бою». Относительно высокого, но не максимального уровня достигает экстремальность качеств и действий (дисциплины, самостоятельности, оперативности исполнения и взаимодействия) при выполнении повседневных задач (несение службы по охране границы и т. п.). Заметно ниже оценивается степень экстремальности подготовки: у рядового состава оценки военно-технической и в значительной степени – физической подготовки сосредоточены преимущественно на уровне *обыденный* и *трудный* (половина и более), и только боевая подготовка – в сумме на *параэкстремальном* и *экстремальном* уровнях набирает примерно половину оценок. У офицеров значительно более высокими, чем у рядовых, являются оценки военно-технической и боевой подготовки, они распределены примерно в равной степени между *трудными*, *параэкстремальными* и *экстремальными*, при этом о *гиперэкстремальном* уровне свидетельствует лишь 1/6 – 1/10 доля оценок. В целом оценки уровня подготовки пограничников не достигают высокой степени экстремальности, свойственной оценкам экстремальности реальных боевых действий.

Таким образом, наиболее часто встречающиеся оценки фактов служебной деятельности и качеств пограничников относятся к *экстремальному* уровню. При этом *гиперэкстремальный* уровень встречается в два раза чаще, чем *обыденный*, а *трудный* и *параэкстремальный* – примерно на 1/3 реже, чем *экстремальный* (табл. 1).

Из фактов служебной деятельности и профессиональных качеств вырастает множество ценностей и норм, образующих субкультуру пограничников и проявляющихся в виде их отношения к своим действиям и качествам различного уровня экстремальности. Это отношение выражено в тех оценках, которые пограничники дают действиям и качествам с точки зрения того, являются ли они нормальными. В той мере, в какой они признаны нормальными, и в той мере, в какой оцениваются как таковые по сравнению с нормами другой деятельности (в других войсках – в подразделениях Минобороны РФ), – в той мере они представляют собой инстру-

ментальную ценность пограничников. Иначе говоря, чем более нормальным пограничники считают свое участие в боевых действиях при охране границы, отдых и подготовку к ним при достигнутом уровне экстремальности, тем более эти действия и профессиональные качества являются нормой и ценностью субкультуры пограничников. Чем выше оценка этих норм и ценностей, тем более они экстремальны. Поэтому эксперты оценивали частоту боевых столкновений с точки зрения того, насколько она является нормальной, обычной в деятельности пограничников: большинство экспертов (не менее 3/4) оценили частоту боевых столкновений с нарушителями границы на *высоком* и *очень высоком* уровне привычки к этим фактам экстремального и гиперэкстремального уровня. Следовательно, вооруженное насилие в боевых действиях – терминальная норма – выступает нормой служебной деятельности пограничников и в виде боевых действий представляет собой инструментальную норму. Эксперты признали такую службу нормальной профессиональной жизнью. При этом смелость, боеспособность, психологическую готовность более 2/3 экспертов оценили как обычное, нормальное поведение на *высоком* и *очень высоком* уровне, а на шкале экстремальности – на *экстремальном* и *гиперэкстремальном*.

Таблица 1

Сводные оценки фактов служебной деятельности
и профессиональных качеств пограничников

Уровень экстремальности	Сумма баллов	Средний балл
0-1; обыденный	45	2,0
2-4; трудный	206	9,8
5-6; параэкстремальный	207	9,9
7-9; экстремальный	334	16,0
10 и более; гиперэкстремальный	85	4,0

Таким образом, отношения пограничников к фактам боевых столкновений и профессиональным качествам и действиям представляют собой ценности и нормы службы *экстремального* и *гиперэкстремального* уровня.

Оценки большинства экспертов по вопросам об интенсивности и напряженности профессиональной подготовки даны главным образом ниже оценок экстремальности боевых действий пограничников. Следовательно, инструментальная ценность подготовки является менее высокой, менее экстремальной в деятельности пограничников. Эксперты не признали уровень подготовки столь

же экстремальной ценностью, как экстремальность ценности и нормы боевых действий, выполнения повседневных заданий и качеств, в них проявленных. Следовательно, профессиональная подготовка с точки зрения ее экстремальности является меньшей ценностью для пограничников.

В обобщенном виде пограничная служба как ценность получила высокую оценку в ответах на вопросы о значении своей службы, о ее сложности и тяжести и о возможности уйти с нее при условии значительного повышения размера денежного довольствия в воинских частях Минобороны РФ. Рядовые пограничники понимают значение своей экстремальной и гиперэкстремальной службы на *высоком* уровне (более половины оценок), офицеры – на *высоком* и *очень высоком* уровне (соответственно, более половины и 1/3 экспертных оценок).

Выводы

В сочетании *экстремального* и *гиперэкстремального* уровней пограничной службы с нормами *высокого* и *очень высокого* уровня эти оценки соответствуют *экстремальному* и *гиперэкстремальному* уровням ценностей службы для пограничников, в силу чего субкультуру пограничников, несших службу на Северном Кавказе, следует признать экстремальной и гиперэкстремальной. Вместе с тем некоторые ценности и нормы, например, профессиональная подготовка и психологическая готовность к боевым действиям, остаются менее развитыми.

В условиях снижения роли вооруженной защиты в системе охраны государственной границы РФ экстремальная субкультура пограничников не теряет своего значения. Она выступает предпосылкой и фактором адекватных действий в различных ситуациях повседневной службы, источником формирования необходимых профессиональных качеств и должна быть соподчинена с образованностью приходящего в пограничные войска нового поколения подготовленных военнослужащих.

Литература

- Александровский, Лобастов, Спивак, Щукин 1991 – Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Щукин Б.П. Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991. 95 с.
- Банников 2002 – Банников К.Л. Антропология экстремальных групп: Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы российской армии. М., 2002. 399 с.

- Власова 2013 – *Власова А.Л.* Проблема определения молодежной субкультуры в современном обществе // *Философия образования.* 2013. № 1. С. 125–128.
- Гросс 2012 – *Гросс И.Я.* Педагогическая система сопряженного воздействия в специальной боевой подготовке курсантов вузов МВД России: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2012. 516 с.
- Динамика 1996 – *Динамика ценностей населения реформируемой России* / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: URSS, 1996. 224 с.
- Кугно 2012 – *Кугно Э.Э.* Подготовка военнослужащих к деятельности в экстремальных ситуациях. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 139 с.
- Магомед-Эминов 2008 – *Магомед-Эминов М.Ш.* Феномен экстремальности. М.: ПАРФ, 2008. 218 с.
- Подвойский 2011 – *Подвойский Д.Г.* Субкультура // *Большая Российская энциклопедия.* М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2016. Т. 31.
- Попов 2011 – *Попов Е.А.* Что изучает социология культуры // *Социологические исследования.* 2011. № 1. С. 88–96.
- Столяренко 2011 – *Столяренко А.М.* Психологическая системология: теория, исследования, практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2011. 391 с.
- Тощенко 2016 – *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
- Человек 1990 – *Человек в экстремальной ситуации (опыт социологического исследования ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС)* / Отв. ред. Е.Н. Головаха. Киев: Наукова думка, 1990. 178 с.
- Черныш 2007 – *Черныш И.В.* Гендерные особенности адаптации к экстремальным условиям деятельности сотрудников пограничной службы ФСБ РФ: дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 225 с.
- Щепанская 2003 – *Щепанская Т.Е.* Молодежные сообщества // *Современный городской фольклор.* М.: РГГУ, 2003. С. 34–85.

References

- Golovakha, E.I., ed. (1990), *Chelovek v ekstremal'noi situatsii (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya likvidatsii posledstviu avarii na Chernobyl'skoi AES)* [A Man in an extreme situation (experience of sociological research of liquidation of consequences of the Chernobyl accident)], Naukova Dumka, Kyiv, Ukraine.
- Alexandrovskii, Yu.A., Lobastov, O.S., Spivak, L.I. and Shchukin, B.P., (1991), *Psikhogenii v ekstremal'nykh usloviyakh* [Psychogeny in extreme conditions], Meditsina, Moscow, Russia.
- Bannikov, K.L. (2002), *Antropologiya ekstremal'nykh grupp: Dominantnye otnosheniya sredi voenmosluzhashchikh strochnoi sluzhby rossiiskoi armii* [Anthropology of extreme groups. Dominant relations among conscripts of the Russian army], Moscow, Russia.
- Chernysh, I.V. (2007), *Gender features of adaptation to extreme conditions of activity of employees of border service of FSB of the RF*: Ph.D. Thesis, Psychological, Rostov-na-Donu, Russia.

- Cugno, E.E. *Podgotovka voennosluzhashchikh k deyatel'nosti v ekstremal'nykh situatsiyakh* [Training of servicemen to activity in extreme situations]. BSU publishing House, Ulan-Ude, Russia.
- Lapin, N.I., Belyaeva, L.A., eds. (1996), *Dinamika tsennostei naseleniya reformiruemoi Rossii* [Dynamics of values of the population of the reformed Russia], URSS, Moscow, Russia.
- Gross, I.Ya. (2012), *Pedagogical system of the conjugate influence in special combat training of cadets of higher education institutions of the MVD of Russia*: D. Sc. Thesis, Pedagogy, Moscow, Russia.
- Magomed-Eminov, M.Sh. (2008), *Fenomen ekstremal'nosti* [Phenomenon of extremality], PARF, Moscow, Russia.
- Podvoiskii, D.G. (2016), "Subculture", in: *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya* [Big Russian encyclopedia], Scientific publishing house "Big Russian encyclopedia", vol. 31, Moscow, Russia.
- Popov, E.A. (2011), "What studies sociology of culture", *Sociological research*, no. 1, pp. 88–96.
- Shchepanskaya, T.E. (2003), "Youth communities", in: *Modern urban folklore*, pp. 34–85, RGGU, Moscow, Russia.
- Stolyarenko, A.M. (2011), *Psikhologicheskaya sistemologiya: teoriya, issledovaniya, praktika* [Psychological systems science. Theory, research, practice], YuNITI-DANA, Moscow, Russia.
- Toshchenko, J.T. (2016), *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of the life]: YuNITI-DANA, Moscow, Russia.
- Vlasova, A.L. (2013), "The issue of defining youth subculture in modern society", *Philosophy of education*, no. 1, pp. 125–128.

Информация об авторе

Дмитрий Н. Свировский, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия; Россия, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208; son-kmv@mail.ru

Information about author

Dmitry N. Swirovskii, Adyghe State University, Maikop, Russia; bld. 208, Pervomaiskaya Str., Maikop, Russia; son-kmv@mail.ru

Особенности становления магистратуры в Германии

Елена Е. Сухова

*Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия, elena-suchova@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи делает попытку проследить динамику развития европейской магистратуры, выявить особенности ее становления в немецкой высшей школе, сравнить этот опыт с российским. На основе анализа официальных документов, статистических данных и результатов опросов, проведенных немецкими исследователями, автор показывает, как под воздействием внешних и внутренних факторов в ФРГ формируется второй уровень высшего образования. В частности, в рамках расширения доступности образования право осуществлять подготовку в магистратуре получили не только университеты, но и профессиональные высшие школы, что обусловило оформление не только академической и прикладной, но и других разновидностей магистратуры. В свою очередь, курс на сокращение сроков обучения в высшей школе обеспечил установление настолько тесной связи программ первого и второго уровней подготовки, что защита выпускной работы бакалавра воспринимается не как окончание первой ступени высшего образования, а в большей степени как промежуточное испытание, необходимое для продолжения образования в магистратуре. Отсюда невысокий уровень внутренней мобильности при переходе от первого ко второму уровню высшего образования. Подводя итоги двадцатилетнего опыта Германии, автор делает вывод, что при наличии многообразия видов и форм подготовки, а также присуждаемых степеней, в ФРГ де-факто продолжает функционировать одноуровневая подготовка специалистов, приведенная в соответствие с современными требованиями.

Ключевые слова: высшая школа ФРГ, специфика развития магистратуры, востребованность магистерских программ

Для цитирования: Сухова Е.Е. Особенности становления магистратуры в Германии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 75–85. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-75-85

Features of the formation of magistracy in Germany

Elena E. Sukhova

*Smolensk State University,
Smolensk, Russia, elena-sukhova@mail.ru*

Abstract. The author of the article make attempt to trace the dynamics of the development of the European magistracy, to identify the features of its formation in the German higher education, compare this experience with the Russian. On a basis of the analysis of official documents, statistical data and the results of the surveys conducted by the German researchers, the author shows how under the influence of external and internal factors in Germany, the second level of higher education is formed. In particular, within the framework of expanding the availability of education, not only universities but also professional higher schools received the right to carry out training in master's programs, which led to the formation of not only academic and applied magistracy, but also it another varieties. In turn, the course of reducing the period of study in higher education ensured the establishment of such a close relationship between programs of the first and second levels of training that the defense of the bachelor's degree work perceive not as the end of the first stage of higher education, but rather as an intermediate test necessary for continuing in magistracy. It explains the low level of internal mobility during the transition from the first to the second level of higher education. Summing up the twenty-year experience of Germany on the transition to multi-level higher education, the author concludes that in the presence of a variety of types and forms of training, as well as degrees awarded, single-level training of specialists, adjusted to modern requirements, continues to operate in Germany.

Keywords: higher school of Germany, specificity of the development of the magistracy, demand for master's programs

For citation: Sukhova, E.E. (2019), "Features of the formation of magistracy in Germany", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art history" Series*, no. 3, pp. 75–85. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-75-85

Введение

Трансформация европейского высшего образования в контексте Болонского процесса происходит на протяжении почти 20 лет. Существенные отличия национального опыта образования, разные сроки включения в процесс и темпы реализации его основных положений обусловили выработку в каждой стране собственных

механизмов перехода на болонскую модель. Так, Германия приступила к переходу на многоуровневое высшее образование еще в 1999 г., а в Венгрии и Испании, подписавших Болонскую декларацию в том же году, переход на бакалавриат и магистратуру начался только в 2005 г. и 2008 г. соответственно.

На сегодняшний день практически во всех европейских странах осуществлен переход на многоуровневую подготовку. При этом сложилось несколько моделей двухуровневого образования, которые отличаются по срокам обучения и объему учебной нагрузки. Например, в Швеции и во Франции реализуется модель 3+2 (три года обучения на бакалавриате и два – в магистратуре), в Испании и Венгрии – 4+1, в Литве и Турции – 4+2, а в некоторых странах, например, в Германии и Финляндии, сосуществуют обе модели. Соблюдение де-юре всеми участниками Болонского процесса общих установок введения магистратуры де-факто приводит к усилению разнообразия форм и видов второго уровня подготовки в рамках установленных единых квалификаций. В частности, для получения степени магистра по одинаковому или схожему направлению подготовки в одной стране нужно учиться два года, а в другой достаточно одного. Ситуация усугубляется разницей в объеме зачетных единиц. Количество академических часов, эквивалентных одной зачетной единице, колеблется от 25 до 36. Например, в ФРГ – это 30 ч, а в России – 36.

В результате разница в трудоемкости учебного процесса российских и немецких магистерских программ при одинаковых сроках обучения достигает 700 часов аудиторной и самостоятельной работы. Помимо количественных показателей, связанных со сроками обучения и объемом трудоемкости учебного процесса, специфика развития второго уровня высшего образования в разных странах определяется внутренними требованиями при приеме в магистратуру, опирающимися на социальные условия и установки, что в свою очередь сказывается на траекториях перехода ко второй ступени высшего образования.

Таким образом, для России изучение опыта становления магистратуры в других странах представляется весьма актуальным, поскольку позволяет выявить общие и специфичные черты второго уровня подготовки. В этом отношении особого внимания заслуживает изучение социальных практик внедрения магистерских программ в немецкой системе высшего образования как структурно родственной отечественной высшей школе.

Виды магистерских программ в немецкой системе высшего образования

Переход на многоуровневое высшее образование обусловил структурную трансформацию немецкой высшей школы, которая проявляется в изменении установленных сроков обучения, принципов организации учебных планов и процесса обучения, базирующихся на модульной и кредитной системах, а также содержания обучения и присуждаемых по окончании вуза степеней. В настоящее время многоуровневое высшее образование (91,1% программ бакалавриата и магистратуры) практически вытеснило традиционные дипломные и магистерские специальности. Доля последних в общем количестве реализуемых в немецких вузах образовательных программ в 2017/18 уч. г. составила менее 2%. Следует также отметить, что, как и в большинстве стран Европы, переход на болонскую модель не затронул медицину, фармацевтику, а также право и частично подготовку учителей, где сохранилась одноуровневая подготовка¹.

Введение многоуровневой подготовки наряду с усилением привлекательности немецких образовательных программ и их соответствия требованиям рынка труда направлено на сокращение сроков получения высшего образования и расширение его доступности. В контексте реализации последней из обозначенных установок право осуществлять подготовку магистров получили не только университеты, но и профессиональные высшие школы, которые традиционно предоставляют практико-ориентированное образование, а их окончание не дает выпускникам возможность поступления в аспирантуру. Практика реализации магистерских программ в вузах неуниверситетского типа стирает границу между университетами и профессиональными высшими школами, что способствует институциональному сближению профессионального и академического образования, с одной стороны, и усилению конкуренции внутри образовательного пространства Германии – с другой. Вместе с тем университетская магистратура демонстрирует более высокую степень востребованности: почти две трети программ второго уровня (1566) предлагаются в университетах и учебных заведениях,

¹ Nationaler Bericht von Kultusministerkonferenz und Bundesministerium für Bildung und Forschung unter Mitwirkung von HRK, DAAD, Akkreditierungsrat, fzs, DSW und Sozialpartnern. 15.02.2018. URL.: https://www.bmbf.de/files/2018-03-28_15-Nationaler_Bericht_Bologna_2018.pdf (дата обращения 11 февраля 2019).

приравненных к их статусу, и только одна треть (975) в профессиональных высших школах².

Сложившаяся ситуация привела к формированию разных видов магистратуры в ФРГ. Во-первых, предусмотрено деление магистратуры на академическую и прикладную, причем первая представлена в университетах, а вторая преимущественно в профессиональных высших школах. Во-вторых, продолжительность программ, определяемая в ФРГ традиционно в семестрах, зависит от длительности обучения на первой ступени высшего образования, т. е. привязывается к бакалавриату. В первые годы введения магистратуры, согласно результатам исследований Н. Jahn, в ФРГ фиксировался весьма широкий спектр программ по срокам обучения. Широко были представлены интегрированные программы первого и второго уровней, объединенные по следующим моделям продолжительности обучения в семестрах: 6+3, 6+4 и 7+3 с доминированием второй из них. Присутствовали и другие варианты, например 6+2, 7+4 и 8+2, семестров [Jahn 2001]. К настоящему времени устоялись три варианта – 8+2, 6+4, 7+3. Причем первые два характерны для университетов, а последний реализуется в профессиональных высших школах.

В-третьих, выполнение предписаний Постоянной конференции министров образования и культуры земель от 2003 г., согласно которым магистерские программы могут быть содержательно привязаны к реализуемым в учебном заведении программам бакалавриата, а могут представлять собой отдельные направления подготовки, никак не связанные с первым уровнем, вкуче с оформившимися академической и прикладной магистратурой обусловили возникновение новых разновидностей второй ступени. К ним относятся так называемые последовательная (konsekutiv) магистратура и магистратура переподготовки (weiterbildend). Первая предполагает непосредственный переход в магистратуру по окончании бакалавриата. Вторая рассматривается как последипломное образование, поскольку предусматривает обязательный выход бакалавра на рынок труда и возможность поступления в магистратуру по профессии при наличии опыта работы не менее одного года. Это, по сути, прикладная или управленческая магистратура в профессиональных высших школах. В последние годы магистерские программы переподготовки стали реализовываться

² Statistische Angaben zur Einführung von Bachelor- und Mastestudiengängen. Akkreditierung, Studierenden und Absolventen. Wintersemester 2004/2005 [Электронный ресурс] // HRK. Die Stimme der Hochschulen. URL.: http://www.ahpgs.de/hrk-kmk/Statistik_hrk.pdf (дата обращения 7 февраля 2019).

в государственных университетах. Для них специфично то, что они не привязаны к направлениям подготовки бакалавриата, длятся не более одного года и являются платными, в отличие от академической магистратуры. В целом доля прикладных программ переподготовки, как и спектр направлений, невелики и ограничиваются подготовкой в области экономики (Wirtschafts-), инженерного дела (Ingenieur-), социальной гигиены и организации здравоохранения (Gesundheitswissenschaften).

В свою очередь последовательная академическая магистратура предусматривает двухлетний срок обучения и имеет две разновидности, соответствующие предшествующему бакалавриату, – с одним профилем подготовки (монобакалавриат) и с двумя (комбинированный бакалавриат). Первый, по сути, замещает традиционные для Германии дипломные специальности (Diplomstudiengänge), а второй магистерские программы (Magisterstudiengänge). Соответственно реализуются мономагистратура и комбинированная магистратура. Последняя предусматривает наличие двух профилей с доминированием одного из них или равным соотношением числа зачетных единиц, отводимых на изучение дисциплин каждого профиля. Важно то, что содержательное наполнение комбинированной магистратуры существенно отличается от традиционных одноуровневых программ.

В отличие от практики, распространенной в России, в немецких вузах на всех уровнях высшего образования превалирует очная форма обучения. Только 5% всех студентов (бакалавров и магистров) предпочитают учиться заочно. Эта возможность традиционно предоставляется в специализированном вузе – Хагенском заочном университете. В последнее время заочное обучение стало вводиться в негосударственных вузах, которые ориентированы, прежде всего, на подготовку работающего контингента.

Востребованность магистратуры в Германии

Первоначальные установки относительно многоуровневой подготовки в вузах, согласно которым бакалавриат вводился как ответ на усилившуюся массовизацию высшей школы, как образование для всех, а магистратура предусматривалась для небольшой доли выпускников первой ступени (порядка 15%), не оправдались. В первые годы перехода на болонскую модель G. Turner [Turner 2001], P. Frankenberg [Frankenberg 1999], W. Schulze [Schulze 1999] и др. предлагали в качестве ограничительных мер ввести вступительные экзамены для поступления в магистратуру.

Однако большинство выпускников первой ступени были вынуждены вернуться в вузы, поскольку не смогли трудоустроиться с дипломом бакалавра.

Сегодня продолжение обучения на втором уровне высшего образования стало обычной практикой. Об этом свидетельствует, прежде всего, количество программ магистратуры, которое сравнялось с числом бакалаврских и составило соответственно 8758 и 8750 в 2017/18 уч. г. Кроме того, показательна доля бакалавров, получающих образование второго уровня и планирующих продолжить обучение. В магистратуру поступает большинство выпускников бакалавриата (64%), еще 14%, согласно опросам, планировали получить образование более высокого уровня. При этом высшее образование второй ступени более востребовано среди тех, кто получил университетскую подготовку (82% бакалавров), доля магистрантов, имеющих диплом профессиональных высших школ, вдвое меньше – 44%³.

Анализ траекторий перехода в магистратуру свидетельствуют о том, что выпускники первой ступени предпочитают продолжать обучение в *alma mater*. Это порядка 2/3 бакалавров, получивших университетское образование. В профессиональных высших школах доля собственных выпускников существенно ниже и составляет около 1/4, поскольку часть из них устремляется в университеты. Исследователи констатируют факт, что в университетах выпускные экзамены бакалавриата превратились в промежуточные экзамены для магистратуры, как это было ранее на специалитете [Bildung 2016]. Такая же тенденция фиксировалась ранее при одноуровневой подготовке, только тогда речь шла о получении высшего образования и о выборе между университетом и профессиональной высшей школой, а сейчас в большей степени о необходимости получать образование более высокого уровня.

Высокая востребованность магистерских программ объясняется также тем, что наряду с работодателями студенты не считают бакалавриат законченным высшим образованием, а диплом бакалавра, полученный в профессиональной высшей школе, сохраняет ту же ценность, что и прежний диплом этого учебного заведения, т. е. фактически приравнивается к среднему профессиональному образованию. Последнее находит подтверж-

³ Nationaler Bericht von Kultusministerkonferenz und Bundesministerium für Bildung und Forschung unter Mitwirkung von HRK, DAAD, Akkreditierungsrat, fzs, DSW und Sozialpartnern. 15.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmbf.de/files/2018-03-28_15-Nationaler_Bericht_Bologna_2018.pdf (дата обращения 11 февраля 2019).

дение в том, что в отличие от университетских бакалавров 2/3 выпускников первой ступени профессиональных высших школ успешно трудоустраиваются сразу после получения степени бакалавра. При этом выпускники университетской магистратуры более востребованы на рынке труда и находят работу, соответствующую направлению подготовки, в то время как магистры, получившие образование в профессиональных высших школах, сталкиваются с тем, что их диплом магистра избыточен, а для их трудоустройства достаточно диплома бакалавра [Bildung 2016].

Переход из одного университета в другой для получения образования второго уровня зачастую сопряжен со сменой региона/земли. Вектор таких перемещений следующий: из вузов Западной Германии в учебные заведения Восточной Германии, что обусловлено отсутствием в последних ограничений при приеме в магистратуру. Здесь имеется ввиду, прежде всего, средний балл оценок в дипломе бакалавра как наиболее распространенный критерий при наличии конкурса. Общее число мест на магистерских программах определяется исходя из обеспеченности кадрами из числа профессорско-преподавательского состава и соответствующего материального оснащения. В целом следует отметить, что в настоящее время в большинстве немецких вузов отсутствуют какие-либо ограничения при поступлении в магистратуру (3/4 программ магистратуры не предусматривают даже вступительных испытаний)⁴.

Заключение

Анализ становления магистратуры в Германии показывает, что несмотря на строгое следование предписаниям Болонского процесса происходит неизбежная адаптация его установок к особенностям функционирования немецкой высшей школы. В итоге это приводит к формированию особенностей функционирования второй ступени высшего образования. К ним относятся в первую очередь наличие тесной взаимосвязи магистратуры и бакалавриата и преемственности не только в целом ступеней высшего образования, но и собственно образовательных программ первого и второго

⁴ Nationaler Bericht von Kultusministerkonferenz und Bundesministerium für Bildung und Forschung unter Mitwirkung von HRK, DAAD, Akkreditierungsrat, fzs, DSW und Sozialpartnern. 15.02.2018 [Электронный ресурс]. URL.: https://www.bmbf.de/files/2018-03-28_15-Nationaler_Bericht_Bologna_2018.pdf (дата обращения 11 февраля 2019).

уровней как по срокам обучения, так и по их содержанию. Именно поэтому смена вуза в целях получения степени магистра не является характерной для немецкого образовательного пространства, поскольку приемлемая образовательная программа предлагается чаще всего в том же вузе и на том же факультете, а переход в другое учебное заведение затруднен ввиду разницы в учебных планах первой ступени.

Невысокий уровень востребованности университетских бакалавров на рынке труда и тот факт, что подавляющее большинство из них продолжают обучение в магистратуре, позволяет утверждать, что несмотря на наличие двух степеней – бакалавра и магистра – в вузах Германии продолжает доминировать подготовка, схожая с доболонскими одноуровневыми специалитетом и магистратурой. Это особенно ярко проявляется в оформлении последовательной магистратуры и ее разновидностей (мономагистратура и комбинированная магистратура), а также в разнице сроков обучения и обозначения присуждаемых степеней. В свою очередь получение профессиональными высшими школами права реализации программ второго уровня в рамках расширения доступности высшего образования обусловило деление магистратуры на академическую и прикладную, последовательную и магистратуру переподготовки. При этом неоспорим тот факт, что содержательно программы новых направлений подготовки здесь имеют совершенно иное наполнение и приведены в соответствие с современными требованиями рынка труда. Кроме того, установление жестких сроков обучения на каждой ступени высшего образования способствовало сокращению продолжительности учебы в вузе и решению проблемы довольно позднего выхода выпускников университетов на рынок труда.

Представленный в настоящей статье материал является частью комплексного исследования «Рождение российской магистратуры», выполняемого на базе НИУ «Высшая школа экономики» при поддержке Благотворительного фонда В. Потанина, и будет полезен для дальнейшего проведения сравнительного анализа опыта введения магистратуры в России и ФРГ. Это позволит выявить общие для обеих образовательных систем характеристики второго уровня подготовки, определить специфику развития отечественной магистратуры и на их основе разработать рекомендации для дальнейшего развития магистерских программ в нашей стране.

Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта, реализуемого победителем программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда В. Потанина.

Acknowledgements

The article is part of a project implemented by the winner of the program under “The Vladimir Potanin Scholarship Program of the V. Potanin” Charity Fund.

Литература

- Jahn 2001 – *Jahn H.* Gestufte Studiengänge an deutschen Hochschulen // U. Welbers (Hrsg.) Studienreform mit Bachelor und Master. Gestufte Studiengänge des Lehrens und Lernens an Hochschulen. 2001. Lucherhand. 1. Aufl. S. 128–142.
- Turner 2001 – *Turner G.* Hochschule zwischen Vorstellung und Wirklichkeit. Berlin, 2001.
- Frankenberg 1999 – *Frankenberg P.* Das differenzierte deutsche Hochschulsystem aus Sicht der Universitäten // Universitäten und Fachhochschulen im Wettbewerb und Kooperation. Beiträge zur Hochschulpolitik. Bonn. 1999. Iss. 9. S. 31–92.
- Schulze 1999 – *Schulze W.* Profilbildung und Differenzierung. Die Hochschulen auf dem Weg ins 21. Jahrhundert // Universitäten und Fachhochschulen im Wettbewerb und Kooperation. Beiträge zur Hochschulpolitik. Bonn, 1999. Iss. 9. S. 21-30.
- Bildung 2016 – Bildung in Deutschland 2016. Ein indikatorengestützter Bericht mit einer Analyse zu Bildung und Migration. Bielefeld: W. Bertelsmann Verlag GmbH & Co. KG, 2016. 350 S.

Referenses

- Bildung in Deutschland 2016. Ein indikatorengestützter Bericht mit einer Analyse zu Bildung und Migration* (2016), W. Bertelsmann Verlag GmbH & Co. KG, Bielefeld.
- Frankenberg, P. (1999), „Das differenzierte deutsche Hochschulsystem aus Sicht der Universitäten“, *Universitäten und Fachhochschulen im Wettbewerb und Kooperation. Beiträge zur Hochschulpolitik*, Bonn, 1999. Iss. 9. S. 31–92.
- Jahn, H. (2001), „Gestufte Studiengänge an deutschen Hochschulen“, in: Welbers, U. (Hrsg.) *Studienreform mit Bachelor und Master. Gestufte Studiengänge des Lehrens und Lernens an Hochschulen*. Lucherhand. 1. Aufl, S. 128–142.
- Turner, G. (2001), *Hochschule zwischen Vorstellung und Wirklichkeit*. Berlin.
- Schulze, W. (1999), „Profilbildung und Differenzierung. Die Hochschulen auf dem Weg ins 21. Jahrhundert“, in: *Universitäten und Fachhochschulen im Wettbewerb und Kooperation. Beiträge zur Hochschulpolitik*. iss. 9, S. 21–30, Bonn, Germany.
- Информация об авторе*

Елена Е. Сухова, кандидат социологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия; 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; elena-suchova@mail.ru

Information about the author

Elena E. Sukhova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia; bld. 4, Przewalski Str., Smolensk, Russia, 214000; elena-suchova@mail.ru

Русский рэп как саморефлексия поколения

Елена А. Гришина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, egrishina@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется феномен русского рэпа, причины роста популярности рэпа в России, протестный потенциал рэпа и его поэтические особенности. Анализируется отношение молодежи к рэп-культуре, изучается социальный аспект популярности рэп-культуры. Одной из особенностей русской рэп-культуры является то, что при сегодняшнем социальном расслоении российского общества русский рэп не имеет классовых и национально-культурных барьеров. Среди 20 самых популярных российских рэперов представители многих городов и областей страны и бывших республик СССР. Рэп-культура в России многонациональна. Рэп-исполнители не разделяют в культуре «низкое» и «высокое». В текстах русского рэпа есть экзистенциальные смыслы и грубые ругательства, мы видим смесь английских и русских слов, латиницы и кириллицы. Сверхпопулярность рэпа определяется рядом факторов: универсальность рэпа, возможность восприниматься любой аудиторией. Интернет – мощный инструмент, который дает возможность быстро распространять и тиражировать рэп-культуру. Русский рэп – это гораздо больше, чем ситуативная молодежная субкультура, возникшая на гребне моды. Рэп стал формой проявления молодежного максимализма и самоутверждения, протеста против несправедливости жизни, поиска поддержки в быстро меняющемся мире.

Ключевые слова: русский рэп, рэп-культура, речевые практики, поколение, миллениалы, социально-политическая рефлексия

Для цитирования: Гришина Е.А. Русский рэп как саморефлексия поколения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 86–96. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-86-96

Russian rap as a self-reflection of the generation

Elena A. Grishina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, egrishina@yandex.ru*

Abstract. Article analyzes the phenomenon of Russian rap, the reasons for the growing popularity of rap in Russia, the protest potential of rap and its poetry features. . The attitude of the generation of millennials, the specifics of their communications and speech practices are considered. The attitude of young people towards rap culture is analyzed, .The social aspect of the popularity of rap culture is studied. One of the features of Russian rap culture is that with today 's social stratification of Russian society Russian rap has no class and national-cultural barriers. Among the 20 most popular Russian rappers there are representatives of many cities and regions of the country and former republics of the USSR. Rap culture in Russia is multinational. Rap performers do not share “low” and “high” in culture. In the texts of Russian rap there are existential meanings and gross swearing, we see a mixture of English and Russian words, the Latin and Cyrillic. The super popularity of rap is determined by a number of factors: universalism of rap, the ability to be perceived by any audience. The Internet is a powerful tool that makes it possible to quickly distribute and replicate rap culture. Russian rap is much more than the situational youth subculture that emerged on the crest of fashion. Rap became a form of manifestation of the youth maximalism and self-affirmation, the protest against injustices of life, a search for internal support in rapidly changing world.

Keywords: Russian rap, rap culture, speech patricians, generation, millennials, socio-political reflection

For citation: Grishina, E.A. (2019), “Russian rap as a self-reflection of the generation”, *RSUH/RGGU Bulletin. RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art history” Series*, no. 3, pp. 86–96, DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-86-96

Русский рэп – мой рэп, это вспышки света,
правдивые куплеты, иногда как удар кастета – жестко,
иногда услышит даже самый черствый.
Чувствуй русский рэп
«Лигалайз»

Введение

Основная аудитория русского рэпа – поколение, рожденное в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Многие эксперты сходятся во мнениях о том, что молодые люди, родившиеся в этот период,

представляют собой консолидированное поколение с собственными ценностями и представлениями о мире, отличными от старшего поколения [Радаев 2018]. Они несут в себе массу противоречий и непрозрачны даже для собственных родителей. Примером может служить их внешняя аполитичность и пассивность с одной стороны, но при этом готовность поддержать любой «кипеж», объявленный в Интернете как борьба за справедливость. Наличие протестных настроений в современном российском обществе, особенно в молодежной среде, очевидно. Мнения экспертов различаются лишь в том, каков «градус» подобных настроений и насколько активными и масштабными могут быть возможные последствия. Протесты вокруг ситуации с выборами в Мосгордуму в Москве получили широкую известность. Ядро протестов – когорта 16–22 года, самые активные пользователи Интернет, который выступает для них главной коммуникативной площадкой, в том числе и для организации политических флэшмобов. Среди них большинство – студенты. В задачу данной статьи не входит анализ молодежных протестов, но обозначить эту проблему необходимо.

В настоящее время протестный «контент» для потребления молодежью создается самыми различными способами – от «информационных интерпретаций» либеральных СМИ (YouTube, «Дождь», «Эхо Москвы» и пр.) до прямых информационных провокаций, которые с легкой руки известного политического лидера теперь часто называют «фейками». На этом фоне происходит активное внедрение в молодежную культуру и тиражирование субкультуры рэп. Интернет как наиболее востребованный молодежью коммуникативный и информационный ресурс становится важнейшей сферой существования рэп-культуры, где обеспечивается доступность и быстрота циркуляции текстов и массовость их восприятия.

Русский рэп как форма саморефлексии поколения

Мы видим высокий уровень востребованности рэп-культуры. Только за октябрь 2019 г. сайт www.gar.ru посетили около миллиона человек (табл. 1).

Можно согласиться с мнением о том, что «сейчас мы являемся свидетелями беспрецедентного роста внимания к рэпу и его производным, выходу жанра на передний план и признания самыми рьяными критиками этого направления его победы в гонке за слушателя» [Шевченко 2019]. Суперпопулярность рэпа определяется рядом факторов, среди которых есть Интернет как мощный инструмент, который дает возможность быстрого распространения

и тиражирования, и видимая универсальность рэпа, возможность быть воспринятым любой аудиторией. «Ведь современный рэп обогнал рок, вероятно, из-за своей простоты, из-за гораздо более низкого порога входа. Чтобы быть рэпером, не нужно уметь играть на музыкальных инструментах и петь – строго говоря, не обладать умениями, которые были необходимы для начала занятия музыкой как таковой во все времена до появления рэпа» [Шевченко 2019]. Однако поиск причин суперпопулярности рэпа у молодежи только в его «простоте» и «примитивности» не представляется перспективным. Опустим также коммерческую составляющую рэп-культуры – очевидно, что рэп является частью шоу-бизнеса. Гораздо интереснее социальный аспект популярности рэп-культуры. В настоящей статье предпринята попытка анализа русского рэпа как социального феномена. Основой исследования выступает анализ интернет-ресурсов, контент-анализ текстов рэпа (n=250), онлайн-опрос молодежи (n=573).

Таблица 1

Посещаемость сайта в октябре 2019 г.¹

<i>Данные</i>	<i>день</i>	<i>неделя</i>	<i>месяц</i>
Просмотры	75 800	531 000	2 280 000
Посетители	33 100	232 000	992 000

Одна из особенностей русской рэп-культуры в том, что при сегодняшнем расслоении российского общества (имущественном, политическом, интеллектуальном, ценностном, et cetera...) рэп не знает барьеров и границ – ни сословных, ни национальных, ни интеллектуальных, ни региональных, ни даже государственных. Так, среди топ-20 российских рэперов 2019 г., выделенных электронным журналом “The mood magazine”, 18 – представители многих российских регионов (Иркутск, Улан-Удэ, Новосибирск, Вологда, Хабаровск, Новочеркасск и пр.) и бывших республик СССР (Казахстан, Украина, Беларусь), и только 2 москвича и 2 петербуржца².

Рэперы – это многонациональная когорта. Вот что пишет о них З. Прилепин: «Присмотревшись к русским рэперам, обнаружил, что этнически они представляют натуральный интернационал.

¹ Анализ сайта www.rap.ru. Трафик [Электронный ресурс]. URL: <https://a.pr-cy.ru/www.rap.ru/>

² Молодые и перспективные: Топ-20 рэперов новой школы. [Электронный ресурс]. URL: <http://themoomagazine.ru/molodye-i-perspektivnye-top-20-reperov-novoj-shkoly/> (дата обращения 10.09.2019).

Берем самых топовых артистов. Наполовину армянин, отчасти, кажется, бурят – Хаски. Казах Скриптонит (Адиль Оралбекович Жалелов). Азербайджанцы из «Каспийского груза» (Тимур Одилбеков (он же Брутто) и Анар Зейналов (он же Везь). Евреи Оксимирон и Гуф. Армяно-азербайджанец Птаха (Давид Нуриев). Кто именно Слим, не знаю, но на русского похож он очень мало. Кто по национальности Смоки Мо, тоже не знаю, но фамилия у него Цихов. Осетины Miyagi (Азамат Кудзаев) и Endshpil (Сослан Бурнацев), Баста, он же, Ноггано, он же Вася Вакуленко – скорее, русский, но Птаха в недавнем интервью определил его как «XXIЛа» (украинца, малоросса – как вам угодно) и, кажется, в этом что-то есть. В первой десятке (максимум – двадцатке) топовых артистов обнаружатся следующие, судя по всему, русские: Типси Тип (Алексей Антипов) – но и он родом с Украины, конкретнее – с Кривого Рога, Рэм Дигга (Роман Воронин) – но и он с юга России, с Ростовской области. Оттуда же, из Ростова, и “Каста”...»³.

Еще один важный момент – тексты русского рэпа хорошо ложатся на сознание этого поколения, культурный код которого – это взрывоопасная смесь, «замешанная» на отсутствии исторического опыта, фрагментарных, односторонних знаниях и представлениях об истории и культуре. В сознании «миллениалов» перемешаны прагматизм и потребность в «высоком», негативизм и поиск справедливости, недоверие старшим поколениям (их лозунг: «не врете нам»⁴), детская доверчивость и максимализм. Рэп выражает их отношение к себе и обществу. Рэп-исполнители не разделяют в культуре «низкое» и «высокое». В текстах русского рэпа соседствуют экзистенциальные смыслы и площадная брань, мы видим смешение английских и русских слов, латиницы и кириллицы. В этом же ключе и псевдонимы рэперов – «Oxxxumiron», «GONE.Fludd», «Басота», «Слава КПСС», «XXXTENTACION», «Эрнесто Заткнитесь» и т. п. Это не коллаж из разрозненных элементов, а некая интеграция смыслов и уровней культуры. Это вызывает интерес и становится притягательным для самой разной аудитории.

Еще одна особенность рэп-культуры в том, что кроме авторского или концертного исполнения, популярность получает такая форма самовыражения, как «баттлы». Очевидно, что это не «соревнование менестрелей» и не политические дебаты, хотя политика

³ *Прилетин* З. Этническое [Электронный ресурс]. URL: <https://prilepin.livejournal.com/861464.html> (дата обращения 11.09.2019).

⁴ Sociologos: Мониторинг актуального фольклора» (РАНХиГС) [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Byulleten_aktualnogo_folklor_a_za_iyun (дата обращения 3.10.2019).

часто там присутствует. Это некий словесный поединок позиций, точек зрения, который часто выглядит эпатажно. Но похоже, что широкое использование ненормативной лексики – это не самоцель, скорее – способ усилить эмоциональный накал выступления, попытка сочетать несочетаемое.

Объявлять интернет-баттлы и участвовать в них теоретически может любой, кто создаст собственный трек на актуальную и востребованную тему. Два года назад YouTube продемонстрировал видео баттла «Oxxxymiron VS Гнойный». Только за первые сутки оно набрало более 8 млн просмотров. Но статистика интернет-баттлов с 2009 г., приведенная на сайте battle.raponline.ru, демонстрирует, что их число существенно снизилось. Всего на ресурсе размещено 8824 ролика, из них около 20% – текстовые баттлы и основная масса – аудио. Пик создания баттлов пришелся на февраль 2012 г. (198), минимум – на февраль 2018 г. [Радаев 2018]⁵. Но интерес аудитории остается высоким. Данные по количеству просмотров на разных ресурсах различаются не существенно. Данных за 2019 г. обнаружить не удалось, но вполне убедительны цифры 2017 г., представленные на VBattle.ru. Максимум просмотров за год – Oxxxymiron VS Johnnyboy – 39 млн просмотров, минимум – Гарри Топор VS Noize MC – 7,6 млн просмотров⁶, что тоже впечатляет.

Существует мнение, что аудитория баттлов – «неповзрослевшие подростки». Что это значит? Вот мнение психолога: «Сейчас повально молодые люди до 30 лет и старше откладывают принятие серьезных решений. Получают одно образование за другим, путешествуют, живут без штампа в паспорте... У поклонников этого жанра не решены главные психологические проблемы: самоопределения, нахождения себя в кругу сверстников, овладения мирными способами выражения агрессии». Кроме того, «срабатывает стандарт социального поведения, которому надо соответствовать. Либо ты в тренде, либо в пролете. Кроме того, все устали от официальных СМИ, а Интернет создает иллюзию чего-то нового и смелого»⁷. Подобные проблемы характерны не только для российской молодежи. Д. Стиллман аналогично характеризует поколение молодых американцев: «Как и все поколения, поколение Z

⁵ Каталог баттлов [raponline](http://battle.raponline.ru) [Электронный ресурс]. URL: <http://battle.raponline.ru/statistics> (дата обращения 10.09.2019).

⁶ VBattle.ru .Топ 10 самых просматриваемых баттлов. [Электронный ресурс] URL <http://vbattle.ru/456-top10.html> (дата обращения 5.08.2019).

⁷ Рэп-баттлы: в чем смысл выступлений и почему они так популярны? [Электронный ресурс] URL: <https://www.kp.ru/daily/26722.3/3746664/> (дата обращения 10.08.2019).

столкнулось с подростковой неуверенностью, стремлением «найти свою игру» и одновременным желанием продемонстрировать свою уникальность. Есть вещи, которые никогда не меняются...» [Стиллман, Стиллман 2018, с. 34]. «Мнение представителя поколения Z: подростковые мечтания о том, как мы станем президентами и финансовыми воротилами и заработаем миллион, уступили место страхам вообще ничего не добиться в жизни. Для того чтобы выжить и даже преуспеть, лучше смотреть на вещи трезво и быть реалистами» [Стиллман, Стиллман 2018, с. 36].

Рэп-культура – это прежде всего саморефлексия поколения. Здесь на первый план выходят тексты, а не музыка. Важно попытаться понять, что стоит за этими лингвистическими конструкциями, наполненными сленгом и ненормативной лексикой. Интересная попытка семантического анализа текстов рэп была предпринята в 2011 г. аспиранткой МГУ Е. Щенниковой [Щенникова 2012]. Было проанализировано 380 текстов за 2004–2011 гг. и выделено три содержательных блока: 1) социальные проблемы; 2) рассказ рэпера о себе; 3) творчество. Каждый из этих блоков составляет, соответственно, 19%, 18% и 16% от общего массива. Возникает вопрос – куда можно отнести остальные тексты (около 40%!), и анализировал ли их автор? Обозначенные автором три смысловых блока практически равновелики, что можно расценивать как равную значимость социальной и личностной проблематики. Вывод автора о том, что рэп имеет ярко выраженную социальную ориентированность, можно считать актуальным и сегодня. Вопрос в том, насколько выражение через рэп-тексты своих социальных переживаний способствует формированию социальной зрелости, или это лишь поддерживает протестные настроения в молодежной среде.

Еще одно исследование текстов рэп, на которое хочется обратить внимание, было проведено в 2018 г. исследовательской группой Яндекса на ресурсе Яндекс-Музыка⁸. В ходе данного исследования рассматривались рэп-тексты за длительный период – с 90-х гг. по настоящее время. Отмечается, что в 90-х и начале 2000-х тексты отличались простотой, некоторой агрессивностью, много внимания уделялось «уличной жизни» с соответствующими лексическими особенностями, но мат еще не стал доминантой и англоязычные заимствования не настолько широко используются, как впоследствии, во второй половине «нулевых» и в настоящее время.

⁸ Яндекс. Русский рэп как набор слов [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2018/rap> (дата обращения 5.08.2019).

С точки зрения автора данной статьи наибольший интерес представляет так называемая карта русского рэпа, которая выглядит как «облако» из 500 наиболее часто встречающихся в рэп-текстах слов (за исключением ненормативной лексики), которые напечатаны шрифтами разного размера, в зависимости от частоты употребления. Исследователи Яндекса в большей степени обращали внимание на сленг и «модные» слова, которые встречаются практически в каждом рэп-тексте (хайп, хейтер, рэпчик, вата и пр.). Но представляется более важным обратить внимание на слова, которые выражают настроение, внутреннее состояние исполнителя, которые транслируются на слушателя. Итак, нами выделены четыре группы наиболее часто встречающихся слов, которые, с нашей точки зрения, характеризуют «состояние души».

В первой группе виден действующий и размышляющий герой. Он обозначен существительными «человек», «пацан» и глаголами «быть», «хотеть», «мочь», «знать», «понимать», «видеть», «говорить», «становиться», «любить» и «помнить». В этой «обойме» слов присутствуют еще три существительных – «жизнь», «свобода» и «путь». Прилагательных нет совсем.

Вторая по частоте употребления группа слов выглядит совсем иначе. Здесь герой присутствует как бы за кадром, но его состояние близко к отчаянию: «кровь», «боль», «стена», «ночь», «небо» «душа», «крик», «город», «друг». Здесь есть прилагательные – «черный», «темный», «последний», «холодный» и глаголы – «выходить», «умирать», «кричать».

В третьей группе слов отражается иллюзия, попытка героя уйти от темноты и страха: «дорога», «огонь», «земля», «звезда», «ветер», «судьба», «солнце», «вода», «голос». Он хочет «уходить», «прощать», «лететь». И цвет здесь присутствует не черный, а «белый».

Четвертая группа слов с почти мелким шрифтом представляет мечту героя: «счастье», «море», «волна», «край», «радость», «встреча», «чудо», «вино», «надежда», «счастливый», «родной», «вечный», «плакать», «танцевать», «спешить», «улетать».

На основании этого анализа можно предположить, что наиболее мощный смысловой посыл рэпа на аудиторию – это сильный герой, готовый к активным действиям, но при этом многоплановый и сложный. Его окружает недружелюбный, холодный мир, в котором ему неуютно и иногда хочется «улететь», он мечтает о счастье и о чуде.

Социальная проблематика рэпа анализировалась многими исследователями [Фролова 2015], но в данном случае нами представлена иная, поэтическая сторона рэп-культуры, которая часто бывает спрятана за ненормативной лексикой и сленгом.

По данным авторского онлайн-опроса, проведенного на ресурсе sociotrix.com в период с мая по август 2019 г., около 80% аудитории предпочитают рэп другим музыкальным жанрам⁹. Поскольку в данном варианте вопроса можно было выбрать несколько ответов, на втором месте (60%) оказался рок, на третьем – «поп», на последнем – джаз.

Абсолютное большинство (90%) каждый день слушают различную музыку. Но вновь доминирует рэп, для основной части аудитории (75%) прослушивание рэпа становится постоянным фоном. На вопрос: «Что вам кажется наиболее важным в рэпе?» 55% респондентов ответили – «смысловая нагрузка песен», около 20% – «поведение исполнителя, 25% – музыкальный аккомпанемент. Это не удивительно, пока еще рэп скорее мелодекламация, ритмичный речитатив. Поэтому большое значение имеет именно текст и его смысловая нагрузка. Мы видим, что молодые люди придают большее значение текстам. На что они обращают внимание? По содержанию тексты рэп-артистов распределились следующим образом: о любви – 55%, о протесте – 52%, о повседневной жизни – 48%, о смысле жизни – 39%, о наркотиках – 31%, о преступности – 17%, другое – 22%.

85% опрошенных отмечают частое использование рэперами ненормативной лексики, но это никого не смущает. 72% сообщают о том, что сами используют мат довольно часто¹⁰. Называя «главные атрибуты» рэп-артиста, респонденты акцентируют внимание на прическе, татуировках, одежде (цепь, кепка, бейсболка, куртка и пр.), но при этом отмечают важность харизмы, интеллекта и чувства юмора.

Самое интересное в результатах опроса – это отношение респондентов к протестным акциям. Выше отмечено, что отвечая на вопрос о содержании текстов рэп, больше половины отмечают протестное направление, но при этом, когда речь заходит об воз-

⁹ В опросе принимали участие молодые люди в возрастном интервале от 18 до 30 лет, репрезентировать количественно пригодные для анализа более дробные группы не представляется возможным. Представлены свыше 50 городов РФ. 78% опрошенных имеют высшее образование или являются студентами вузов.

¹⁰ Дело в том, что в повседневной речи большинства молодых людей, в их коммуникативных речевых практиках мат сегодня встречается довольно часто, это становится практически нормой общения. В качестве примера приведем следующие данные. Анализ речевых практик студентов, проведенный магистрантами 1-го курса социологического факультета РГУ в ноябре 2018 г., показал, что 90% из группы обследования используют ненормативную лексику неоднократно в течение дня.

можном участии респондентов в протестных акциях, 95% отвечают «нет». Нет, потому что «заняты на работе», «не видят смысла», «время еще не пришло» и даже потому что «акции протеста запрещают быстрее, чем я о них узнаю». Автор не склонен отрицать протестный потенциал рэп-культуры, например – один из кумиров молодежи рэпер Оксимирон неоднократно принимал участие в протестных акциях. Но реальные установки на протестное поведение, готовность к радикальным моделям поведения пока еще не являются доминантой в молодежной среде.

Заключение

Русский рэп – это гораздо больше, чем ситуативная молодежная субкультура, возникшая на гребне моды. Рэп стал формой проявления молодежного максимализма и самоутверждения, протеста против несправедливостей жизни, поиском внутренней опоры в быстро меняющемся мире. Сегодня это – форма социально-политической рефлексии молодого поколения. Миллионы молодых людей слушают рэп и находят в нем для себя смыслы и ценности. Рэп стирает сословные, имущественные и иные барьеры, которые в современном российском обществе очень сильно выражены, и в этом его привлекательность для молодежи. Наиболее актуальные темы рэп-песен персонафицированы через призму авторского «Я» – социальные проблемы, творчество, место человека в мире. За внешним примитивизмом и грубостью скрываются смыслонесущие проблемы поколения, тексты рэпа приобретают экзистенциальный характер. Рэперы взяли многое из эстетики и культуры рока и привнесли в свое творчество. Музыкальное сопровождение становится более сложным и интересным. И «...на наших глазах может случиться фазовый переход от простого к сложному, а именно перетеканию рэпа в рок, мы сможем наблюдать, как вчерашние молодые рэперы не только эксплуатируют рваный кожаный шмот, пирсинг и взбалмошные прически, но и осваивают гитары наряду с тонкостями вокала» [Шевченко 2019].

Предположить, какое будущее ждет русский рэп, сложно. Что возобладает – его протестный посыл, поэтика, коммерческая составляющая или изменчивость моды? Подобный вопрос был задан нами в ходе онлайн-опроса. Половина респондентов ответили, что рэп станет «попсой будущего». Около 40% считают, что рэп «вернется к своим корням» и будет культурой окраин, и только каждый десятый допустил трансформацию рэп-культуры в рок. Посмотрим, будущее покажет...

Литература

- Радаев 2018 – *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
- Стиллман, Стиллман 2018 – *Стиллман Д., Стиллман И.* Поколение Z на работе: Как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
- Фролова 2018 – *Фролова Е.В.* Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009–2013 гг.). М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2015.
- Шевченко 2019 – *Шевченко Д.* Хип-хоп на распутье: какое будущее ждет рэп? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rap.ru/reading/20507> (дата обращения 12.09.2019).
- Щенникова 2012 – *Щенникова Е.В.* Тематическое своеобразие текстов субкультуры рэперов // Материалы Международного молодежного форума «Ломоносов-2012», секция «Филология». М.: МАКС-Пресс, 2012.

References

- Frolova, E.V. (2015), *Rep kak forma sotsial'no-politicheskoi refleksii v sovremennoi rossiiskoi kul'ture (2009–2013 gg.)*. [Rap as a form of socio-political reflection in modern Russian culture (2009-2013)]. Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Radayev, V.V. (2018), “Millennials against the background of previous generations: empirical analysis”, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no. 3, pp. 15–33.
- Schennikova, E.V. (2012), “Thematic specificity of texts of the sub-culture of rappers” *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma «Lomonosov-2012», sektsiya «Filologiya»* [Proceedings of the International Youth Forum “Lomonosov-2012”, Philology Section]. MAKSPress, Moscow, Russia.
- Shevchenko, D. (2019), “Hip Hop at a Crossroads: What ‘s the Future of Rap?” [Online]. Available at: <http://www.rap.ru/reading/20507> (Accessed 12.09.2019).
- Stillman, D. and Stillman, I. (2018), *Pokolenie Z na rabote: Kak ego ponyat' i naiti s nim obshchii yazyk* [Generation Z at work. How to understand it and find common ground with it], Mann, Ivanov and Ferber, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена А. Гришина, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; egrishina@yandex.ru

Information about the author

Elena A. Grishina, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; egrishina@yandex.ru

Основные подходы к понятию «паракультура»

Галина В. Тартыгашева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tarty@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются основные интерпретации понятия «паракультура» в современных исследованиях. Само понятие тесно связано с родовым понятием «культура» и основными подходами к его толкованию. Именно аксиологический подход к культуре способствует развитию и совершенствованию человека и общества. В рамках постмодернистской парадигмы понятие «культура» значительно видоизменяется и расширяется, включая дегуманистические и внерациональные основания. Понятие «паракультура» наряду с понятиями «квазикультура», «псевдокультура», «антикультура» в современной научной и публицистической литературе используется в качестве синонима массовой культуры, в контексте деградации, коммерциализации, популяризации низких ценностей. Кроме того, наряду с данным значением, понятие «паракультура» используется для обозначения оккультизма. Всплеск интереса к оккультизму объясняют постмодернистским разочарованием в рациональной, научной картине мира, в традиционных религиозных догматах и поисками иррациональных способов познания. Перманентное состояние неопределенности и экзистенциальные вызовы современности также становятся важными причинами глобального распространения паракультуры. В статье анализируется процесс экспансии оккультизма, эзотерики, интереса к паранормальным явлениям в мире.

Ключевые слова: культура, паракультура, квазикультура, псевдокультура, антикультура, оккультизм, оккультура

Для цитирования: Тартыгашева Г.В. Основные подходы к понятию «паракультура» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 97–105. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-97-105

The main approaches to the concept of “paraculture”

Galina V. Tartygasheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, tarty@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the main interpretations of the concept of “paraculture” in modern research. The concept itself is closely related to the generic concept of “culture” and the main approaches to its interpretation. Exactly the axiological approach to culture contributes to the development and improvement of the man and society. In the framework of the postmodern paradigm, the concept of “culture” is significantly modified and expanded, including dehumanistic and non-rational foundations. The concept of “paraculture” along with the concepts of “quasiculture”, “pseudoculture”, “anti-culture” in modern scientific and journalistic literature is used as a synonym for mass culture, in the context of the degradation, commercialization, and popularization of low values. In addition, along with that meaning, the concept of “paraculture” is used to denote occultism. The surge of interest in occultism is explained by postmodern disappointment in a rational, scientific picture of the world, in traditional religious dogmas and in searches for irrational ways of cognition. The permanent state of uncertainty and the existential challenges of our time also became important reasons for the global spread of paraculture. The article analyzes the process of expansion of the occult, esotericism, interest in paranormal phenomena in the world.

Keywords: culture, paraculture, quasiculture, pseudoculture, anti-culture, occultism, occulture

For citation: Tartygasheva, G.V. (2019), “The main approaches to the concept of ‘paraculture’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art History”*, Series, no. 3, pp. 97–105. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-97-105

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена несколькими важными моментами. Во-первых, в настоящее время паракультура стала играть значительную роль в политических, экономических, социальных, культурных и иных общественных отношениях. Широкое распространение паракультуры приводит к тому, что паракультурные идеи и практики становятся обыденным явлением в современной культуре. Значительный спрос на «паракультурную продукцию», а также влияние паракультурного подхода подрывают позиции рационалистической культурной парадигмы, порождает мировоззренческие искажения и заблуждения, ведет

к упадку духовных и нравственных ценностей. Во-вторых, в современных философских, социологических работах и публицистике представлены различные интерпретации понятия «паракультура», хотя они имеют общие основания, тем не менее описывают различные социальные явления. Наряду с понятием «паракультура» исследователями используются близкие по значению понятия «антикультура», «квазикультура», «псевдокультура». И для того, чтобы измерить степень влияния, степень вовлеченности в нее населения, оценить качественные изменения, выявить современные тенденции формирования, необходимо определиться с объяснением феномена паракультуры.

В работах М.К. Мамардашвили, В.Н. Прокофьева, К.Э. Разлогова, Т.Е. Савицкой, Дж. Сибрука, Р.Р. Романова и др. «паракультура» рассматривается как дегуманизированная культура, редуцированная до потребительского использования, которая носит сугубо коммерческий характер.

В работах Ж.Т. Тощенко, В.Л. Рабиновича, Е.Г. Балагушина, К. Партриджа, А.В. Неронова, В.М. Найдыша под паракультурой понимается оккультизм, куда входят колдовство, магия, экстрасенсорика, верования в «потусторонний мир», шаманизм, астрология, паранормальные явления и др.

Поэтому существует необходимость систематизации представлений о паракультуре, выявления основных причин и тенденций развития данного феномена, попытки решения проблемы демаркации культуры и паракультуры.

Проблема определения понятия «паракультура»

Понятие «паракультура» сегодня используется в двух основных значениях: для обозначения культуры повседневности, характеризующейся исследователями как «культура духовной пустоты», что, по сути, является маркером массовой культуры, а также для обозначения сферы оккультных увлечений, которые значительно распространены в современном обществе. Соответственно, распространено и использование более узких понятий, характеризующих те или иные социокультурные явления: «паранаука», «паралитература», «параправо», «парарелигия» и т. д.

Содержание понятия «паракультура» связано со значением приставки «пара» (греч. *παρά* возле, мимо, вне, около), которая означает: «нахождение рядом, либо отклонение, нарушение чего-либо (например, парабиоз, парамагнетизм, парapsихология, парадокс». «Пара – (санскр. पार) – приставка, означающая преодоление границ, пределов чего-либо. А соответственно, этими различными

значениями приставки «пара» и объясняется разница в интерпретации и контекстах использования понятия.

В широком смысле термин «паракультура» исследователи связывают с обратной стороной, изнанкой основного направления господствующей культуры, то, что не признается официально либо нивелируется до незначительности, либо то, с чем ведется ожесточенная борьба со стороны научных и профессиональных культурных сообществ, со стороны государства и представительств официально признанных конфессий. Тем не менее паракультура значительно распространена, являются частью повседневности [Тартыгашева 2019].

Само понятие тесно связано с родовым понятием «культура» и основными подходами к его толкованию. Необходимо отметить, что понятие «культура» в изначальном его значении интерпретировалось, прежде всего, как рационализация человеческой деятельности, развитие, воспитание и образование, «очеловечивание человека», комплекс норм и образцов, являющихся условием формирования и средой существования высокодуховной личности. Именно аксиологический подход к культуре способствует развитию и совершенствованию человека и общества. Однако в рамках постмодернистской парадигмы понятие «культура» значительно видоизменяется и расширяется, обретая онтологический статус. Оно включает в себя различные культурные процессы, в том числе имеющие дегуманистические и внерациональные основания. В эпоху постмодерна позиции рациональности оказались значительно подорваны, и на смену определенности приходит неопределенность, плюральность, двусмысленность, иррациональность. Классическая научная картина мира и связанные с ней идеалы и ценности обнаружили некоторую несостоятельность.

Паракультура как «культура посредственности»

М.К. Мамардашвили, К.Э. Разлогов, Т.Е. Савицкая и другие под паракультурой, по сути, подразумевают массовую или «среднюю культуру», которая редуцирует «высокую культуру», девальвирует ценности, носит коммерческий характер.

К.Э. Разлогов характеризует паракультуру как маргинальную, культуру «по краям», причисляя к ее явлениям массмедиа: «...массмедиа по ряду очевидных причин – не столько явление культуры, сколько паракультуры – маргинальной, культуры “по краям”, обладающей особыми свойствами. В явлениях “пара”, как отмечают исследователи, органически сочетаются достоверность и мифоподобная утопия, реализуемая в чаяниях. Вместе с тем в периферий-

ных, паракультурных явлениях можно выявить скрытые смыслы собственно культуры, «выболтанные» в парафеноменах» [Разлогов 1994]. Р.Р. Романов, характеризуя понятие «провинциальность», в том числе приводит основные черты, присущие паракультурному типу сознания: «мифологическая иллюзия полноты знания или потребность в достижении данной полноты; эрудированность вместо мышления; создание ритуальных текстов; интеллектуализация, проявляющаяся в создании смысловых интерпретаций, которые конструируются из редуцированных философских абстракций и научных понятий» [Романов 2006, с. 20].

В близком контексте используются понятия: «антикультура», «псевдокультура», «квазикультура».

Применение этих понятий в аналогичном значении связано с аксиологическими аспектами интерпретации культурных процессов. Ценностные установки, сложившиеся в рамках классической культуры, во многом определяют «правильную» легитимную культуру. Границы между эталонной культурой и квази-, анти-, псевдо-, пара- культурами достаточно размыты.

Приставка «квази» используется всего лишь в значении внешнего подобия, близости, похожести в некоторых аспектах. Так, например, В.Д. Исаев под квазикультурой понимает культуру, построенную по законам цивилизации: «В квазикультуре формы, рассчитанные на человека, наполняются новым содержанием, становятся технологией. Так что квазикультура – это всегда дегуманизированное искусство и литература, дегуманизированная семья и нравственность, дегуманизированная философия и религия» [Исаев 2003, с. 143–145].

Но и «антикультура» – это имитация! Исследователи также акцентируют внимание на том, что антикультура наносит вред физическому и психическому здоровью человека: «Антикультура – это имитация культуры, созданная для удовлетворения примитивных потребностей. А еще чаще искусственно созданных, спровоцированных, удовлетворение которых несет прямой вред физическому и психическому здоровью человека» [Иванов, Фотиева, Шишин 2014].

Таким образом, можно предположить, что все, что реализует гуманистические ценности, способствует духовному развитию человечества, его совершенствованию, стремлению к творчеству, все это есть «культура». То, что ведет к разрушению личности, обращено к низменным инстинктам, несет духовную пустоту, манипулирует массовым сознанием, создано с целью наживы, все это «квази-, анти-, псевдо-, пара- культура».

«Паракультура» как оккультура

Ряд исследователей под «паракультурой» понимают «новую религиозность», «нетрадиционную религиозность», «окультуру», «окультизм». Так, с точки зрения Ж.Т. Тощенко паракультура постоянно делает попытку создать исключительно новую реальность, не относящуюся к накопленным и апробированным человечеством духовным ценностям. Ее основу создают астрология, мистика, паранормальные явления вроде колдовства и знахарства [Тощенко 2011]. В их представлении паракультура не находится вне культуры, хотя она связана с тайными, сокровенными науками, признающими существование скрытых сил природы, космоса и человека. Подобную паракультуру не признает ни магистральная культура, ни традиционные религиозные институты, ни институты науки. С научной точки зрения различные паранормальные явления необъяснимы и признаются шарлатанством. По мнению религиозных авторов, увлечение окультизмом является стремлением уподобиться Богу, отрицанием смирения и подчинения, потаканием своим страстям и т. п., что интерпретируется как грех. Но тем не менее паракультура – важная, неотъемлемая часть культуры и вместе с доминирующей, легитимной культурой они составляют культуру той или иной эпохи.

Масштабы окультизма и количество различных колдунов, шаманов, экстрасенсов, целителей настолько увеличились, что возникла необходимость в их институционализации и контроле со стороны государства. По оценкам ВОЗ, в России насчитывается более 8 тыс. колдунов, целителей, экстрасенсов, россияне тратят на их услуги более 2 млрд рублей в год¹.

Всплеск интереса к окультизму объясняют ростом неопределенности и непредсказуемости, отчуждением от природы, разочарованием в рациональной, научной картине мира, поисками божественного предназначения человека и т. д. Присовокупив перманентно сложную социально-экономическую и политическую ситуацию во всем мире, а также разочарование в традиционных религиозных институтах и их догматах, мы получаем идеологической и экзистенциальной вакуум, который также становится важной причиной глобального распространения паракультуры.

Необходимо подчеркнуть, что широкая популяризация окультизма способствует формированию эклектичного и архаичного мировоззрения, а также дает возможность экономической и психологической эксплуатации населения. Поэтому «окультный

¹ Треть россиян верят в существование магов и колдуний [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30032829.html> (дата обращения 20.08.2019).

ренессанс» происходит намеренно, благодаря манипулятивному воздействию на сознание людей посредством медиакультуры [Тартыгашева 2018].

Кроме того, в условиях современной технологически развитой цивилизации научные достижения в массовом сознании мифологизированы и воспринимаются наряду с паранаучными как магические, поскольку люди не могут их объяснить и понять. Отсюда определенные трудности в отделении науки от оккультизма, паранауки в общественном сознании, что приводит к неоднозначным последствиям присутствия паракультуры в основной культуре.

В массовом сознании полным ходом идет формирование конструкта, где паракультура позиционируется не как порождение зла и ущербного существования, а знания и силы, дающие возможность обрести «истинное знание», «истинную свободу», «духовное самосовершенствование», «сверхспособности» и «власть». Кроме того, паракультура рассматривается как источник вдохновения для творчества и как возможность отрицания традиционных религиозных и культурных ценностей [Элиаде 2002].

Главная же опасность в том, что астрология, хиромантия, ясновидение, колдовство разрушают научную рациональную картину мира и нивелируют устойчивые общественные представления о «добре» и «зле». И в данном контексте паракультура в значении оккультизма эксплуатирует пороки людей, их страхи, жажду наживы, смерти, мести, и их некомпетентность. А значит также не ориентирована на достижение гуманистического идеала совершенной личности.

Заключение

Мы проанализировали основные интерпретации понятия «паракультура», которые встречаются в научной и публицистической литературе, показали общее и особенное в разных определениях данного феномена. В настоящее время в рамках постмодернистской парадигмы «иная рациональность» выступает важной стратегией познавательной деятельности и культурных процессов. Именно под влиянием культуры постмодернизма границы рациональности и традиционные ценности разрушаются, становятся популярными внерациональные формы человеческого познания, дегуманизированные ценности.

Паракультура и в значении «культуры духовной пустоты», и в значении оккультизма отличается от магистральной культуры тем, что она не ориентирована на достижение гуманистическо-

го идеала совершенной личности. Паракультура эксплуатирует и навязывает пороки, удовлетворяет примитивные потребности, нивелирует гуманистические ценности, вводит в прямое заблуждение и сеет мракобесие в современном высокотехнологичном мире.

Литература

- Иванов, Фотиева, Шишин 2014 – *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Культура и антикультура: Доклад на Международной конференции «Культура России – вызовы и пути решения в условиях современного мира». Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://culturaspb.ru/index.php/joomla/mir-cherez-kulturu-20015/poyasnitelnyj-material-2015/289-kultura-i-antikultura> (дата обращения 04.09.2019).
- Исаев 2003 – *Исаев В.Д.* Человек в пространстве цивилизации и культуры. Луганск: Світлиця, 2003. С. 143–145.
- Разлогов 1994 – *Разлогов К.Э.* Дар или проклятие? Мозаика массовой культуры [Электронный ресурс] // РАН. Рос. ин-т культурологии, 1994. URL: <http://www.pseudology.org/information/DarProklyatie/index.htm> (дата обращения 04.09.2019).
- Романов 2006 – *Романов Р.Р.* Феномен провинциального театра (Экспериментальные площадки Хабаровского края): Дис. ... канд. культурологии. Хабаровск, 2006. С. 26.
- Тартыгашева 2019 – *Тартыгашева Г.В.* Интеллигенция и феномен паракультуры: Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Междунар. теоретико-методолог. конф. РГГУ, 9 апр. 2019 г. / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. Д.Г. Цыбикова; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. М.: РГГУ, 2019. С. 361–371.
- Тартыгашева 1018 – *Тартыгашева Г.В.* Социологические исследования религиозности в сети Интернет // Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3. С. 92–98.
- Тощенко 2011 – *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011. 552 с.
- Элиаде 2002 – *Элиаде М.* Окультизм, колдовство и моды в культуре. София: Гелиос, 2002. 224 с.

References

- Isaev, V.D. (2003), *Chelovek v prostranstve tsivilizatsii i kul'tury* [Man in the space of civilization and culture], Svitlitsya, Lugansk.
- Ivanov, A.V., Fotieva, I.V. and Shishin, M.Yu. “Culture and anti-culture” (2014) [Online], Report at the International Conference “Culture of Russia – Challenges and Solutions in the Modern World.” St. Petersburg, Gorky House of Scientists, RAS, November 27-28, 2014 2014 г. URL: <https://culturaspb.ru/index.php/joomla/mir-cherez-kulturu-20015/poyasnitelnyj-material-2015/289-kultura-i->

- antikultura (Accessed 04 Sept. 2019).
- Razlogov, K.E. (2019), A gift or a curse? Mosaic of mass culture [Online], available at: <http://www.pseudology.org/information/DarProklyatie/index.htm> (Accessed 09.09.2019).
- Romanov, R.R. (2006), The phenomenon of provincial theater (Experimental sites of the Khabarovsk Territory), Ph.D. Thesis, Cultural Studies, Khabarovsk, Russia.
- Tartigasheva, G.V. (2019), "Intelligentsia and the phenomenon of paraculture", *Kul'tura Rossii – vyzovy i puti resheniya v usloviyakh sovremennogo mira* [The fate of the Russian intelligentsia: past, present, future] Proc. 20th International. theoretical and methodologist. conferences, Russian State University for the Humanities, April 9, pp. 361–371, RSUH, Moscow, Russia.
- Tartigasheva, G.V. (2018), "Sociological studies of religiosity on the Internet", *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Art History"*, no. 3, pp. 92–98.
- Toshchenko, Zh.T. *Kentavr-problema: opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza* [The centaur problem. The experience of philosophical and sociological analysis], New Chronograph, Moscow, Russia.
- Eliade, M. (2002), *Okkul'tizm, koldovstvo i mody v kul'ture* [Occultism, witchcraft, and fashion in culture], Helios, Sofia, Bulgarien.

Информация об авторе

Галина В. Тартыгашева, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; tarty@yandex.ru

Information about the author

Galina V. Tartygasheva, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; tarty@yandex.ru

УДК 728(410)

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-106-117

Усадебные дома стиля «королевы Анны» в поздневикторианской усадебной архитектуре: особенности планировки и фасадного декора

Мария В. Соколова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, mar641079992007@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена одному из стилистических направлений в английской усадебной архитектуре поздневикторианского времени, стилю «королевы Анны». Эта эпоха в области усадебной архитектуры характеризуется пестрым стилистическим разнообразием. Однако на первый план выступают так называемые «национальные стили». Обращение к образам национального прошлого было характерно для викторианской эпохи в целом. Особенный интерес вызывали те исторические периоды, которые считались «золотым веком» Британской империи, это и средневековое наследие, и архитектура эпохи Тюдоров. В поздневикторианскую эпоху внимание архитекторов все больше привлекает эпоха королевы Анны. Об особенностях интерпретации его архитектурных образов в это время идет речь в данной статье. Эта интерпретация рассматривается в двух основных аспектах: планировочное решение и фасадная композиция. Прослеживаются изменения, происходящие в эти годы в планировках загородных домов, а также связь этих изменений с социальной ситуацией поздневикторианского времени и характером заказа. Рассматривается дискуссионный в научной литературе вопрос о хронологических рамках стиля «королевы Анны», а также о его отличительных особенностях.

Ключевые слова: стиль «королевы Анны», усадебное строительство, поздневикторианская эпоха, викторианский загородный дом, английская архитектура, планировочное решение, фасадная композиция

Для цитирования: Соколова М.В. Усадебные дома стиля «королевы Анны» в поздневикторианской усадебной архитектуре: особенности планировки и фасадного декора // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 106–117. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-106-117

The manor house style “Queen Anne” in Late Victorian estate architecture. Features of the layout and facade decoration

Maria V. Sokolova

*Moscow state University name of M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia, mar641079992007@yandex.ru*

Abstract: The article concerns one of stylistic tendencies in English country house architecture of Late Victorian time, ‘Queen Anne style’. That time in the field of manor architecture is characterized by a motley stylistic variety. However, the so-called “national styles” come to the fore. An appeal to the images of the national past was characteristic for the Victorian time in general. The interest was aroused mostly for the epochs that were considered ‘golden age’ of British Empire, such as medieval heritage or the Tudor epoch.

In the Late Victorian time the attention of architects is increasingly drawn by the Queen Anne epoch. The article examines the features of the interpretation of architectural images in Victorian age. That interpretation is discussed in two aspects: the planning decision and façade composition.

The article traces the changes occurring in those years in the planning of country houses, as well as the relationship of those changes with the social situation of the Late Victorian time and the nature of the order. It considers also the deliberative (in the scientific literature) question of the ‘Queen Anne style’ chronology and its distinguishing peculiarities

Keywords: Queen Anne style, country house building, Late Victorian epoch, Victorian country house, English architecture, planning decision, façade composition

For citation: Sokolova, M.V. (2019), “The manor house style “Queen Anne” in Late Victorian estate architecture. Features of the layout and facade decoration”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 106–117. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-106-117

Поздневикторианское время в области усадебной архитектуры картину пестрого стилистического разнообразия [Hitchcock 1982, p. 291]. В отличие от предшествующего периода нередко встречаются дома, архитектура которых совершенно явно ориентирована на континентальные образцы, однако не они, безусловно, определяют основные тенденции развития загородного строительства в указанное время. основополагающей остается ориентация на национальную традицию [Dixon, Mathusius 1978, p. 61], а наиболее остро стоящим – вопрос о том, как эта традиция интерпретируется. Цель статьи – на примере загородных домов в так называемом «стиле королевы Анны», одном из наиболее ярких и своеобразных стилис-

тических направлений в британской архитектуре поздневикторианского времени, выявить особенности интерпретации национального архитектурного наследия в изучаемый период.

Как многие из терминов, ставших общепотребительными в британской историографии викторианской эпохи, термин «стиль королевы Анны» не имеет ни четко очерченных хронологических рамок, ни точных признаков, по которым этот стиль возможно было бы однозначно определить. Под понятием «Queen Anne Revival» подразумевается не только направление в архитектуре, но и достаточно широкий спектр явлений в культурной жизни Британии поздневикторианского времени, таких как «садово-парковое искусство (воскрешение “старомодного” сада), дизайн мебели... и даже детская книжная иллюстрация» [Aslet, Powers 1986, p. 167].

Применительно к архитектуре в общем речь идет об обращении к национальным памятникам XVII–XVIII столетий, находящимся вне палладианского движения. Британское загородное строительство, опирающееся не столько на классическую традицию, сколько на общие для Северной Европы тенденции, составляет значительный пласт архитектурного наследия этой эпохи. Вряд ли возможно говорить о каком-либо специфически британском характере подобной архитектуры или, тем более, привязывать эти тенденции исключительно к годам царствования Анны. Существенное воздействие Континента – закономерное следствие возникающих с начала правления Оранской династии (1688) тесных торговых и культурных связей с североевропейским регионом. Собственно, в эпоху королевы Анны создается ряд памятников, не имеющих ничего общего с вышеуказанными тенденциями, например, загородные дома Дж. Вэнбру. Выбор наименования стиля, по всей вероятности, связан с тем, что именно эта эпоха, наряду с елизаветинской, мыслилась англичанами как своего рода золотой век в развитии страны в самых разных его аспектах, политическом, экономическом, культурном.

При очевидной условности термина исследователю приходится пользоваться им как давно ставшим общепотребительным. Однако фактически картина оказывается весьма сложной. В то время как тип «елизаветинского» дома викторианского времени можно описать достаточно точно, применительно к «анненскому» дом подобное типологическое описание составить не удается. Большинство исследователей останавливаются главным образом на особенностях фасадного оформления, оставляя в стороне вопрос о планировках и объемно-пространственной композиции дома. М. Жируаром было предложено определение стиля как сочетания «принципов группировки, заимствованных из готического возрождения, свободной планировки и асимметрии и деталей, заимствованных в целом из анг-

лийской и голландской архитектуры XVII – начала XVIII века...» [Girouard 1985, p. 74]. Подобное определение не может не вызывать вопросов. Если, несмотря на разнообразие трактовок, попытаться дать обобщенную характеристику направления, становится ясным, что в целом наблюдается, напротив, стремление к введению определенной регулярности и в планировочное решение здания, и в систему оформления фасада, которая предполагает применение таких традиционных приемов как сочетание кирпича и белокаменной отделки, мелкая расстекловка окон и т. д.

Сложности и разногласия в вопросе о возможности приписать тот ли иной конкретный памятник к данному направлению возникают в связи с тем, что вышеуказанные черты характерны отнюдь не только для эпохи правления Анны. Использование кирпича в сочетании с белым камнем – в Англии многовековая традиция, а регулярная планировка продержалась на Британских островах фактически до конца георгианской эпохи. Соответственно, не совокупность отдельных формальных приемов, а общий образ загородного жилища, напоминающий родовые гнезда рубежа XVII–XVIII вв., позволяют отнести тот или иной памятник к данному стилистическому направлению.

Границы интересующего нас явления недостаточно четко очерчены, а вопрос о времени возникновения стиля в литературе остается открытым. Как правило, в качестве своего рода отправной точки называют 1873 год, когда в Королевской Академии были выставлены чертежи Н. Шоу, сделанные для *New Zealand Chambers* на Лиденхолл стрит, а также ряд проектов Дж. Стивенсона и Э.-Р. Робсона. Однако существует точка зрения, что истоки стиля появляются еще в 1850-е гг. и связаны с такими домами, как знаменитый Красный дом в Кенте Ф. Уэбба, а также ряд проектов У. Баттерфилда [Girouard 1985, p. 74].

С последним утверждением, на наш взгляд, совершенно невозможно согласиться, поскольку единственное, что объединяет «анненские» дома с вышеназванными проектами 1850-х гг., – это приверженность к работе в традиционном для Англии материале, кирпиче. Ни композиционные принципы, ни планировочные решения, ни, в конце концов, фасадный декор этих домов не имеют ничего общего с проектами нового стиля. Скорее они, как и так называемый *vicarage* или *parsonage style* (буквально стиль приходского дома), являются прототипам для иного, развивающегося в эти годы направления, так называемого *Old English Style*, староанглийского стиля.

«Приходской стиль» был ориентирован на заказчика с достаточно скромным достатком. Однако в поздневикторианское время ситуация меняется существенным образом. Весьма состоятельные

заказчики, представители банковского и промышленного капитала, владельцы старых родовых имений, заказывая архитектуру дом, не стремятся больше ориентироваться на елизаветинские или стюартовские дома, дворцовые по своему масштабу и великолепию отделки. В качестве образца выбирается нечто более камерное.

В чем причины этих изменений? На наш взгляд, их несколько. Первая – очевидная, экономическая. Сельскохозяйственный кризис, поразивший страну во второй половине 1870-х гг., приводит к тому, что земельная собственность перестает восприниматься как надежнейшая основа финансового благополучия. Дом как хозяйственный центр постепенно теряет свое значение, все больше и больше превращаясь лишь в место отдыха и развлечений [Aslet 1982, р. 2]. Это неизбежно приводит к стремительному спаду загородного строительства, который продолжается вплоть до конца 1880-х гг. В этой ситуации масштаб строительства, там, где оно все равно ведется, заметно сокращается. Исключения есть, но они немногочисленны.

Однако эта причина не представляется нам главной. Заказчики такого архитектора, как Р.-Н. Шоу, верхушка банковского капитала, обладают широкими финансовыми возможностями, однако зачастую предпочитают стилизовать свое жилище под скромный коттедж, фермерский дом или усадьбу скромного сельского сквайра. Это не могло не приводить, как увидим, подчас к весьма парадоксальным результатам, когда масштаб здания и его стилистика приходят в явное противоречие друг с другом. Причину подобных вкусовых предпочтений следует видеть, на наш взгляд, в заметно изменившейся за прошедшие десятилетия картину социальной жизни. Идеи сословной исключительности, столь значимые еще в начале царствования Виктории, теряют свою ценность. Земельная собственность, веками воспринимавшаяся как основа власти, перестает восприниматься и, главное, быть таковой. Сама структура жизни в доме становится не столь сложной и изощренной. Жесткая социальная стратификация, характеризовавшая викторианское общество и, как зеркало этого общества, викторианский дом, уходит в прошлое. Как результат упрощения образа жизни не может не встать вопрос о необходимости столь обширных площадей дома. Парадоксальная ситуация, при которой служебное крыло более чем в два раза «перевешивало» объем основного корпуса, по сути дела лишала викторианцев столь ценной ими «privacy», закрытости частного существования от посторонних глаз. Сколь бы изощренной ни была система, стремившаяся установить незыблемые перегородки между миром слуг и миром хозяев, она не отменяла того факта, что дом превращался в гигантский муравейник, в котором обитало по меньшей мере около полусотни человек. В этой

связи вряд ли стоит удивляться тому, что к концу века стремление к камерности и простоте возрастает.

Вышесказанное позволяет, на наш взгляд, развязать достаточно сложный узел стилистических противоречий, где одни и те же архитекторы оказываются авторами проектов и в так называемом сельском (*vernacular*), и в анненском стилях. При этом все большую роль играет индивидуальный стиль мастера, изменяется сама система проектирования, отношения с заказчиком, Р.-Н. Шоу и его поколение гневно протестуют против «поточного метода», царившего, например, в мастерской Г. Скотта [Dixon, Muthesius 1978], таким образом, вопрос соотношения индивидуального и типического в проекте приобретает особенную остроту.

В области усадебной архитектуры эпоху королевы Анны открывает памятник, который во многом отличается от того, что будет делаться в этом ключе в ближайшие десятилетия, Кинмел Парк в Денбишире У.-Э. Несфилда. Как правило, «анненский» дом отличается камерностью образа, и в этом отношении Кинмел Парк, конечно, достаточно сильно отличается от того, что будет делаться в данном направлении впоследствии.

Дом этот весьма обширен, можно говорить почти о дворцовом масштабе постройки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что хозяин поместья, владелец богатейших медных месторождений, Г.Р. Хьюджес, вдохновляется образом Хэмптон Корта, свидетельство, чему можно найти в одной из записных книжек Несфилда. Кинмел парк – это целый комплекс разнообразных построек, включающих в себя такие элементы как ферма, лоджии и прочее, подчиненный регулярному плану. Перед центральным входом расположены кованые ворота, представляющие собой своего рода вольную копию с дворцовых ворот Тижу.

Планировка центрального корпуса подчинена принципам регулярности, хотя в то же время архитектор избегает строгой симметрии. Основной и служебный блок сопряжены между собой таким образом, что часть хозяйских помещений оказывается фактически в архитектурном объеме служебного корпуса, однако с центрального фасада объем одного из этих помещений, комнаты для ведения бизнеса, выступает в качестве ризалита, замыкая совершенно симметричную композицию. Зрительно главный вход оказывается строго по центру. Однако в интерьере у посетителя впечатления совершенно меняются: все основные парадные помещения, такие как библиотека, комната для балов, гостиная, салон и столовая остаются по правую руку, в то время как слева оказывается мужская зона дома с кабинетом, бильярдной, курительной и комнатой для ведения бизнеса.

С точки зрения жизнеустройства такое планировочное решение представляется весьма продуманным и логичным: вышеупомя-

нутые помещения становятся своеобразной буферной зоной между парадными помещениями и служебным блоком. Если же учесть время создания проекта, становится совершенно очевидным, что до распространения моды на курение в викторианском обществе строгие нормы гигиены и приличий требовали максимально удалить связанные с ним помещения от комнат, где находились дамы. Интересно, что и масштаб помещений в левой и правой части центрального блока заметно отличен. Комнаты хозяина по размеру идентичны помещениям служебного корпуса, в то время как парадные помещения отличает непривычный для викторианской эпохи чрезвычайно крупный масштаб.

Как некогда в домах XVII – начала XVIII столетия, в роли своеобразной оси симметрии выступает расположенное перпендикулярно центральному фасаду помещение салона. Из этой вытянутой по оси запад-восток комнаты с апсидообразным завершением открывается проход в фактически симметрично расположенные от нее гостиную, бальную комнату и библиотеку с одной стороны, столовую и холл – с другой. Подобную планировочную схему можно наблюдать в таких английских загородных домах, как, например, Коулшил Хаус в Беркшире (1650–1662, архитектор Р. Прэтт), Рэгли Холл в Уорикшир (1679, архитектор Р. Хук), наконец, в Бленхейме (1705–1720, архитектор Дж. Вэнбру). Единственное отличие заключается в том, что в домах XVII–XVIII столетий салон обязательно связан сквозным проходом с расположенным с ним по одной оси холлом, который в проекте Несфилда смещен влево и ориентирован параллельно центральному фасаду.

С точки зрения отделки в проекте также используется ряд приемов, типичных для эпохи королевы Анны. Вытянутые окна с мелкой расстекловкой, а также выделяющий углы руст, выполненный в белом камне, сочетается с такой характерной для своего времени чертой, как высокие мансардные кровли. Заметим, что хотя они и являются типичными для анненской эпохи, однако в рассматриваемый период мода на них носит, как мы помним, интернациональный характер, с чем, как нам представляется, следует связать в первую очередь использование подобного приема в данном проекте. Таким образом, в Кинмел парке уже намечены отдельные черты, которым предстоит в будущем откристаллизоваться в определенное стилистическое направление. В то же время дом этот не без оснований нередко называют и в числе предшественников так называемого неогеогианского стиля. Масштабный и представительный, он словно бы предвосхищает неоклассическую моду, которая возникнет на исходе столетия.

Если архитектура Кинмел Парка лишь в некоторых отношениях предвзвещает собой новый стиль, то проект Лаутон Холла в граф-

стве Эссекс (1878) показывает нам, каким образом идеи этого стиля были переосмыслены У.-Э. Несфилдом десятилетие спустя. Дом не столь велик, поэтому ориентации на дворцовую архитектуру здесь быть не могло. Однако невозможно сказать, что дом ориентирован на какие-либо определенные образцы усадебной или, как это сейчас входит в моду, коттеджной архитектуры. «Анненским» дом может быть назван с целым рядом существенных оговорок. Здесь использовано типичное для этого времени сочетание материалов (кирпич и белокаменная отделка), а также весьма характерные окна с мелкой расстекловкой. Однако наряду с этими типичными для стиля элементами и приемами фасадной композиции архитектор применяет и ордерное оформление центрального входа, и весьма часто использовавшееся палладианцами трехчастное венецианское окно. Важнейшими элементами фасадной композиции становятся выделенные белым камнем эркеры, украшенные широкими «елизаветинскими» окнами и завершенными островерхой кровлей. Как видим, фасадное решение представляет собой сложный конгломерат стилей. Однако дом трудно назвать эклектичным. Элементы, заимствованные из самых разных стилистических эпох, перерабатываются архитектором в чрезвычайно целостную и оригинальную композицию. Принцип фасадной симметрии соблюдается, но не абсолютизируется, поскольку вход смещен в сторону, а эркеры имеют разное оформление. Целостный образ дома ни в коей мере не напоминает зрителю типичное усадебное гнездо какой-либо из известных исторических эпох. Его также сложно назвать «староанглийским». Своей компактной массой, эффектным сопоставлением архитектурных объемов, простотой и лаконизмом архитектурного языка он наряду с современными ему проектами Р.-Н. Шоу открывает совершенно новую страницу поздневикторианской архитектуры, в которой индивидуальный стиль мастера оказывается много важнее заимствованных исторических стилей.

Если в творческом наследии У.-Э. Несфилда встречаются лишь отдельные элементы стиля королевы Анны, то постройки шотландца Дж.-Дж. Стивенсона являют нам его классические образцы. Любопытно, что в сходном стилистическом ключе этот архитектор решает не только загородные, но и городские постройки, в том числе и общественные, как, например, лондонское здание *Board School* (1873–1875, совместно с архитектором Э.-Р. Робсоном). В графстве Норфолк он строит Кен Хилл для Эдварда Грина (1831–1923), сына известного йоркширского изобретателя и промышленника. Заметим, что на приобретенной новым хозяином земле был помещичий дом начала XVIII столетия. Однако несмотря на то, что дела вынуждали Грина проводить большую часть времени в столице, лишь ненадолго наведываясь в свое поместье поохотиться и отдох-

нуть, он не поспешил на то, чтобы затеять строительство нового дома всего в миле от старого здания. Возможно, именно старый дом анненского времени вдохновил заказчика и архитектора на соответствующее стилистическое решение нового архитектурного объема.

Строительство «с чистого листа» давало ряд преимуществ, главное из которых заключалось в том, что архитектор не был связан уже существующей планировкой. Условия заказа предполагали достаточно жесткую смету: здание мыслилось не как настоящее родовое гнездо, а скорее как некое подобие *hunting lodge*, охотничьего домика. В этой ситуации, разумеется, главная задача архитектора сводилась к созданию максимально компактного и рационального планировочного решения, которое предстояло эффектно стилистически обыграть.

В этой ситуации архитектор переносит парадные помещения на второй этаж здания. Этот прием нельзя назвать оригинальным, поскольку он использовался и раньше в небольших домах, например, Баттерфилдом в Милтон Эрнест Холле. В 1870-1880-е гг. он применяется нередко, одним из наиболее ярких примеров является дом, построенный Р.-Н. Шоу для барона Армстронга в поместье Крэгсайд в Нортумберленде (1869–1884).

По сравнению с этими проектами решение Дж.-Дж. Стивенсона отличается большей радикальностью, поскольку он переносит не часть, а абсолютно все парадные помещения с первого этажа. Первый этаж превращается, по сути дела, в высокий цоколь, в котором распложены службы и нуждающаяся в изоляции от остальных хозяйских помещений курительная. Подобная схема, при которой нижний этаж дома как наиболее темный и сырой отдан прислуге, существовала издавна, так устроены фактически все палладианские дома, например. Кроме того, будучи достаточно изолирован от парадных помещений, нижний ярус здания традиционно являлся местом, где периодически собиралась мужская компания, устраивались всевозможные попойки и кутежи, например, после удачной охоты.

Учитывая все, что было сказано выше о назначении строящегося здания, следует признать логичным обращение к подобному решению. Поместье мыслилось прежде всего как место, где на досуге можно предаться любимому хобби. Идеи общественного служения и долга, бывшие столь любезными сердцу викторианца на протяжении долгих десятилетий, к концу царствования несколько отходят на задний план. По крайней мере их не декларируют теперь столь навязчиво, как это было некогда принято [Muthesius 1982, p. 146]. Задача, стоявшая перед архитектором, облегчалась тем, что в доме не требовалось разместить обширный штат прислуги и он вряд ли предназначался для многолюдных

приемов. В связи с этим набор необходимых помещений сводился к минимуму: гостиная, столовая, кабинет и спальни в подкровельном помещении.

Рациональная планировка, как известно, едва ли предполагает симметричную структуру. План Кен Хилла отнюдь не напоминает на самом деле подлинные дома анненской эпохи. Внутри он устроен совершенно иначе. По сути дела, Дж.-Дж. Стивенсон применяет здесь подход к планировочному решению здания, который в эти же годы демонстрирует Р.-Н. Шоу в таких своих проектах, как Крэгсайд или Эдкод (1876–1881, графство Шропшир). На плане свободно сопрягаются комнаты разнообразных конфигураций, многочисленные выступы вносят разнообразие и в интерьерную среду, и в фасадный облик здания.

Своеобразной данью традиции XVIII столетия можно считать появление и в этом проекте огромного салона. Заметим, что, будучи по своим функциям близок гостиной, он отнюдь не заменяет, а по размерам превосходит ее, совершенно очевидно занимая место ставшего к тому времени уже традиционным холла. При беглом взгляде на план создается впечатление, что сменилось лишь название помещения. На самом деле это изменение носит существенный характер. Ведь холл – помещение, несущее всю тяжесть идеологической нагрузки в доме, своего рода его общественный центр. Оформление холла призвано было ясно и отчетливо донести до посетителя те ценности, которые исповедовало викторианское общество. В связи с этим официальность и даже официальность их облика – обычное явление, а сходство многих случаев с церковными интерьерами закономерно. Салон же Кен Хилла при значительности масштаба сохраняет характер уютной частной комнаты. Таким образом, можно констатировать, что акценты в соотношении «частное – общественное» к концу викторианского царствования заметно смещаются.

На поверку «анненским» дом оказывается не столько с точки зрения планировки и объемно-пространственной композиции (план лишен симметрии, а сочетание разнообразных по форме и высотности объемов напоминает проекты в «готическом» вкусе, выполненные в предшествующие десятилетия), сколько в своем наружном облике, где используются такие типичные элементы фасадного оформления, как вытянутые окна с мелкой расстекловкой с наличниками выполненными в кирпиче, белокаменный декор, руст по углам здания и т. д.

Именно с точки зрения фасадного декора «анненские» дома являют собой достаточно единообразное впечатление, позволяющее идентифицировать этот вторичный стиль среди пестрой стилистической картины конца викторианского царствования. Что

же касается планировочных решений, можно заметить две противоположные тенденции. С одной стороны, усиливается тяготение придать дому более формальный облик. Это находит себе отражение и в увеличении масштаба парадных комнат, и в воскрешении таких, казалось бы, давно изживших себя форм, как салон, и, в отдельных случаях, даже в попытке воскресить симметричный план. Однако на практике последнее оказывается крайне непрактичным по целому ряду причин. Первая и наиболее очевидная из них – экономическая. Рационализм викторианского менталитета не может смириться с наличием «лишних» помещений, неизбежных при симметричном плане. Кроме того, экономический кризис, поражающий страну в конце 1870-х гг., из которого ей к концу царствования Виктории так и не удастся выбраться, заставляет землевладельцев с большей осмотрительностью делать капиталовложения в загородную недвижимость. При этом следует учитывать, что одной из основных причин этого кризиса явилась очевидная неконкурентоспособность британской сельскохозяйственной продукции по отношению к американской. Это также ставило под вопрос рентабельность землевладения. Дом все чаще перестает быть его хозяйственным центром, превращаясь в место отдыха и развлечений, каковым была английская аристократическая вилла XVIII столетия. Соответственно общественные функции дома, во многом обуславливавшие его почти дворцовый масштаб, потеряли свою значимость. Потребностям частного человека и его семьи отвечал куда более скромный масштаб жилища. Кроме этого, следует учитывать, что привести регулярный план в соответствие как с санитарно-гигиеническими, так и с этическими нормами эпохи было практически нереально. На исходе викторианской эпохи, так же, как и на ее взлете, хозяин желал, чтобы его частная жизнь была скрыта от посторонних глаз. При этом усложненная и громоздкая система жизнеустройства заметно упрощается, а вслед за ней упрощается и план. Комфортное существование в доме по-прежнему остается приоритетным, однако его понимание заметно изменяется. Прежняя жесткая структура домовладения была построена на ряде оппозиций: хозяева – слуги, хозяева – гости, родители – дети и предполагала сложную иерархию, зримо отраженную в планировочном решении дома. Сейчас она заметно упрощается, жизнь демократизируется, количество прислуги в доме сокращается. Более простая организация жизни, оказывается, и более комфортной. Она приводит к постепенному уничтожению сложного лабиринта помещений на плане. План становится ясно читаемым, менее дробным, но остается иррегулярным.

В этой ситуации выбор стиля, который может на первый взгляд показаться исключительно следствием вкусовых предпочтений

хозяина, не в первую очередь диктуется подобными изменениями. Неизменной остается задача замаскировать асимметрию плана. Однако если огромный дом середины века удобно было соорудить в подражание дворцовым по своему масштабу и роскоши елизаветинским постройкам, либо средневековому монастырскому комплексу, более камерные постройки конца царствования явно нуждались в ином образце для подражания. Эпоха королевы Анны, загородные строения которой не столь масштабны, становится одним из подходящих образцов такого рода.

Литература

- Aslet, Powers 1986 – *Aslet C., Powers A.* English House. Harmondsworth: Penguin Books, 1986.
- Aslet 1982 – *Aslet C.* Last Country House. New Haven; London, 1982.
- Dixon, Muthesius 1978 – *Dixon R., Muthesius S.* Victorian Architecture. London, 1978.
- Girouard 1985 – *Girouard M.* Victorian Country House. New Haven, London: Yale University Press, 1985.
- Hitchcock 1982 – *Hitchcock H.-R.* Architecture: Nineteenth and Twentieth Centuries. Harmondsworth, 1982.
- Muthesius 1982 – *Muthesius S.* English Terrace House. New Haven, London, 1982.

References

- Aslet, C. and Powers, A. (1986), *English House*. Penguin Books, Harmondsworth, UK.
- Aslet, C. (1982), *Last Country House*. New Haven, USA, London, UK.
- Dixon, R. and Muthesius, S. (1978), *Victorian Architecture*. London, UK.
- Girouard, M. (1985), *Victorian Country House*. Yale University Press, New Haven, USA, London, UK.
- Hitchcock, H.-R. (1982), *Architecture: Nineteenth and Twentieth Centuries*. Harmondsworth, UK.
- Muthesius, S. (1982), *English Terrace House*. New Haven, USA, London, UK.

Информация об авторе

Мария В. Соколова, кандидат искусствоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Россия, Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, mar641079992007@yandex.ru

Information about the author

Maria V. Sokolova, Cand. of Sci. (Art History), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; mar641079992007@yandex.ru

Деятельность Жана Дюбюффе и дискурс ар брюта

Анна А. Суворова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, suvorova_anna@mail.ru*

Аннотация. Жан Дюбюффе (1901–1985), художник, коллекционер, теоретик, внес значительный вклад в формирование ар брюта в период середины XX в. В ходе анализа коллекционерской, выставочной, организаторской деятельности Жана Дюбюффе, а также его теоретических размышлений, в статье выявляется дискурс ар брюта. Исследование велось в перспективе методологии дискурса Мишеля Фуко; были определены поверхности возникновения, инстанции разграничения и решетки спецификации ар брюта. В рамках исследования анализируется большой круг биографических источников и теоретических текстов Жана Дюбюффе, а также труды по истории аутсайдерского искусства и ар брюта. В ходе исследования определяется, что ар брют как исторический феномен на начальном этапе формируется через увлечение Жана Дюбюффе искусством душевнобольных, представление о котором он получает из книги Ханса Принцхорна. На протяжении 1940–1950-х гг. главными инстанциями разграничения дискурса ар брюта становится сообщество коллекционеров, арт-дилеров, галеристов, а на этапе 1950 – начала 1960-х гг. к этому кругу подключаются также музейные институции и различные формы научного дискурса. Решетки спецификации дискурса ар брюта описываемы через разрыв между европейской культурой и «ценностями дикарей».

Ключевые слова: Жан Дюбюффе, ар брют, аутсайдерское искусство, дискурс, коллекционирование

Для цитирования: Суворова А.А. Деятельность Жана Дюбюффе и дискурс ар брюта // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 118–130. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-118-130

Jean Dubuffe' activity and a discourse of Art brute

Anna A. Suvorova

*Perm State University, Perm, Russia, s
uvorova_anna@mail.ru*

Abstract. Jean Dubuffet (1901–1985), artist, collector, theorist, made a significant contribution to the formation of Art Brut in the period of the mid-twentieth century. The article reveals the Art Brut discourse during the analysis of the collector's, exhibition's, organizational activity of Jean Dubuffet, as well as his theoretical reflections. The study was conducted in the perspective of the methodology of the Michel Foucault discourse and the emergence surfaces, demarcation authorities, and gratings of Art Brut specifications were defined. The study analyzes a large range of biographical sources and theoretical texts of Jean Dubuffet, as well as works on the history of outsider art and Art Brut. In the course of the research is determined that Art Brut as a historical phenomenon at the initial stage was formed through Jean Dubuffet's passion for the art of the mentally ill, which he had got from the book of Hans Prinzhorn. During the 1940-1950s the community of collectors, art dealers, gallerists became the main authorities of delimitation of Art Brut discourse and at the stage of the 1950s – the beginning of the 1960s museum institutions and various forms of scientific discourse were also connected to that circle. The grids of Art Brut specification were described through the gap between European culture and the "savages' values".

Keywords: Jean Dubuffet, Art Brut, outsider art, discourse, collecting

For citation: Suvorova, A.A. (2019), "Jean Dubuffe' activity and a discourse of Art brute", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 118–130. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-118-130

Введение

Описание и анализ различных феноменов художественной культуры и искусства XX в. требует поиска релевантных методологических подходов, которые позволяют понять смысловые установки и динамику развития новых явлений. Ар брют как часть обширного и слабоструктурированного поля искусства аутсайдеров, являясь знаковым историческим феноменом культуры, остается «серой зоной», не до конца осмысленной в контексте искусства XX в. Для поиска релевантной методологии анализа обращение к конструкции дискурса, предлагаемой Мишелем Фуко, позволяет уловить прозрачные, слабоинституционализируемые явления, которые формируют ар брют. В ходе анализа ар брютя

дискурс этого феномена понимается не как существующий объект «ар брют», но как набор правил, которые в определенный момент времени делают возможным появление объекта. Формирование объекта может быть описано через ряд закономерностей: 1) описание *поверхностей возникновения*; 2) определение *инстанций разграничения*; 3) анализ *решеток спецификации* (курсив мой. – А. С.) [Фуко 2004].

Наиболее фундаментальными работами, в которых анализируются различные феномены аутсайдерского искусства (в том числе искусство душевнобольных) в перспективе их связей с художественной культурой, являются исследования Джона Макгрегора «Открытие искусства душевнобольных» (1989), Люсьен Пери «Происхождение аутсайдерского искусства» (2006), Колина Родеса «Аутсайдерское искусство: спонтанные альтернативы» (2010) и ряда других европейских и американских ученых. Но важно отметить, что в названных работах не уделено внимание формированию дискурса ар брюта, не обозначены закономерности сложения этого феномена.

Поверхности возникновения

Формально понятие «ар брют» появляется в конце 1940-х гг., но начало интереса к этой проблематике у Жана Дюбюффе появляется еще в период 1920-х гг. В 1920-е гг. издаются необычайно влиятельные для формирования дискурса аутсайдерского искусства труды Ханса Принцхорна и Вальтера Моргенхальтера. Именно книга Ханса Принцхорна «Искусство душевнобольных», вышедшая в свет в 1922 г., оказала наибольшее влияние для формирования художественного вкуса и мировоззрения Дюбюффе, который в это время оставляет Академию Жулиана в поисках своего независимого художественного стиля. Жан Дюбюффе получил книгу вскоре после издания от своего друга, швейцарского писателя Поля Будри. Дюбюффе не читал на немецком, так что важное значение сыграл иллюстративный материал книги. Визуальный ряд книги стал некоторым катализатором, изменившим концепцию природы искусства и культуры в мировоззрении Жана Дюбюффе. Как описывает сам Дюбюффе:

Книга Принцхорна сильно поразила меня, когда я был молод, она показала мне путь и имела освобождающее влияние. Я понял, что все разрешено, все возможно. Я был не один. Интерес к искусству душевнобольных и отказ от сложившейся культуры витал в воздухе в 1920-е гг. Книга оказала огромное влияние на современное искусство [MacGregor 1989, с. 292].

В середине 1920-х гг. Дюбюффе оставляет занятия искусством и возвращается к ним уже в 1934 г., привнося в образы своих произведений отсылки к истории мирового искусства. Этап второй половины 1930-х гг. в биографии Дюбюффе также связан с его предпринимательской деятельностью.

Более глубокое погружение Дюбюффе в контекст аутсайдерского искусства происходит в середине 1940-х г. Деятельность Дюбюффе как коллекционера и исследователя искусства душевнобольных начинается в 1945 г. с трехнедельной поездки по психиатрическим больницам Швейцарии. Целью поездки Дюбюффе был сбор информации и фотографий для серии публикаций парижского издательства «Галлимар», посвященных этому новому для художественной культуры феномену. На тот момент у Дюбюффе не было стремления создать коллекцию, им двигало желание показать выставку в Париже. Как пишет Дюбюффе: «У меня возникла идея исследовать искусство душевнобольных. Я был воодушевлен иллюстрациями из книги Принцхорна, и я чувствовал, что можно узнать больше» [MacGregor 1989, с. 293].

Инстанции разграничения: первый французский период

В 1945 г. во время своих поездок по психиатрическим клиникам, несмотря на предыдущую активную коллекционерскую деятельность Принцхорна и других собирателей, Дюбюффе отыскивает ряд рисунков достаточно высокого качества. Увлеченность и серьезность французского художника впечатлила директоров швейцарских клиник и позволила положить начало серьезной коллекции. О своем опыте Дюбюффе рассказывает так: «Швейцарские психиатры мало интересовались этим искусством и не заботились о них [рисунках], но они были дружелюбны и полезны, они отдавали мне работы. В те дни у людей не было понимания ценности этих произведений» [MacGregor 1989, с. 293]. Сложно выявить, было ли это правдой или некоторым лукавством (часть клиник имела практику коллекционирования и изучения подобных артефактов) со стороны коллекционера – список клиник, посещенных Дюбюффе, неизвестен. Но эта ситуация изменилась очень быстро, вскоре коллекционирование Дюбюффе ар брютта уже требовало больших денежных трат.

На момент 1947 г. коллекция Дюбюффе стала настолько значительной, что возникает вопрос о пространстве для организации публичных выставок и хранения этой коллекции. Для этих целей галерист, арт-дилер Рене Дрюин предлагает Жану Дюбюффе под-

вал своей галереи на Вандомской площади в Париже. Для привлечения новой аудитории Дюбюффе организует «Фойе Ар Брюта» (Foyer de l'Art Brut), где в 1947 г. была показана выставка с привлечением произведений уже известных на тот момент душевнобольных художников: Адольфа Вельфли, Алоизы Корбац и др.

В то же время формируется еще одна институция ар брюта: Жан Дюбюффе основывает «Общество Ар брюта» (Compagnie de l'Art Brut), которое в июле 1948 г. включает 50 членов и более ста «приверженцев». В логике формирования дискурса феномена необычайно важное значение имеют инстанции разграничения, которые формируют, очерчивают дискурс ар брюта. И в случае с инициативами Жана Дюбюффе обнаруживаются необычайно влиятельные «говорящие субъекты», которые представляют уже очень мощные, устойчивые феномены культуры (например, сюрреализм). Учредителями общества, помимо Дюбюффе, были основатель сюрреализма, писатель Андре Бретон; коллекционер, арт-дилер и эксперт по примитивному искусству Шарль Раттон (1895–1986); писатель и издатель Жан Полан (1884–1968); писатель, журналист и коллекционер искусства Анри-Пьер Роше (1879–1959) и французский искусствовед, художественный критик, художник, один из первых теоретиков ташизма Мишель Тапье де Селейран (1909–1987). Однако среди «приверженцев» (это другая категория членов общества) были и психиатры: Шарль Ладам и Макс Мюллер из Швейцарии. Также в число членов входил писатель и культуролог Андре Мальро (1901–1976), который не играл значительной роли в обществе [MacGregor 1989, с. 293].

Примечательно, что в число учредителей входили представители творческого сообщества. Это демонстрирует совершенно иные установки формирования дискурса ар брюта, нежели это было в ситуации 1920-х гг. с интересом к искусству аутсайдеров, когда главными «говорящими субъектами» были именно представители психиатрии, а вслед за ними художники авангарда. Ситуация с формированием дискурса ар брюта делает главными «инстанциями разграничения» авторитетных представителей художественного истеблишмента: коллекционеров, арт-дилеров, экспертов. Таким образом, дискурс «мигрирует» все далее и далее от поля психиатрии в пространство искусства, обретая коллекционную, финансовую и музейную ценность.

В 1948 г. коллекция Жана Дюбюффе была перевезена в здание издательства «Галлимар Пресс» (Gallimard Press), где продолжилось создание выставок, включая персональные выставки Адольфа Вельфли, Алоизы Корбац, Антона Генриха Мюллера (1869–1930) и др. Однако дискурс ар брюта не обладал самоочевидными формальными и смысловыми характеристиками для поля искусства,

и несмотря на присутствие в Обществе «на стороне» ар брютa таких весомых персон, эта дистанция между новым феноменом и традиционным, привычным модернистским полем была очень велика.

Очень важно отметить, что уже на раннем этапе коллекция Дюбюффе вызывала большую дискуссию и привлекла внимание известнейших представителей творческого сообщества: 15 сентября 1948 г. коллекцию посещает Жан Кокто, сопровождаемый Андре Бретоном; а в марте 1950 года – Иоханнес Иттен. Психиатры, занимающиеся изучением искусства душевнобольных, также приезжали в Париж, чтобы увидеть коллекцию. В числе самых известных представителей этого сообщества был Вальтер Моргенхальтер в 1950 г. [MacGregor 1989, с. 294]. Самым значимым событием этого периода становится публичная выставка искусства ар брютa, проведенная в октябре 1949 г. в основных выставочных залах галереи Рене Дрюин (Rene Drouin). В выставку было включено около двухсот работ, лучших из коллекции Дюбюффе. Также к выставке был издан небольшой каталог “L’art brut préféré aux arts culturels”, написанный Дюбюффе. Текст издания был посвящен формированию теоретических оснований ар брютa. Но все же предпринимаемые усилия были недостаточными. Общество Ар брютa продолжало существовать до 1951 г., затем Дюбюффе в связи с финансовыми трудностями в сочетании с иными сложностями решил распустить организацию и перевезти коллекцию в Америку [MacGregor 1989, с. 294].

Инстанции разграничения: американский период

В 1951 г. коллекция Жана Дюбюффе была перевезена в Америку, где нашла временное убежище в Ист-Хэмптоне на Лонг-Айленде в доме художника и коллекционера Альфонсо Оссорио (1916–1990). На тот момент коллекция Дюбюффе насчитывала около тысячи произведений нескольких сотен художников. Дюбюффе планировал переезд в Америку и какое-то время жил в Нью-Йорке. В его планах было издание книги о коллекции, финансирование которой предполагалось Оссорио, и начало сотрудничества с американскими больницами. Но планы Дюбюффе не сбылись, и он вернулся в Париж [Ossorio 1968].

Тем не менее несмотря на провал первоначальных целей, деятельность Дюбюффе в Америке имела определенный эффект и оказала влияние на дальнейшее сложение дискурса ар брютa. Там Дюбюффе написал важный текст «Антикультурные позиции»,

обнародующий и проясняющий его уникальную точку зрения на искусство ар брюта, а также прочитал лекцию в Чикагском художественном клубе 20 декабря 1951 г. [Dubuffet 2006]. Эта лекция может быть рассмотрена как один из симптомов интереса к искусству душевнобольных в Америке. В этом отношении Чикаго всегда был неким передовым пространством для поиска новых тенденций. Также в этот период Дюбюффе написал эссе «Значимость диких ценностей» (*Honneur aux valeurs sauvages*) [Dubuffet 1973].

Хотя один из крупнейших исследователей раннего этапа развития искусства аутсайдеров Джон Макгрегор считает, что американская история бытования коллекции Дюбюффе не представляет интереса, его коллекция все же оказывает влияние на американский художественный контекст и, посредством этого, на формирование дискурса аутсайдерского искусства в Америке. Альфонсо Оссорио и Жан Дюбюффе знакомятся в 1950 г., когда Оссорио приезжает в Париж. По совету Джексона Поллока Альфонсо Оссорио покупает в 1951 г. огромное парковое пространство в Ист-Хэмптоне площадью 240 000 м с экзотическими деревьями и фантастическим видом на Атлантику, где он живет более сорока лет. Собственно, там и была размещена коллекция Дюбюффе, который рассчитывал на презентацию коллекции во владениях Оссорио, но она постоянно откладывалась. Это ожидание, впрочем, позволило сосредоточиться Дюбюффе на своей собственной работе – за короткий период он сделал две собственные выставки [Perry 2006, с. 105].

Тем не менее уже после отъезда Дюбюффе из Америки, в 1952 г. коллекция ар брюта была доступна для посетителей в доме Оссорио. В формировании дискурса важно, какие разграничения или сближения образует ар брют с полем «большого», признанного искусства. В доме Оссорио произведения ар брюта висели рядом с его собственными холстами и объектами и живописью его знаменитых современников, художников абстрактного экспрессионизма: Джексона Поллока, Виллема де Куннинга и других. Это демонстрировало их равнозначность в глазах Оссорио, а статус абстрактного экспрессионизма в этот период был необычайно высок для художественного и музейного истеблишмента. Многие представители американского арт-сообщества видели эту закрытую для широкой публики экспозицию; дом Оссорио посетили в то время знаковые мировые художники и деятели искусства: Марсель Дюшан, Джексон Поллок, Барнет Ньюман, директор МоМА Альфред Барр и многие другие [Perry 2006, с. 106–107]. Некоторые реагировали негативно, не признавая значимости этого феномена. Так, например, Джексон Поллок – на тот момент культовая фигура американ-

ского искусства, как писал журнал «Таймс», «...не чувствовал, что это так серьезно. Я не помню, чтобы Поллок продемонстрировал какой-то энтузиазм по поводу ар брютa» [Perry 2006, с. 107]. Это вполне закономерно: Поллок как художник элитистского модернизма в своих взглядах, конечно, был необычайно далек от идеи релевантности творческого высказывания.

Тем не менее весной 1953 г. Альфонсо Оссорио открывает эту экспозицию для широкой публики. А позже два нью-йоркских галериста – Бетти Парсонс и Элеонора Уард – предложили сделать выставки избранных произведений ар брютa из коллекции Дюбюффе, но Оссорио в итоге отверг их предложения [Perry 2006, с. 108].

Влияние коллекции Жана Дюбюффе на творчество самого Альфонсо Оссорио было огромным. В 1950-е гг. Оссорио начинает создавать работы, напоминающие ассамбляжи Дюбюффе. Оссорио объединяет раковины и кости, куски сухого дерева и осколки зеркал, кукольные глаза и бижутерию, детские игрушки и ногти на поверхности своих работ. Он называет свои ассамбляжи *congregations* – термином, который также имеет и религиозные коннотации. Позже, в 1961 г. произведения Оссорио были представлены наряду с Дюбюффе и 149 другими художниками на выставке «Искусство Ассамбляжа» в МоМА.

Несмотря на неоднозначность реакции американского художественного сообщества на феномен ар брютa, интерес к этому феномену существовал и более того – оказался функциональным даже в поле арт-рынка. В 1962 г., с 20 февраля по 3 марта, часть коллекции ар брютa была показана в Нью-Йорке в “Cordier-Eckstrom” – галерее Даниэля Кордые и Мишеля Уоррена. Галерея располагаясь в самом престижном районе Манхэттена – на Мэдисон Авеню и ранее там также показывалось европейское искусство, связанное с различными художественными маргиналиями. Например, в “Cordier-Eckstrom” были выставки французского поэта и художника Анри Мишо (1899–1984), художника-сюрреалиста Дадо (1933–2010) и Эжена Габрического (1893–1979) – русского по происхождению генетика и художника, который после того как ему был поставлен диагноз «шизофрения», провел в психиатрической лечебнице более тридцати лет [Perry 2006, с. 109]. Тем не менее выставка в галерее на Мэдисон Авеню не имела успеха, нью-йоркское арт-сообщество было захвачено идеями абстрактного экспрессионизма, поп-арта и минимализма.

Ар брют достаточно неточно был интерпретирован в Америке как одна из форм художественной экспрессии и, как пишет Дюбюффе, ошибочно был понят как «искусство детей, дикарей и сумасшедших», или «любопытное изобретение», или что-то, в чем

есть «прикосновение безумия» [Perry 2006, с. 111]. В 1962 г., после 11 лет нахождения коллекции в Америке, на Лонг-Айленде, коллекция возвращается во Францию.

*Инстанции разграничения:
второй французский период*

В течение следующих после перевоза произведений в Нью-Йорк восьми лет интерес Дюбюффе к коллекции ар брюта несколько снизился, что объяснимо стремлением обратиться к собственному творчеству. Тем не менее в силу ряда причин в июне 1959 г. этот интерес снова возвращается: Дюбюффе, используя появившиеся у него денежные средства, скупает целые частные коллекции, и невиданно дорого для таких произведений. Возросшая стоимость также свидетельствует об изменении символического статуса феномена ар брюта. А в 1962 г. с определенными трудностями, Дюбюффе возвращает коллекцию, состоящую из 1 200 произведений, из Америки в Париж. Позже в сентябре того же года он возобновляет существование «Общества Ар брюта» [MacGregor 1989, с. 295]. В новый состав общества, помимо Жана Дюбюффе, вошли Мишель Петитжан, художник Славко Копач (1913–1995), коллекционер Даниэль Кордье (род. 1920) и философ, фотограф Эммануэль Пелье (1914–1973). Первая их встреча состоялась 27 сентября 1962 г.

Новое здание собрания на Рю де Севре, 137 служило для хранения коллекции, которая быстро росла, и организации выставок. Однако они не имели публичного характера, в отличие от пространства в здании издательства «Галлимар Пресс». Дюбюффе позиционировал пространство этой коллекции как «лабораторию для исследования», и число визитеров было ограничено четырьмя. Посетители всегда сопровождалась Славко Копачем или кем-то из ассистентов [Perry 2006, с. 126]. Копач, правая рука Дюбюффе, прекрасный куратор, обладающий художественным чутьем, и живописец сыграл значительную роль в истории коллекции в этот период. Эти факторы объясняют достаточно элитистское функционирование ар брюта и его малую известность на начало 1960-х гг.

В то же время Жан Дюбюффе вновь начинает путешествовать и собирать новые материалы. Как пишет Джон Макгрегор, записные книжки Дюбюффе содержат доказательства его необычайной коллекционерской активности. Коллекция продолжает пополняться и уже известными авторами, работы которых ранее были у Дюбюффе (в сентябре 1963 г. в Швейцарии были куплены 70 произведений Вёльфли, в январе того же года 30 – Алоизы),

так и новыми: в марте 1962 г. в коллекцию поступили 12 рисунков сербского солдата Жана Радовича, более сотни рисунков на тот момент только открытого Жюля Дудина [MacGregor 1989, с. 295]. Помимо серьезной коллекционерской деятельности Дюбюффе в 1964 г. начинает публиковать серию богато иллюстрированных изданий “L’art brut”, в которых обнародует произведения своей коллекции. В изданиях также публиковались эссе, преимущественно самого Дюбюффе, написанные им ранее. Это включение в круг инстанций разграничения научного инструментария стимулировало формирование большей устойчивости и значимости феномена ар брютa.

Официальное признание достижений Жана Дюбюффе состоялось на большой выставке ар брютa в Музее декоративного искусства в Париже в апреле-июне 1967 г. Это был первый большой публичный выставочный проект, состоящий только из произведений ар брютa и показанный в известной музейной институции. Причем Дюбюффе предполагал, что это приведет к официальной поддержке со стороны государства, так как на тот момент 66-летний Дюбюффе начинает опасаться за будущее своей коллекции [MacGregor 1989, с. 296]. Однако несмотря на присутствие на открытии выставки Андре Мальро, входившего в первый состав «Общества Ар брютa» и на тот момент бывшего министром культуры, государственная поддержка не была оказана. После безуспешных попыток получить поддержку коллекции во Франции, Дюбюффе находит ее в швейцарской Лозанне. В 1972 г. он подписывает акт передачи в дар своей коллекции Обществу Ар брютa муниципалитету Лозанны. Для размещения коллекции предпринимается реконструкция одного из зданий в центре города, а в феврале 1976 г. коллекция была открыта для публики.

Решетки спецификации

Важный вклад в формирование дискурса ар брютa Жан Дюбюффе внес и как теоретик. В 1949 г. он начинает работать над теоретическими эссе, которые в итоге были собраны в книге «Удушающая культура» (1968). В ней Дюбюффе очерчивает то, что он назвал антикультурной позицией. В противоположность всей западной культуре он идентифицирует искусство западной цивилизации как *l’art culturel*, то, что в терминах Роджера Кардинала станет «официальным искусством» – искусством музеев, галерей, салонов, плодом труда интеллектуалов. Как описывает Жан Дюбюффе в «Удушающей культуре», само слово «культура» используется в двух значениях: как некоторое знание об искусст-

ве прошлого и иногда как более широкое – активность сознания и создание искусства [Dubuffet 1986, с. 8]. Такая неоднозначность использования убеждает, что знание произведений прошлого (по крайней мере тех, которые стали источником исследования) и творчество – это одно и то же [Dubuffet 1986, с. 9].

Жан Дюбюффе так описывает увлечение примитивом, которое имеет место в западной цивилизации:

Без сомнения, мы обладаем (в настоящее время) лучшим пониманием, которое было в течение последних пятидесяти лет; цивилизацией, обращающейся к примитивному и его образу мысли. Их произведения искусства сильно сбивают с толку и занимают внимание западного человека. Мы начали спрашивать себя, может ли западная цивилизация не извлечь уроки, даваемые этими дикарями? Возможно, во многих областях их решения и способы, которые когда-то были восприняты слишком простыми, но в отдаленной перспективе они могли быть более дальновидными, чем наши собственные. Что касается меня, то я придерживаюсь и высоко оцениваю ценности дикарей: инстинкт, страсть, каприз, насилие, безумие [MacGregor 1989, с. 300].

Исследователи теоретических воззрений Дюбюффе отмечают, что идиолект художника ар брюта обладал настолько высокой степенью индивидуальности, что не мог считываться зрителем: «Это своего рода коммуникация, замкнутая на себе самой, ее процесс оказывается важнее передаваемой информации. Обществу сложно принять ар брют за искусство, так как его язык не является открытым и доступным» [Блохина 2016, с. 637] Решетками спецификации дискурса ар брюта становятся разрывы между понятиями культура, европейская культура, западная цивилизация, удушающая культура и ценности дикарей, инстинкт, страсть, каприз, насилие, безумие.

Заключение

Анализ дискурса ар брюта показывает, что он формируется как сумма рассеянных событий, которые с разной степенью успеха были реализованы при участии Жана Дюбюффе. Дискурс ар брюта как исторического феномена возникает на начальном этапе через увлечение Жана Дюбюффе искусством душевнобольных, представление о котором он получает из известной книги Ханса Принцхорна. Идеи, презентованные Принцхорном, пересекались в то время с творческими поисками Дюбюффе. На протяжении

1940–1950-х годов главными инстанциями разграничения дискурса ар брютa становятся сообщество коллекционеров, арт-дилеров, галеристов. Дюбуффе стремится к выделению феномена ар брютa, привлекая различные инструменты институализации: создание художественного общества, включающего значимых экспертов, организация выставок, расширение коллекции, создающие предметный базис феномена. На этапе 1950 – начала 1960-х годов к этому кругу инстанций разграничения подключаются также музейные институции и различные формы научного дискурса. Дюбуффе добивается выставки в крупном парижском музее, издает серию книг об ар брютe. В текстах Жана Дюбуффе можно выявить решетки спецификации дискурса ар брютa, описываемые через разрыв между европейской «удушающей» культурой и «ценностями дикарей».

Литература

- Блохина 2016 – Блохина К.Г. Понятие живописного языка в теории и практике Жана Дюбуффе // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 6 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 635–642.
- Фуко 2004 – Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004.
- Dubuffet 1986 – *Dubuffet J. Asphyxiating Culture and other Writings*. New York: Four Walls Eight Windows, 1986.
- Dubuffet 1973 – *Dubuffet J. Honneur aux valeurs sauvages // L'homme du commun à l'ouvrage / Préface de Jacques Berne*. Paris: Gallimard, «Idées», 1973. P. 110–128.
- Dubuffet 2006 – *Dubuffet J. Positions anticulturelles // Costa D.V., Hergott F. Jean Dubuffet*. Paris: Hazan, 2006. P. 114–119.
- MacGregor 1989 – *MacGregor J.M. The discovery of the art of the insane*. Princeton: Princeton University Press, 1989.
- Ossorio 1968 – Oral history interview with Alfonso Ossorio, 1968, November 19. Archives of American Art, Smithsonian Institution [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aaa.si.edu/collections/interviews/oral-history-interview-alfonso-ossorio-5517#transcript> (дата обращения 15.10.2018).
- Peiry 2006 – *Peiry L. Art Brut: The Origins of Outsider Art*. Paris: Flammarion, 2006.

References

- Blokhina, K.G. (2016), “*The concept of a pictorial language in the theory and practice of Jean Dubuffet*”, in: Zakharova, A.V., Mal'tseva, S.V., Stanyukovich-Denisova, E.Yu., eds. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*: sb. nauch. Statei [The

- current issues of the art theory and history. Coll. of sc. articles], iss. 6, pp. 635–642, NP-Print, St. Petersburg, Russia.
- Foucault, M. (2004), *Archeology of knowledge*, ITs «Gumanitarnaya akademiya»; Universitetskaya kniga, St. Petersburg, Russia.
- Dubuffet, J. (1986), *Asphyxiating Culture and other Writings*. Four Walls Eight Windows, New York, USA
- Dubuffet, J. (1973), “Honneur aux valeurs sauvages”, *L’homme du commun à l’ouvrage*. Préface de Jacques Berne, pp. 110–128, Gallimard, Idées, Paris, France.
- Dubuffet, J. (2006), “Positions anticulturelles”, in: Costa, D.V., Hergott, F. *Jean Dubuffet*, pp. 114–119, Hazan, Paris, France.
- MacGregor, J.M. (1989), *The discovery of the art of the insane*. Princeton: Princeton University Press. Princeton University Press, Princeton, USA.
- Ossorio, A. (1968), *Oral history interview with Alfonso Ossorio*, 1968 November 19 [Электронный ресурс]. Archives of American Art, Smithsonian Institution URL: <https://www.aaa.si.edu/collections/interviews/oral-history-interview-alfonso-ossorio-5517#transcript> (data obrashcheniya 10.15.2018).
- Peiry, L. (2006), *Art Brut: The Origins of Outsider Art*. Flammarion Paris, France.

Информация об авторе

Анна А. Суворова, кандидат искусствоведения, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; Россия, 614000, Пермь, ул. Букирева., д. 15; suvorova_anna@mail.ru, Orcid ID 0000-0002-6421-8514

Information about the authors

Anna A. Suvorova, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Perm State University, Perm, Russia; bld. 15, Bukireva Str., Perm, 614000, Russia; suvorova_anna@mail.ru, Orcid ID 0000-0002-6421-8514

Функции проективной идентификации в киноискусстве

Владимир А. Колотаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vakolotaev@gmail.com*

Аннотация. Статья развивает понятие «проективной идентификации» в рамках современных теорий идентификации применительно к анализу современного кинематографа. В статье доказывается, что кинематограф в поисках сюжетов обращается к сказочным и архетипическим моделям, усиливающим проекцию героя, отождествление его с ролевой моделью. Такая идентичность становится для самого героя во многом фатальна. Отмечается также стремление современного отечественного кинематографа, сохраняя проективную идентичность, расширить спектр идентификаций в ходе диалога со зрителем.

Критический анализ теорий идентичности и анализ специфики экранных искусств позволяет четко различать идентичность и идентификацию, выделять различные уровни идентичности, обусловленные спецификой идентификации. Анализ мотиваций в фильме и условностей экранных искусств дал возможность уточнить, в какой именно точке или поворотном моменте фильма начинается такая идентификация. Доказано, что она связана не столько со спецификой сюжета, сколько со спецификой изобразительности, обусловленной нарративным субстратом и границами его экранного развертывания.

Проективная идентификация рассмотрена как ресурс переживаний зрителя и как новация кинематографа. Доказано, что современное существование кинематографа в мире новых медиа и новых искусств превращает то, что мы считаем художественными приемами, в стратегии идентификации, различным образом срабатывающие в зависимости от ожиданий зрителя и режиссерской оптики, которая становится принципиально изменчивой и непредсказуемой.

Ключевые слова: идентичность, киноидентичность, проективная идентификация, теория кино

Для цитирования: Колотаев В.А. Функции проективной идентификации в киноискусстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 131–143. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-131-143

Functions of projective identification in cinema

Vladimir A. Kolotaev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vakolotaev@gmail.com*

Abstract. The article develops the concept of “projective identification” within the framework of identification theories as applied to the analysis of contemporary cinema. In the article, it is proved that cinema, in search of scenes, turns to fabulous and archetypal models that enhance the hero’s projection, identifying him or her with a role model. Such an identity becomes fatal for the hero himself. The striving of new Russian cinema, while maintaining a projective identity, to expand the range of identifications during dialogue with the viewer is also noted.

A critical analysis of theories of identity and an analysis of the specifics of screen art makes it possible to clearly distinguish between the identity and identification, and to distinguish various levels of identity due to the specifics of identification. An analysis of the motivations in the film and of the screen arts conventions made it possible to clarify at which point or defining moment in the film such identification begins. The author proves that it is associated not so much with the specifics of the plot as with the specifics of the visualization, due to the narrative substrate and the boundaries of its on-screen deployment.

Projective identification is considered as a resource of the spectator’s experience and as an innovation in cinema. It is proved that the modern existence of cinema in the space of new media and new arts turns what we consider art methods or devices into identification strategies that work differently depending on the expectations of the viewer and director’s optics, which becomes fundamentally changeable and unpredictable.

Keywords: identity, cinema identity, projective identification, cinema theory

For citation: Kolotaev, V.A. (2019), “Functions of projective identification in cinema”, *RSUH/RGGU Bulletin. RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art history” Series*, no. 3, pp. 131–143, DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-131-143

Основу теоретическим и практическим исследованиям формирования идентичности заложили труды в области символического интеракционизма Дж.Г. Мида, а также антропологические и психологические работы Э.Г. Эриксона, впервые определившего социокультурные параметры идентичности. В этой традиции идентичность определяется как «психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей

индивидуальной самоидентичности и целостности» [Николаев 1998, с. 238].

Такая самоидентичность достигается благодаря способности личности идентифицироваться со значимыми объектами: социальной группой (социальная идентичность), культурными ценностями и традициями (культурная идентичность), этнической группой (этническая идентичность), с религией (конфессиональная идентичность) и т. п. «По мере усвоения индивидом социокультурных образцов, норм, ценностей, принятия и усвоения различных ролей во взаимодействиях с другими людьми его самоидентификация изменяются, и более или менее окончательно его идентичность складывается к концу юношеского возраста. Различаются позитивные и негативные идентичности» (там же). Таким образом, идентичность можно представить как комплекс чувственных и рациональных представлений личности о себе как некоей целостности, достигнутой путем последовательных отождествлений с социальными ролями и культурными ценностями. Но такое предложенное В. Г. Николаевым понимание идентичности как результата идентификации проблематично тем, что к концу юношеского возраста идентичность не складывается окончательно, а продолжает конструироваться в течение всей жизни. Как подробно доказывается в трудах Кули, Мида, Эриксона, Лакана, формирование идентичности есть стадийный процесс смены жизненных циклов через неизбежные кризисы. Постиндустриальное общество усиливает кризис идентичности, ускоряя это стадийное движение и не позволяя как раньше останавливаться на какой-то одной идентичности. Человек может остановиться, но это состояние будет заведомо кризисным, с соответствующими последствиями для индивидуального психологического самочувствия и социального поведения.

Но главное противоречие в самом понятии и функционировании идентичности другое: психосоциальная целостность всякий раз достигается за счет идентификации, отождествления с кем-то или чем-то другим, этой целостности не принадлежащим. Производя отождествление, субъект парадоксальным образом лишает себя признаков идентичности, главным среди них является чувство себя в качестве неповторимой индивидуальности (Мид, Миненков, Абельс), что препятствует и адаптации личности.

Некоторые исследователи, критикуя термин «идентичность» за подразумеваемую статичность, предпочитают процессуальный термин «идентификация», на что указывает и В.Г. Николаев: «Идентификация охватывает динамичные, процессуальные аспекты формирования идентичности» [Николаев 1998, с. 239]. Идентификация тогда есть сознательное или неосознаваемое действие,

в котором достигается слияние с кем-то или с чем-то в целях психической защиты (об этом см.: [Демина, Ральникова 2000]).

В классическом психоанализе термин «идентификация» использовался только для объяснения ранних форм эмоциональной жизни ребенка, которые проявляются в бессознательном стремлении младенца отождествляться с телом матери. Фрейд рассмотрел процесс дальнейшего отождествления ребенка с фигурой взрослого (отца) в качестве важнейшей предпосылки формирования «Супер-Эго» как инстанции контроля. «Основой этого процесса является так называемая идентификация, то есть уподобление Я чужому Я, вследствие чего первое Я в определенных отношениях ведет себя как другое, подражает ему, принимает в известной степени в себя. Идентификацию не без успеха можно сравнить с оральным, каннибалистическим поглощением чужой личности. Идентификация – очень важная форма связи с другим лицом, вероятно, самая первоначальная, но не то же самое, что выбор объекта» [Фрейд 1989, с. 338–339]. Идентификация тесно связана с подражательной деятельностью, с мимикрией (Р. Кайуа) и миметизмом (Аристотель, А.Ф. Лосев, Эрих Ауэрбах, В.А. Подорога). При том что идентификация как процесс отождествления с другими людьми (родителями, учителями, значимыми лицами) определяющим образом влияет на формирование характера, Фрейд отмечает ее амбивалентную природу. Результатами идентификации могут быть как позитивные изменения, так и негативные, например, образованные симптомы, различные аффективные состояния [Фрейд 1991, с. 104–105].

Из размышлений Фрейда следует, что идентификация часто ведет к негативным последствиям и, как правило, свидетельствует о несамостоятельности, слабости личности, регрессирующей к «первоначальным формам эмоциональной связи с объектом». Но Фрейд также отмечал, что сильное «Я», если Эдипов комплекс преодолен в той или иной степени успешно, способно смягчить давление «Супер-Эго», сформированного на более ранних этапах становления структур личности за счет опять-таки идентификации с другим, точнее, принятия другого внутрь себя. При такой инкорпорации появляются большие возможности сопротивляться отождествлению, интроекции, то есть «включения в структуру «Я» без критической проверки и усвоения внешних стандартов, ценностей, отношений, концепций с целью снижения угрозы негативных переживаний» [Демина, Ральникова 2000, с. 20].

Несколько иначе ситуация выглядит с позиции Ю.М. Лотмана. В его теории автокоммуникации создается модель диалога, где говорящий, отправитель сообщения, и слушающий, адресат, являются одним лицом. Система «Я – Я» представляется Ю.М. Лотманом

ном как весьма продуктивная форма диалога, качественно изменяющая структуру личности [Лотман 1992, с. 76–89]. Однако природа анализируемого материала, хотя и поддается описанию в терминах аутокоммуникативной модели диалога, все-таки требует более уместного (релевантного) подхода. Его предлагает теория «проективной идентификации» (ПИ) Мелани Кляйн (1882–1960).

Исходя из понятия Фрейда об опасности «контрпереноса», Мелани Кляйн совершенно изменила представления об идентификации, разработав и внедрив в научный оборот понятие «проективная идентификация» (projective identification). Описание ПИ у Мелани Кляйн предложено в статье 1946 г. «Заметки о некоторых шизоидных механизмах». В разделе «Связь расщепления с проекцией и интроекцией» Мелани Кляйн пишет: «До сих пор, рассматривая страх преследования, я выделяла оральный элемент. Однако, хотя оральное либидо все еще остается ведущим, либидные и агрессивные импульсы и фантазии от других источников постепенно выступают вперед и ведут к слиянию оральных, уретральных и анальных желаний, либидных и агрессивных. Также атаки на грудь матери развиваются в атаки соответствующей природы на ее тело, которое ощущается как продолжение груди, прежде чем мать начнет восприниматься как целостная личность. Атаки на мать в фантазиях следуют по двум направлениям. Одно направление определяется преимущественно оральными импульсами высасывать досуха, кусать и отнимать у материнского тела его хорошее содержимое... Другая линия атак развивается из анальных и уретральных импульсов и предполагает выделение опасной субстанции (экскрементов) из себя в мать.

Вместе с этими вредными экскрементами, выделяемыми в ненависти, расщепленные части Эго также проецируются на, или точнее, в мать. Эти экскременты и плохие части собственной личности означают не только повреждение, но также контроль и обладание объектом. И, поскольку мать теперь содержит плохие части собственной личности, она воспринимается не как отдельная личность, а как плохая часть себя». «Большая часть ненависти против частей себя направляется теперь на мать. Это приводит к специфической форме идентификации, которая устанавливает прототип агрессивных объектных отношений» [Кляйн и др. 2001, с. 426]. По мнению Кляйн, выявленные примитивные, превербальные отношения и проекция «в другую личность» являются «единственным способом описания тех бессознательных процессов, о которых идет речь» [Кляйн и др. 2001, с. 426].

Процессы идентификации на ранних этапах жизни ребенка реализуют защитные функции развивающегося организма, который обнаруживает способность принимать, усваивать объекты и/или

отторгать усвоенное, отрицать то, что воспринимается как неприемлемое. В целом под проективной идентификацией понимают процесс «образования фантазмов, при котором субъект помещает себя – целиком или частично – внутрь объекта для нанесения ему вреда, обладания или контроля за ним» [Лапланш, Понталис 1996, с. 437].

Итак, проецируемое состояние, каким бы странным оно ни казалось, оказывается в определенном смысле и состоянием объекта. Это не только чувство проецирующего, но и чувство реципиента. Данная модель коммуникации, в которой активный участник диалога наделяет слушающего своими чертами, рассматривалась М.М. Бахтиным уже не в семиотическом, а в антропологическом плане. Бахтин вычленил в организации романа тип отношений, когда говорящий в процессе высказывания или в ответе на вопрос неосознанно создает или пересоздает образ того, кому адресована его речь. При таком общении говорящий наделяет слушающего актуальными для себя, а не для него качествами, достраивая его исходя из своих внутренних состояний, тогда как диалог сводится к механизму взрывной актуализации этих состояний [Бахтин 1979]. Происходит проективная коммуникация, проецирование комплексов, патологическая и непродуктивная как диалог. Хотя внешне ситуация ничем не отличается от продуктивных форм диалога, но, по существу, в акте речи говорящий, реализуя в высказывании собственные бессознательные мотивы, создавая из них синтетический образ собственных комплексов говорящего.

М.М. Бахтин заметил, что диалог, приобретающий внутреннюю форму речи для себя, разрушает личность говорящего. Закрытая система, в которой информация не может быть канализирована, разрушает вербальную коммуникацию. Моделирование общения с оппонентом в сознании подрывает всякий реальный диалог, другой оказывается не нужен, а качествами слушающего может быть наделен любой случайный объект. При такой герметичной коммуникации возникает угроза разрушения системы, либо патологических проявлений на соматическом уровне.

Ироничный пример работы механизмов кляйнианской идентификации с объектом дает фильм Вуди Аллена «Все, что вы хотели знать о сексе, но боялись спросить» (1972). Герой Аллена периодически регрессирует и оказывается в положении ребенка, которого преследует негативно воспринимаемый «опасный объект» – материнская грудь. Совершенно иная ситуация с работой механизма проективной идентификации разворачивается в фильме Валерия Тодоровского «Мой сводный брат Франкенштейн» (2004).

Сюжет фильма построен на контрасте между благополучной московской жизнью семьи и травматическим опытом, связанным

с появлением внебрачного сына, страдающего расстройством психики. Таким образом, уже в завязке мы видим неизбежность проекции травмы оставленности, вызванной обстоятельствами войны (страхом перед врагом, приведшим к гиперагрессии), на страх неизбежной встречи с сыном. Но этот герой (Павел) привык смотреть на мир сквозь прицел, и потому даже пробуждение родственных чувств будет включать проективную идентичность.

Павел испытал страх и унижение в ситуации, когда его чуть было не взял в плен неприятель. Это потрясение послужило причиной совершения военного преступления. Желая отомстить врагу, Павел и его друг убили невинных людей. Под гусеницами их машины погибли женщины и дети. После этого он во всем начал видеть угрозу. Герой живет в состоянии тотального страха и, кроме того, заражает этим чувством близких, тех, с кем общается. Очевидно, контакт с противником и его убийство спровоцировало отождествление Павла с тем, кто нанес ему оскорбление. Он стал убитым врагом.

Попав в семью, Павел начинает видеть везде врагов, угрожающих новой семье, и пытается спасти семью от врагов, иначе говоря, проецирует ситуацию боевой взаимовыручки в экстремальных условиях на семью, которая только должна его выручить из текущего положения. Но семья его выручить не может, так как не может пустить в свою жизнь человека с расстроенной психикой. При этом парадоксальным образом по-настоящему враждебно ведет себя именно мирная семья, а не военный человек: сводный брат подсылает хулигана, тогда как Павел не верит, что на него могут покушаться члены его новой семьи. Таким образом, он хочет идентифицировать себя с семьей, которой лишен как инвалид, и психическая травма только усугубляет идентификацию, а семья хочет идентифицировать себя с ним в лице сводного брата и применить насилие к нему как единственный способ как-либо его понять и совладать с ним.

Итак, идентификация с негативным, отрицаемым (мертвым) объектом запустила в свою очередь агрессивное стремление нарушить запрет. Павел, или, точнее, тот, в кого он теперь превратился, совершает то, что в нормальном состоянии он не сделал. Для него теперь нет ни детей, ни женщин. Избиение невинных запускает механизм защиты, происходит вытеснение невыносимого чувства вины за совершенное преступление. Спасение от мук совести Павел находит в бессознательном отождествлении с теперь уже положительным объектом, идеальным образом себя. По сути, эта личность представляет собой зеркальный образ того, с кем отождествился герой, совершая преступление, только отрицательные качества объекта поменялись на положительные. Из агрессора он

превратился в защитника. Все остальные объекты наделяются Павлом свойствами той личности, которая убивала детей и женщин.

Но разумеется, ценностные установки семьи требуют рассмотрения нового члена в более широкой социальной перспективе, чем простое насилие. Именно так ведет себя жена главного героя, пытающаяся устроить операцию и тем самым разорвать узел идентификаций, наделив каждого нормальной идентичностью. Она хочет определить Павла в психиатрическую лечебницу, так как его поведение представляется источником опасности. Павел заражает страхом окружающих, которые хотят от него избавиться. Единственный персонаж фильма, с которым у Павла устанавливаются хорошие отношения, – дочь главного героя Анна, девочка лет одиннадцати, которая не ставит вопрос об идентификации, но просто общается с ним в рамках своих образов идентичности, поэтому и он в ответ проявляет трогательную заботу. Глава семейства выступает как полностью социальный человек, пытаясь помочь в рамках плановой работы военного ведомства и бюрократических механизмов.

Было бы неверным выделять только негативные черты связи в режиме ПИ. Если дочь Крымова говорит, что у нее появился добрый и хороший брат, то Павел по отношению к Анне и является хорошим объектом. Ведь ребенок наделяет его сказочными чертами героя, который видит в темноте, контролирует ночной хаос и т. п. Но эти фантазии все-таки лучше, чем страхи и проекции ее матери. Именно Рита, испугавшись за Аню, невольно конструирует (ситуация Франкенштейна) объект так, что он представляется опасным похитителем детей. Ее страх, спроецированный на героя, материализуется, воплощается затем в действиях героя. Рита наделяет Павла отрицательными качествами, а затем ее фантазии материализуются. В соответствии со своими переживаниями она станет жертвой похищения. По сути, ее фобии и вызывают трагедию, катастрофу, которой и завершается фильм.

В основе фабулы фильма лежит классический набор пропповских функций волшебной сказки типа «Медведь на липовой ноге». Есть сакральное пространство запрета, некогда нарушенное героем. Есть страшные последствия этого поступка. Но есть и разные сценарии устранения последствий нарушения табу. С одной стороны, восстановление равновесия (нейтрализация сказочной недостачи) за счет признания вины и уплаты странной дани, с другой – отказ от сделки и физическое устранение предьявителя. Ситуация в фильме развивается по второму, наименее продуктивному и наиболее архаическому, а значит, и кровожадному сценарию.

Древнейшие варианты сказки свидетельствуют о бескомпромиссном характере отношений между желанием и запретом. Либо

желание разрушает человека (он превращается в животное вне природы), либо человек символически справляется с инстинктами, оскопляет и окультуривает их. В более поздних сюжетах конфликт смягчается, неразрешимые противоречия переводятся в нейтральное русло. Сказочные герои откупаются от медведя, предложив ему липовый протез как фаллический заместитель утраченного органа. Возмещения ущерба требует, не осознавая этого, и душа Павла. Его бесконечное навязчивое появление, нарушающее покой семьи, имеет под собой тот же побудительный мотив, который заставляет сказочного медведя преследовать старика и старуху.

Медведь мешает голодным персонажам насладиться едой и покоем. Все дело в том, что удовлетворение желания в обход правил (по типу «захотел есть – убил зверя»), как и нерегламентированное строгим порядком насилие, приводит к необратимым последствиям, распаду самости. Съев медвежатины, человек сам превращается в зверя. Он становится тем, с кем бессознательно отождествляется и против кого направляет агрессию. Действие фильма развивается по архаическому, наиболее жесткому сценарию: предъявителя убивают, перенося на него свои комплексы. Устраняя физически источник беспокойства, общество не только загоняет проблему под спуд, но и создает предпосылки нового появления очередного Создания, но в еще более страшном облики.

Новейшие исследования киноидентичности показывают, как изменение героя в новейшем кино под влиянием множества социальных факторов и осмысления советского опыта (чему посвящена статья [Немченко 2016]) сохраняет проекцию идентичности, но при этом создает и новые зрительские идентичности. И.П. Басалаева [Басалаева 2019] на примере фильма А. Мельника «Территория» (2014) усматривает в современном российском кинематографе одновременно возвращение и детализацию образа «настоящего человека», нормативного для советской идентификации. Басалаева рассматривает парадоксальность сибирского кинотекста в этом фильме, например, соединение локального и глобального, интимного переживания локуса и государственнического мышления, рациональность и утопизм, и усматривает в «Территории» дрейф от разделяемого коллективного аффекта, унаследованного от советского кино, к индивидуальному потреблению чрезвычайно опыта собственного героизма: «в пространстве послесоветского кино истинный, “высокой пробы” аффект – только персональный, только “интимный”. Мы видим его в переживании нескольких “самых настоящих” из настоящих героев – Баклакова, Чинкова, Куценко и Гурина, и во всех случаях он “накрывает” их только в одиночных маршрутах и только в исключительных ландшафтах. Здесь советский киноканон парадоксальным образом совокуплен

с послесоветской эстетикой цифрового потребления “визуальных ископаемых”». В этой трансформации Басалаева усматривает расширение и детализацию оттепельной самоидентификации, романтики колонизации новых земель, понятой как принцип утверждения настоящего, исходного для других социального опыта. Тем самым проективная идентичность оказывается ключевым моментом понимания художественного замысла, включающего эмоциональные паттерны зрителя и формирующего новую зрительскую аудиторию.

В.Ю. Михайлин несколько лет назад предпочел понимать оттепельное кино не как кино гуманизации, модернизации или появление области интимного, но как кинематограф «перспециации», создания прозрачного пространства контроля, в котором поощряется частный интерес и микрогрупповое ситуативное кодирование и взаимодействие, но только потому, что оно присваивается большими дискурсами как свое и родное [Михайлин 2015]. Анализируя сцену из фильма Ю. Егорова «Они были первыми» (1956), Михайлин вскрыл стратегии проективной идентичности в таком пространстве присвоения. Михайлин продолжает исследование оттепельного и послеоттепельного кино в статье о фильме П. Арсенова «Спасите утопающего» (1967) [Михайлин 2019], и как и Басалаева, видит в «интимности» оттепельного и послеоттепельного кино признак мобилизационного, а не демобилизационного проекта. Только Михайлин находит в послеоттепельном кино (само)деконструкцию этого мобилизующего языка, указывая, что включение механизмов комической трагедии, таких как введение структурных элементов классической комедии, каламбур, игра амплуа и масок, вскрывает условность и нарочитость того нарратива, который и породил ценностный ряд оттепельной мобилизации. Поневоле сюжет превращается в пастиш (хотя этого слова Михайлин не употребляет), и идентификация героя со своим нарративным амплуа, эссенциалистская искренность сменяются кризисом идентичности, которая поддерживается только постоянной сменой масок и речевых позиций.

С.Ю. Коробова посвятила особенностям идентификации кинозрителя при просмотре «культового» кино магистерскую диссертацию [Коробова 2018]. Ее гипотеза состоит в том, что «Структура социально-ролевой идентичности субъектов опосредует динамику переживания при воздействии культового кино» [Коробова 2018, с. 6]. Работа представляет собой сведенный в громоздкие таблицы подробный анализ того, какие возможны отождествления зрителей с персонажами фильма в зависимости как от распределения ролей в фильме, так и от предрасположенности самих зрителей к тем или иным реакциям из целого диапазона, а также принятых зрителями

ценностных рядов. Коробова рассматривает разнообразные ситуации, вскрывая часто «биполярное» восприятие ситуации. Общим выводом является утверждение, что «при сравнении факторной структуры социально-психологических ресурсов субъектов, дифференцированных по типу переживания при воздействии культурного кино, выявлено своеобразие структуры взаимосвязей четкости рефлексии социально-ролевой идентичности, социокультурных установок субъекта культуры и экзистенциальных ценностей» [Коробова 2018, с. 66].

Ю.Ю. Даниленко и В.В. Федоров [Даниленко, Федоров 2019], рассматривая видеопозию Яниса Грантса, видят в видеоработах этого поэта воссоздание маргинальной идентичности, которая помогает зрителю найти собственную идентичность в ожидании того, как автор снимет перформативную маску. Анализируя один из видеотекстов, они пишут: «Режиссер ставит зрителя в позицию лирического героя, наблюдающего за спящим возлюбленным, разделяя художественное пространство на два симультанных пласта: с одной стороны, это тело партнера как бы из прошлого, как бы воспоминание, а с другой – настоящее, после любви» [Даниленко, Федоров 2019, с. 103–104]. Таким образом, зритель оказывается свидетелем подлинной идентичности, проявляющейся в настоящем как настоящее, в противовес перформативности, всегда подлежащей оценке и потому относимой к прошлому. Эти примеры показывают, что технический и изобразительный прогресс кинематографа и смежных визуальных искусств исходит из проективной идентичности как уже освоенной кинематографом данности, получая свободу в исследовании экранными средствами идентичности героев и зрителей. Как при этом исследуется и вскрывается идентификация – требует дальнейшего изучения.

Литература

- Басалаева 2019 – *Басалаева И. П.* Настоящие люди в отечественном кино эпохи «добротного патриотизма» // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 149–168.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.
- Даниленко, Федоров 2019 – *Даниленко Ю.Ю., Федоров В.В.* Перформативные маски и проблема идентичности в видеопозии Яниса Грантса // Культура и текст. 2019. №. 2 (37). С. 97–105.
- Демина, Ральникова 2000 – *Демина Л.Д., Ральникова И.А.* Психическое здоровье

- и защитные механизмы личности. Алтайск: Изд-во Алтайского государственного университета, 2000.
- Кляйн и др. 2001 – *Кляйн М., Айзенк С., Райверс Дж., Хайманн П.* Развитие в психоанализе. М., 2001.
- Коробова 2018 – *Коробова С.Ю.* Социально-психологические факторы динамики переживания субъектов при воздействии культового кино: дис. ... канд. психол. наук. Южно-Уральский государственный университет, 2018. https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/22601/2018_3301_korobovasu.pdf?sequence=1
- Лапланш, Понталис 1996 – *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 76–89.
- Михайлин 2019 – *Михайлин В.Ю.* Деконструкция оттепельной «искренности»: «Спасите утопающего» Павла Арсенова и конец советского мобилизационного проекта 1960-х // *Неприкосновенный запас.* 2019. № 3(125). С. 196–205.
- Михайлин 2015 – *Михайлин В.Ю.* Конструирование новой советской идентичности в «оттепельном» кино // *Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.* Екатеринбург: ИИА УРО РАН, 2015. С. 312–320.
- Немченко 2016 – *Немченко Л.М.* Стратегии работы с ностальгией по советскому в современном российском кинематографе // *Филологический класс.* 2016. № 1 (43). С. 108–112.
- Николаев 1998 – *Николаев В.Г.* Идентичность // *Культурология: XX век: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит.* СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998. С. 238–239.
- Фрейд 1989 – *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.
- Фрейд 1991 – *Фрейд З.* «Я» и «Оно»: Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991.

References

- Basalaeva, I.P. (2019), “Real people in the national cinema of the era of ‘good patriotism’”. *New Literary Review*, no. 3, pp. 149–168.
- Bakhtin, M.M. (1979), “The text issue in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis”, in: Bakhtin, M.M., *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], pp. 281–307, Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Danilenko, Yu.Yu., Fedorov, V.V. (2019), “Performative masks and the issue of identity in the video poetry of Janis Grants”. *Culture and text*, no. 2, pp. 97–105.
- Demina, L.D., Ralnikova, I.A. (2000), *Psikhicheskoe zdorov’e i zashchitnye mekhanizmy lichnosti* [Mental health and protective mechanisms of personality]. Publishing House of Altai State University, Altaysk, Russia.
- Klein, M., Eisenck, S., Rivery, J., Hymann, P. (2001), *Razvitiye v psikhhoanalize* [Development in psychoanalysis]. Moscow, Russia.

- Korobova, S.Yu. (2018), *Socio-psychological factors of the dynamics of the experience of subjects under the influence of cult cinema*, Ph.D. Thesis, Psychology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia [Online], available at: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/22601/2018_3301_korobovasu.pdf?sequence=1
- Laplanche, J., Pontalis, J.-B. (1996), *Slovar' po psikhoanalizu* [Dictionary of psychoanalysis]. Higher School, Moscow, Russia.
- Lotman, Yu.M. (1992), "On two models of communication in the cultural system", in: Lotman, Yu.M., *Izbrannye stat'i* [Selected articles], 3 vols, vol. 1, pp. 76–89, Alexandra, Tallinn [Estonian].
- Mikhaylin, V.Yu. (2019), "Deconstruction of the thawing 'sincerity': 'Save the drowning' by Pavel Arsenov and the end of the Soviet mobilization project of the 1960s", *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3, pp. 196–205.
- Mikhaylin, V.Yu. (2015), "The construction of a new Soviet identity in the 'thaw' movie", in: *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII – XX vv.* [Man in the conditions of modernization of the 18th – 20th centuries], pp. 312–320, IIA URO RAN, Yekaterinburg, Russia.
- Nemchenko, L.M. (2016), "Strategies for working with Soviet nostalgia in modern Russian cinema", *Filologicheskii klass*, no. 1, pp. 108–112.
- Nikolaev, V.G. (1998), "Identity", in: *Kul'turologiya: XX vek: Entsiklopediya* [Culturology. XX century: Encyclopedia], 2 vols, vol. 1, pp. 238–239, University book; Aletheia, St. Petersburg, Russia.
- Freud, S. (1989), *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to psychoanalysis: Lectures], Nauka, Moscow, Russia.
- Freud, S. (1991), «*Ya*» i «*Ono*»: *Trudy raznykh let* ["I" and "It." Works of different years], book 1, Merani, Tbilisi [Georgia].

Информация об авторе

Владимир А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; vakolotaev@gmail.com

Information about the author

Vladimir A. Kolotaev, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; vakolotaev@gmail.com

Французская комедия 1970-х годов: формула успеха

Маня Лозовская

*Хайфский университет, Хайфа, Израиль,
m.lozovski@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены результаты изучения факторов, оказавших в 1970-е гг. влияние на рост популярности французской комедии среди массовой зрительской аудитории. Проанализированы более 120 кинопроизведений комедийного жанра французского производства, выпущенных в прокат в рассматриваемый период. Представленная тема не исследована ни в российской, ни во французской киноведческой литературе, представляет интерес для профильного читателя, исследователя французского кино. Актуальность темы очевидна: в сегодняшнее непростое жесткое время особенно нужны кинопроизведения комедийной тематики. Именно они, наряду с хорошими сказками, делают мир и общество добрее, отзывчивее, отвлекают от негативных мыслей. Смех продлевает жизнь — привычная всем сентенция, поэтому поиск и нахождение формулы смеха в наши дни весьма востребованы. Предложена формула успеха французской комедии 1970-х годов, которая может быть использована для аналогичных оценок применительно к современной кинопродукции.

Ключевые слова: бюджет кинокомедии, великие актеры-комики, комедиограф, несерьезное кино, посещаемость фильма, режиссура, социологический опрос, успех фильма, формула успеха, французская комедия

Для цитирования: Лозовская М. Французская комедия 1970-х годов: формула успеха // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 144–157. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-144-157

French comedy of the 1970s. The formula for success

Manya Lozovskaya

*Haifa University international school, Haifa, Israel;
m.lozovski@gmail.com*

Abstract. The article deals with the results of studying the factors that influenced the growth of popularity of French Comedy among the mass audience in 1970s. More than 120 films of the Comedy genre of the French production released in hire in the considered period are analyzed. The presented subject is not investigated neither in the Russian, nor in the French cinema literature, is of interest to a profile reader, the researcher of the French cinema. The relevance of the topic is obvious: in today's difficult tough time Comedy films are especially need. They, along with good fairy tales, make the world and society kinder, more responsive, distract from negative thoughts. Laughter prolongs life-all familiar Maxim, so the search and finding the formula of laughter in our days are very popular. The formula of success of the French Comedy of 1970s which can be used for similar estimates in relation to modern film production is offered.

Keywords: comedy budget, comedy cinema, great comedians, writer of comedies, playful cinema, film attendance, directorial work, sociological survey, film success, success formula, French comedy

For citation: Lozovskaya, M. (2019), "French comedy of the 1970-s. The formula for success", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art history" Series*, no. 3, pp. 144–157, DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-144-157

Рассматриваемое десятилетие во французской кинематографии прошло под знаком «кино хорошего качества» [Тенейшвили 1991]. Тема актуальна в настоящее время, поскольку популярность комедийного жанра в кино заметно снизилась. Массового зрителя в большей степени привлекают сейчас триллеры, фильмы ужасов, боевики и фантастика. На долю комедии приходится сейчас немногим больше 7%.

Кинематограф является мощным инструментом влияния на психологию массовой аудитории, поэтому закономерны опасения, что фильмы перечисленных жанров способствуют формированию жестокости, немотивированной агрессии, проявлению низменных инстинктов и негативных форм человеческого поведения. В противовес этому ленты комедийного жанра, особенно те, которые продвигают гуманистические идеи, способны оказать положитель-

ное влияние на большинство зрителей. Чтобы понять, как вернуть популярность кинокартинам комедийной направленности, обратимся к лучшим образцам произведений успешных французских кинематографистов.

Новизна исследования заключается в обращении к традициям коммерческого кинематографа Франции как одной из крупнейших европейских кинодержав (в то время как в большинстве публикаций на аналогичную тематику рассматривается преимущественно кинопродукция Голливуда), а также в реализованной попытке вывести универсальную формулу успеха кинолент комедийного жанра.

Подавляющее число отечественных и переводных публикаций о французском кинематографе посвящено интеллектуальному авторскому, иными словами – элитарному кино. При этом общеизвестным является тот факт, что успехом у значительной части зрителей пользуется жанровое коммерческое кино. Емкое и подробное исследование французского коммерческого кино было проведено профессором ВГИК, продюсером и многолетним представителем «Совэкспортфильма» в Париже Отаром Владимировичем Тенейшвили и опубликовано почти 50 лет назад в сборнике «Мифы и реальность: зарубежное кино сегодня», изданном в 1972 г. [Тенейшвили 2019]. Данное исследование затрагивало практически не рассматривавшуюся ранее проблему успешности французской комедии (или, как было принято называть этот жанр, «несерьезное кино») 1970-х гг.

В процессе проведения исследования нами была выдвинута гипотеза, что основой успеха французской комедии 1970-х гг. являются следующие факторы: участие известных узнаваемых актеров, тиражируемость популярных образов и типажей, серийность успешных сюжетов, доступность для массовой аудитории фабулы и языка героев фильма, и все это – при качественной сценарной проработке и новаторской профессиональной режиссуре.

Несмотря на огромную популярность фильмов, созданных в Голливуде, французское кино всегда занимало особую нишу в мире и пользовалось любовью зрителей разных стран. Разумеется, кассовый успех выпадает, прежде всего, на долю жанрового кино. Во Франции традиционно существовало три наиболее популярных жанра: фильмы «плаща и шпаги», имевшие большой успех в 1950–1960-х гг., когда в них блистали Жерар Филип, Жерар Баррэ и, конечно, «король жанра» – Жан Маре; полицейские фильмы (расцвет этого направления приходится на 1970–1980 гг., когда его главными звездами стали Жан-Поль Бельмондо и Ален Делон), и, конечно же, неповторимые французские комедии.

Французские кинематографисты традиционно снимали много комедий, однако расцвет жанра начался в 1960-е годы, когда к нему обратились такие режиссеры, как Филипп де Брока, Жан Жиро, Ив Робер и Жерар Ури. В 1970-е гг. к ним присоединились еще два будущих классика французской комедии – Клод Зиди и Франсис Вебер. Нельзя оставить без внимания и прославленного мастера фильмов «плаща и шпаги» Андре Юнебеля, создавшего в 1960–1970-е гг. несколько успешных комедий. Несмотря на то что у зрителей любимые киноленты ассоциируются прежде всего с именами актеров, первостепенным фактором успеха комедии, на наш взгляд, следует назвать глубокую проработку сценария и режиссуру.

Три столпа французской комедии того периода – Жиро, Робер и Ури – профессиональные актеры, которым в большей степени удалось реализоваться в режиссуре. Комедиограф и сценарист Жан Жиро, которого известный французский киновед Жан-Пьер Жанкола несправедливо, на наш взгляд, называет «незначительным» [Жанкола 1984, с. 99], снял свою первую комедию в 1960 году. Подлинная известность пришла к нему благодаря сотрудничеству с одним из самых ярких звезд комедийного жанра Луи де Фюнесом. В этом творческом союзе появилась знаменитая серия фильмов о жандарме из Сен-Тропе, начавшаяся в 1964 г. и завершившаяся лишь со смертью режиссера в 1982 г.

Комедиями с участием Луи де Фюнеса начинает свой творческий путь также и Ив Робер, успешный продюсер, дебютировавший в качестве режиссера еще в 1954 г. Однако самой успешной из его работ стала вышедшая на экран в 1970-е гг. диалогия о высоком блондине, принесшая мировую известность новой звезде французской комедии – Пьеру Ришару.

Наконец, Жерар Ури, старт режиссерской деятельности которого приходится на 1960-е гг., получает известность благодаря лентам с участием актерского дуэта Бурвиля и Луи де Фюнеса. После ухода из жизни Бурвиля он продолжает работать с Луи де Фюнесом, а затем со звездами нового поколения – Пьером Ришаром и Жаном-Полем Бельмондо. Киновед О.В. Тенейшвили называет комедии Жерара Ури образцами «хорошего класса» [Тенейшвили 2019]. При этом он подчеркивает, что режиссер выстраивает свои комедии по канонам театральных водевилей Жоржа Фейдо, написанных в начале XX в. и с неизменным успехом ставившихся в Париже; многие до сих пор с успехом идут на сценах театров разных стран.

Особняком стоит творчество Филиппа де Брока – режиссера, сформировавшегося в лоне французской «новой волны». Его первые комедии вышли на экраны в самом начале 1960-х. В 1970-е гг. он

стал отдавать предпочтение фильмам смешанных жанров, в которых комедийное начало сочеталось с приключенческим, мелодраматическим содержанием. Де Брока никогда не работал с актерами, считавшимися мастерами преимущественно комедийного жанра, предпочитая им более разноплановых исполнителей. Особенно удачным оказался устойчивый тандем режиссера с Жаном-Полем Бельмондо.

Уже на примере изучения творчества режиссеров-комедиографов 1960-х гг. становится очевидным, что одной из составляющих успеха французской комедии является серийность. Помимо серии фильмов о жандарме, мировую известность получает серия из трех пародийно-приключенческих комедий о Фантомасе (отметим, что первый вариант киномомана про Фантомаса был поставлен Луи Фейадом в 1913 г.), созданная мастером фильмов «плаща и шпаги» Андре Юнебелем с участием все того же Луи де Фюнеса и звезды других лент этого режиссера – Жана Маре. Несмотря на большой кассовый успех этих лент, О.В. Тенейшвили придерживался невысокого мнения о них: «Легкость восприятия тут доведена до предела – нет не только никакой мысли, но даже фабулы» [Тенейшвили 2019]. Весьма спорное утверждение, особенно с позиций сегодняшнего дня: не только многие мысли, но и сюжеты ряда работ оказались провидческими.

В 1970-е гг. на экран выходят 13 комедий Жана Жиро, включая 2 фильма из серии о жандарме из Сен-Тропе, 8 комедий Филиппа де Брока, 5 комедий Ива Робера, включая дилогию о высоком блондине, 3 комедии Жерара Ури.

В этот период начинают свою творческую деятельность два, возможно, самых известных на сегодняшний день французских режиссера-комедиографа – Клод Зиди и Франсис Вебер. Оба они показали себя и успешными сценаристами.

Клод Зиди громко заявляет о себе серией уморительно смешных комедий с участием группы «Шарло». В дальнейшем ему доведется поработать со всеми заметными комиками французского кинематографа. В 1970-е гг. – это признанные мастера жанра Луи де Фюнес, Пьер Ришар, Жан-Поль Бельмондо и начинающий актер Колош, чья звездная карьера будет стремительно развиваться в первой половине 1980-х годов, внезапно оборвавшись с его трагической гибелью. Позднее в комедиях Клода Зиди будут блистать Жерар Депардьё, Филипп Нуарэ, Тьерри Лермит и Кристиан Клавье. В 1970-е на экран вышло 10 его комедий. По количеству выпущенных в прокат картин Зиди лишь немного уступил Жану Жиро, но явно превзошел его по качеству продукции.

В противоположность Зиди, Франсис Вебер привнес во французскую комедию нотку грусти. Возможно, причиной тому – его

«славяно-армянские» корни. В 1970-е гг. Вебер получил известность как сценарист – создатель знаменитого «высокого блондина». В режиссуре он решил попробовать себя в 1976 г., сняв по собственному сценарию тонкую и умную комедию «Игрушка» с Пьером Ришаром в главной роли. Дальнейший расцвет его режиссерской карьеры пришелся на 1980-е гг., когда в его комедиях появился незабываемый дуэт Пьера Ришара и Жерара Депардьё.

Если сопоставить комедии перечисленных выше режиссеров, становится очевидно, что каждый из них нашел свой путь к успеху у зрителя. Жан Жиро удачно использовал ироническое отношение французов к своей полиции, создав комичные, но при этом вызывающие симпатию образы жандармов. Ив Робер остроумно спародировал популярные шпионские боевики. Жерар Ури успешно развивал традиции классического французского водевиля. Филипп де Брока в качестве своего фирменного стиля выбрал пародию и смешение жанров. Клод Зиди делал ставку на трюковые сцены, а также стал первооткрывателем новых звезд (группа «Шарло», Колюш). Франсис Вебер создал образ скромного и во многом нелепого героя, с честью выходящего из кажущихся безвыходными ситуаций.

Режиссура – фундамент, на который опирается успех французской комедии. Но для зрителя его главной составляющей являются актеры. По словам Жан-Пьер Жанкола, «питающаяся зрелищем публика требует Бурвиля, Фернанделя, Луи де Фюнеса. После смерти Бурвиля в 1970 г. и Фернанделя в 1971 г. Луи де Фюнес оставался в то время единственной во Франции большой звездой популярной комедии» [Жанкола 1984, с. 99]. Впрочем, появление новых звезд на комедийном небосклоне не заставило себя ждать.

Как отмечает Ж.-П. Жанкола, «карьера Луи де Фюнеса, этого чемпиона в данном жанре на протяжении десятилетия, несколько затормозилась после фильма “Приключения раввина Якова”. Дело вовсе не в том, что актер стал пользоваться меньшим успехом: повторные выпуски его прежних фильмов доказывают обратное. Нет, Луи де Фюнес устал и с меньшей готовностью принимает предложения потенциальных вкладчиков капитала в кинопроизводство. За четыре года он появился только в двух фильмах: “Крылышко или ножка” и “Неразбериха”, оба поставлены Клодом Зиди. Два фильма, созданные специально для де Фюнеса, точно выверены, завинчены и стянуты, столь явно предсказуемы, что даже самые снисходительные критики постепенно от них отвернулись...» [Жанкола 1984, с. 169].

В 1970-е гг. у Луи де Фюнеса появился достойный преемник. В этот период началась успешная карьера грустного комика Пьера Ришара. Актер дебютировал в кино еще в 1967 г., но поначалу ему

доставались эпизодические роли. Тогда он решил не ждать подарков судьбы и в 1970 г. в качестве режиссера снял свой первый фильм «Рассеянный», где сам выступил в главной роли.

На протяжении 1970-х гг. на экран вышли еще три комедии Пьера Ришара, но свои лучшие роли он сыграл в лентах других режиссеров – Ива Робера, Жерара Ури, Клода Зиди и Франсиса Вебера. Особенно удачным оказался образ Франсуа Перрена, придуманный Вебером-сценаристом. В 1980-е гг. он превратился во Франсуа Пиньона, не претерпев особых изменений. Робкий и застенчивый, смешной и нелепый, но при этом умеющий отстаивать свои идеалы и благополучно выходить из сложнейших ситуаций, Франсуа Перрен мог быть музыкантом, журналистом или школьным учителем, оставаясь таким же знаковым персонажем французской комедии, как жандарм Крюшо в исполнении Луи де Фюнеса.

1970-е гг. стали и периодом расцвета кинематографической карьеры комик-группы «Шарло». За время существования группы ее состав претерпевал изменения, но на экране чаще всего появлялась неунывающая четверка: Жерар Ринальди, Жерар Филипелли, Жан Саррюс и Жан-Ги Фешнер. Дебютировав в 1971 г. в комедии Филиппа Клэра «Большая Ява», «Шарло» продолжали сниматься в фильмах крупнейших режиссеров-комедиографов, прежде всего Клода Зиди, в содружестве с которым ими было создано 4 фильма, а также в работах Жана Жиро и Андре Юнебеля.

Появление на экране непрофессиональных актеров, участников популярной музыкальной группы, было обусловлено шумным успехом снятых за несколько лет до этих комедий англичанина Ричарда Лестера с участием легендарной группы «Битлз». После выхода первых лент с участием «Шарло» кинокритик Анри Шапье писал: «Клоду Зиди наконец удалось осуществить свой замысел в фильме с участием ансамбля “Шарло”. “Спятившая солдатня” представляет собой французский, провинциальный и ни на что не претендующий вариант того фейерверка, который некогда зажгли фильмы “На помощь!” и “Вечер трудного дня” ...» (журнал «Комба», пер. автора статьи).

Успех первой ленты, снятой Клодом Зиди с участием группы «Шарло», оказался грандиозным и неожиданным, ее посмотрели за четырнадцать недель около 900 000 зрителей [Жанкола 1984, с. 172]. После этого комедии с группой «Шарло» стали появляться одна за другой. Наиболее успешным оказался фильм того же Клода Зиди «Новобранцы идут на войну», который привлек в кинотеатры Франции около 400 000 зрителей [Жанкола 1984, с. 172].

В СССР весьма популярным французским фильмом 1970-х гг. стала дилогия Андре Юнебеля «Четыре мушкетера» и «Четверо

против кардинала», главные роли в которой исполнили участники группы «Шарло». В 1978 г. эти два фильма посмотрели 56,6 млн советских зрителей. Большим успехом пользовалась и упомянутая выше лента Клода Зиди «Новобранцы идут на войну», собравшая в том же году 50,1 млн зрителей.

Среди других французских комедий конкуренцию им смогли составить фильмы с участием Луи де Фюнеса, снятые еще в предыдущее десятилетие (за исключением картины 1970 г. «Человек-оркестр», которую в 1973 году посмотрели 30,1 млн зрителей), и картины с участием Пьера Ришара – «Не упускай из виду!» (28,9 млн зрителей в 1979 г.) и «Возвращение высокого блондина» (27,7 млн зрителей в 1976 г.).

Помимо названных исполнителей, в комедиях 1970-х гг. успешно снимается многогранный и разноплановый Жан-Поль Бельмондо, снискавший лавры преимущественно в полицейских фильмах, но при этом наделенный ярко выраженным острохарактерным актерским дарованием. Комедия Филиппа де Брока «Великолепный», где он исполнил главную роль, в 1975 г. собрала в советском прокате 24,6 млн зрителей.

В 1970-е гг. на экраны выходят 10 комедий с участием Луи де Фюнеса, 17 комедийных фильмов с участием Пьера Ришара, 12 комедий с участием группы «Шарло», 5 комедий с участием Жана-Поля Бельмондо.

Творчество популярных комедийных актеров заставляет задуматься об еще одной составляющей успеха французской комедии – тиражируемости образа. Зачастую актер в разных фильмах играет похожих, однотипных персонажей. Луи де Фюнес воспринимается зрителями прежде всего как туповатый, но весьма амбициозный полицейский – будь то комиссар Жюв или жандарм Крюшо. Пьер Ришар полюбился зрителям как успешно действующий в различных обстоятельствах скромный, невезучий и обаятельный Франсуа Перрен (или Пиньон). Молодые люди из группы «Шарло» и вовсе играют самих себя, даже не меняя имен.

Видимо, поэтому французская критика писала о том, что именно актеры «были подлинными авторами своих фильмов». С данным утверждением не соглашается Ж.-П. Жанкола: «Если термин “автор” предполагает активную ответственность создателя, то такое утверждение неверно. Ни Жан Габен, ни Фернандель, ни десять лет спустя де Фюнес не несли ответственности за фильмы, сделавшие их популярными. Но между ними и зрителями сложились своеобразные, ставшие привычными отношения, которые давят на сценаристов или режиссеров, лишенных самобытности. Сценарии и диалоги до мельчайших реплик выкраиваются по мерке актера. Как костюм, который знаменитый портной кроит для

клиента, но в этом костюме ощущается стиль мастера» [Жанкола 1984, с. 87].

Особой популярностью у зрительской аудитории пользуются комедии с участием дуэтов, состоящих из диаметрально противоположных по характеру персонажей. В 1960-е годы наибольшую известность получили дуэты Луи де Фюнеса с Бурвилем («Разиня», «Большая прогулка»), Жаном Маре (серия фильмов о Фантомасе) и Мишелем Галабрю («Жандарм из Сен-Тропе»). В 1980-е гг. появились знаменитые дуэты Пьер Ришар и Жерар Депардьё («Невезучие», «Папаши», «Беглецы») и Филипп Нуарэ – Тьерри Лермит («Продажные»). Но именно в 1970-е в развитии жанра «комедии-дуэта» (как называет его франкоязычная Википедия) наступил перерыв: Бурвиль ушел из жизни, Жан Маре категорически отказался от съемок в продолжении «Фантомаса». Единственным полноценным комедийным дуэтом 1970-х гг. оставались Луи де Фюнес и Мишель Галабрю, но они в указанный период снялись только в двух фильмах из серии «Жандарм из Сен-Тропе».

Одним из слагаемых успеха французского кино всегда было участие изысканно красивых актрис. Однако в комедии героиня, как правило, отходила на второй план, поскольку для комического персонажа наличие любовной линии не считалось обязательным. Тем не менее многие создатели комедийных лент старались пригласить в свой фильм эффектную исполнительницу. У совершенно неромантических персонажей Луи де Фюнеса была постоянная спутница – эффектная блондинка Клод Жансак. Вместе актеры снялись в десяти комедиях, в семи из которых сыграли супружескую пару. В 1970-е гг. на экраны вышло четыре комедии с участием популярного дуэта. Пьер Ришар, создавая на экране образ трогательного «недотепы», нередко привносил в него лирические нотки. В 1970-е гг. его партнершами становились две «звезды» французского экрана – элегантная Мирей Дарк (дилогия о высоком блондине) и хрупкая Джейн Биркин (комедии «Горчица бьет в нос» – в советском прокате фильм назывался «Он начинает сердиться», и «Гонка за луком шалот» – в советском прокате «Не упускай из виду!»).

Эффектные партнерши всегда сопутствовали «супермену» Жану-Полю Бельмондо. В 1970-е он снимался в комедиях вместе с англичанкой Жаклин Биссет («Великолепный») и секс-символом Голливуда Ракейл Уэлч («Чудовище»).

Для О.В. Тенейшвили первостепенной составляющей успеха французского кино является выбор исполнителей главных ролей. Свою точку зрения он иллюстрирует с помощью социологической анкеты киноцентра Франции, предложенной зрителям в 1970 г. На вопрос анкеты: «Какие фильмы вам нравятся?» – большая часть

зрителей ответила: «Фильмы с Габеном, с Бельмондо, с Брижитт Бардо, с Луи де Фюнесом, с Бурвилем». По данным этой анкеты, свыше 50% зрителей ходят в кино, руководствуясь только фамилиями любимых актеров, занятых в фильме. Фильм может быть о чем угодно — главное, играл бы в нем кто-нибудь из любимцев, и тогда его коммерческий успех обеспечен» [Тенейшвили 2019]. Так называемые «требования публики» и порождают тиражируемость образов и серийность.

В конце 1960-х гг. наметился определенный спад посещаемости французских кинотеатров, что заставило целый ряд французских и зарубежных исследователей говорить о скорой гибели французского кино. О.В. Тенейшвили приводит данные по посещаемости киносеансов в зависимости от образовательного уровня французской аудитории. Согласно этой информации, регулярно посещали кинотеатры 28% населения, имеющих среднее образование, и 56% — высшее. Рассматривает он и статистику посещаемости кинотеатров представителями разных профессий. «Самая высокая посещаемость (82%) падает на людей творческих профессий — врачей, адвокатов, работников искусства. Довольно высокий уровень посещаемости (74%) наблюдается среди служащих и технической интеллигенции, слабее у рабочих (67%) и меньше всего у крестьян (56%)» [Тенейшвили 2019].

На основании полученных статистических данных О.В. Тенейшвили делает вывод об оторванности французского кинематографа от массового зрителя. Однако одной из причин коммерческого успеха французской комедии 1970-х гг. стала именно простота ее сюжетов и легкость восприятия, рассчитанная на привлечение массовой аудитории любого образовательного уровня.

По мысли критика, подобные коммерчески успешные ленты создаются «средними» (т. е. посредственными) режиссерами. «Основная масса картин текущего репертуара создается людьми не столь талантливыми, сколь искушенными во всех приемах и уловках, отвечающих вкусам публики. Эти профессиональные ремесленники безошибочно лепят картины, делающие наибольшие сборы. Рецепт изготовления таких фильмов установлен раз и навсегда. В нем обязательно участие хотя бы одного актера-звезды, широко известного публике, и зазывающее название, иногда заимствованное у знаменитого литературного произведения, которое зачастую бессовестно искажается в фильме. Далее каждый такой фильм непременно снабжается грандиозной упаковкой: пышными декорациями, богатыми костюмами, элементами экзотики, техническими новинками, оригинальным инвентарем и реквизитом, от которых у зрителей дух захватывает» [Тенейшвили 2019]. Правда, О.В. Тенейшвили говорил здесь в основном об исторических и

приключенческих лентах, но в значительной мере относил сказанное и к комедии. Согласиться сегодня с подобным утверждением, на наш взгляд, невозможно.

Мы провели собственный социологический опрос среди жителей Москвы (в октябре 2018 г.) и Санкт-Петербурга (в сентябре 2017 г.). Опрошены примерно 150 человек в двух крупнейших российских городах. Заданы следующие вопросы:

Какую французскую комедию 1970-х годов вы помните?

Назовите своего любимого актера-комика, снимавшегося во французских фильмах прошлых лет?

Каких французских режиссеров-комедиографов вы знаете?

Чем привлекают вас французские комедии 1970-х годов?

Результаты социологического исследования представлены в табл. 1–4, численные данные округлены.

Таблица 1

Наиболее запомнившиеся французские комедии 1970-х гг.

№	Название фильма*	Возраст опрошиваемых, лет			
		18–25	26–35	36–50	Старше 50
1	Серия «Жандарм из Сен-Тропе» и другие ленты с Луи де Фюнесом	7%	10%	28%	40%
2	Дилогия о высоком блондине, «Игрушка»	15%	23%	30%	22%
3	«Четыре мушкетера», «Четверо против кардинала», «Новобранцы идут на войну», «Укол зонтиком»	5%	10%	15%	18%
4	Не помнят	73%	57%	27%	20%

* Названия фильмов для опроса были предложены нами.

Таблица 2

Любимые французские актеры-комики

№	Актер	Возраст опрошиваемых, лет			
		18–25	26–35	36–50	Старше 50
1	Луи де Фюнес	10%	20%	20%	40%
2	Пьер Ришар	45%	35%	40%	35%

3	Жан-Поль Бельмондо	40%	35%	20%	15%
4	Группа «Шарло»	5%	10%	20%	10%

Таблица 3

Французские режиссеры-комедиографы

№	Режиссер	Возраст опрошиваемых, лет			
		18–25	26–35	36–50	Старше 50
1	Жан Жиро	–	5%	5%	5%
2	Ив Робер	–	5%	5%	5%
3	Жерар Ури	–	–	–	5%
4	Филипп де Брока	–	5%	5%	5%
5	Клод Зиди	3%	5%	20%	10%
6	Франсис Вебер	5%	10%	10%	5%
7	Помнят только названия фильмов и имена актеров	92%	70%	55%	65%

* Имена режиссеров для опроса были предложены нами.

Таблица 4

Факторы популярности французской комедии 1970-х гг.

№	Фактор популярности	Возраст опрошиваемых, лет			
		18–25	26–35	36–50	Старше 50
1	Занимательный сюжет	30%	20%	15%	20%
2	Хорошие режиссура, сценарий	20%	25%	20%	30%
3	Любимые актеры	25%	25%	30%	35%
4	Полюбившиеся персонажи	20%	20%	10%	5%
5	Другое	5%	10%	25%	10%

Как видно из приведенных в табл. 1–4 обобщенных данных соцопросов, главными факторами привлекательности французской комедии являются сюжет и участие любимых актеров (персонажей, созданных ими). При этом зрители среднего и старшего поколения знают актеров, снимавшихся в комедиях, гораздо

лучше, чем молодое поколение. Зрители всех поколений почти не знают имена режиссеров, снимавших полюбившиеся ленты. Однако это не значит, что не стоит учитывать фактор режиссуры при разработке формулы успеха, поскольку среди наиболее запомнившихся комедий преобладают работы определенных, получивших наибольшую известность, французских комедиографов.

В декабре 1978 г. в газете “Film France” была опубликована официальная таблица, в которой были классифицированы вышедшие на экраны фильмы в зависимости от числа посещений в кинозалах столицы и на периферии [Жанкола 1984, с. 168]. Семь из них превысили отметку посещаемости в 500 000 зрителей [Жанкола 1984, с. 168].

Как указывает Ж.-П. Жанкола, «За исключением «Эмманюэль-2», шесть из них – комедии: «Побег» Жерара Ури, «Отель на пляже» Мишеля Ланга, «Нежный полицейский» Филиппа де Брока, «Я робкий, но я лечусь» Пьера Ришара, «Неразбериха» Клода Зиди, «Клетка для психопатов» Эдуара Молинаро. Восьмой фильм в списке немного отстает (386 000 зрителей), это тоже комедия “Робер и Робер” Клода Лелуша» [Жанкола 1984, с. 169].

Поскольку французские комедии снимались именно в расчете на прокатный успех, на них всегда выделялся большой бюджет. Кроме того, немалые средства вкладывались в рекламу. К примеру, бюджет комедии «Неразбериха» превысил значительную сумму в 20 млн франков, при этом на рекламу было выделено около 1,5 млн франков, из которых 730 000 франков были израсходованы на афиши [Жанкола 1984, с. 169].

В результате проведенного исследования, с учетом показателей проведенных нами опросов, а также опубликованных материалов французских кинокритиков, нам удалось вывести и оцифровать формулу успеха (лучше даже сказать – формулу смеха!) французской комедии 1970-х гг., где 40% приходится на долю популярных актеров и созданных ими типажей, 30% – на сценарий (прежде всего доступность сюжета для массовой аудитории), 20% успеха дает режиссура, 10% – реклама и прокатная политика.

$$Y = A + C + P + \Pi,$$

где Y – успех фильма, A – актеры, C – сценарий, P – режиссура, Π – реклама и прокатная политика.

Выводы

Одним из главных факторов успеха французской комедии 1970-х гг. стал интенсивный и почти одновременный приход в кинематограф целой плеяды талантливых режиссеров-комедиографов.

Для массового зрителя основной составляющей успеха комедийных лент является участие популярных актеров. Особой привлекательностью обладают создаваемые ими постоянные типажи и серийность кинолент, имеющих продолжение.

Залогом успеха сценариев комедийных лент являются не только оригинальность и остроумие, но и доступность языка персонажей фильма для массового зрителя.

Поскольку французские комедии изначально снимаются в расчете на коммерческий успех, их производство, прокат и реклама всегда требовали существенных вложений, что во многом определяло успех кинокартины.

Литература

- Жанкола 1984 – *Жанкола Ж.-П.* Кино Франции: Пятая республика (1958–1978). М.: Радуга, 1984. 408 с.
- Тенейшвили 2019 – *Тенейшвили О.В.* Будни французского коммерческого кино [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_787.html (дата обращения: 12.07.2019).
- Тенейшвили 1991 – *Тенейшвили О.В.* Французское кино и зритель, производство и прокат; продюсерский кинематограф; киноинформация и кинореклама. М.: ВПИК работников кинематографии СССР, 1991. 145 с.

References

- Giancola, J.-P. (1984), *Kino Frantsii: Pyataya respublika (1958–1978)* [French Cinema. Fifth Republic (1958-1978)], Raduga, Moscow, Russia.
- Teneishvili, O.V. (2019), The Everyday life of the French commercial cinema [Online], *Scientific and educational journal Skepsis*, available at: http://scepsis.net/library/id_787.html (Accessed 12.07.2019).
- Teneishvili, O.V. (1991), *French cinema and spectator, production and film distribution; producer cinema; cinema information and film advertising* [French cinema and spectator, production and rental; production film; Kinopalace and film advertising], VIPK workers cinematography of the USSR, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Маня Лозовская, соискатель, Международная школа Хайфского университета, 199 ABBA Hushi Blvd., гора Кармель, Хайфа 3498838, Израиль, m.lozovski@gmail.com

Information about the author

Manya Lozovskaya, applicant, Haifa University international school, 199 ABBA Hushi Blvd., mount Carmel, Haifa 3498838, Israel, m.lozovski@gmail.com

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 28.09.2019.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 8,6. Усл. печ. л. 9,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 824

Издательский центр

Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rgggu.ru

www.knigirgggu.ru